

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

1. Вселение наследника в принадлежавшее наследодателю жилое помещение или проживание в нем на день открытия наследства, а также совершение им иных действий, перечисленных в п. 2 ст. 1153 ГК РФ, может свидетельствовать о фактическом принятии наследником наследственного имущества и, как следствие, возникновении права собственности на него

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 19 января 2016 г. № 5-КГ15-180*

(Извлечение)

Судом установлено, что после смерти К. в 1997 году открылось наследство в виде трехкомнатной квартиры. Завещание наследодателем не составлялось. Наследниками по закону первой очереди являлись: сын наследодателя А., дочь наследодателя В. и его отец Г.

23 января 1998 г. В. обратилась к нотариусу с заявлением о принятии наследства, открывшегося со смертью К., указав при этом, что других наследников не имеется.

Законный представитель наследника А. с заявлением о принятии наследства либо об отказе от него в предусмотренный законом срок к нотариусу не обращалась.

Отец наследодателя Г. наследство после смерти сына не принимал.

6 марта 1998 г. В. на спорную квартиру нотариусом было выдано свидетельство о праве на наследство по закону. На основании данного свидетельства В. зарегистрировала за собой в Управлении Росреестра по г. Москве право собственности на спорную квартиру.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования А. о признании принявшим наследство, признании права собственности в порядке наследования по закону, признании недействительным свидетельства о праве на наследство по закону, суд первой инстанции исходил из того, что истец, являясь на момент смерти отца несовершеннолетним, проживал в спорной квартире и проживает до настоящего времени, вступил во владение наследственным имуществом и пользовался им, что свидетельствует о принятии им наследства.

При этом суд указал, что на день открытия наследства А. в силу своего несовершеннолетнего возраста не мог в полном объеме понимать и осознавать значимость установленных законом требований о необходимости своевременного принятия наследства. Ненадлежащее исполнение законным представителем истца обязанности действовать в интересах несовершеннолетнего не должно отрицательно сказываться на правах и интересах ее ребенка как наследника.

Доводы ответчика В. о пропуске истцом срока исковой давности не были приняты во внимание судом, поскольку суд пришел к выводу о том, что нарушенное право истца не связано с лишением его владения спорным имуществом.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции исходил из того, что истцом не представлено доказательств, свидетельствующих о фактическом принятии им наследственного имущества после смерти отца. Кроме того, истцом по требованиям о признании недействительным свидетельства о праве на наследство по закону, выданного В., об оспаривании ее права собственности на квартиру без уважительных

причин был пропущен срок исковой давности, что в силу положений п. 2 ст. 199 ГК РФ является самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении иска.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, рассмотрев дело 19 января 2016 г. по кассационной жалобе А., признала выводы суда апелляционной инстанции сделанными с существенным нарушением норм материального права по следующим основаниям.

Абзацем 2 п. 2 ст. 218 ГК РФ установлено, что в случае смерти гражданина право собственности на принадлежавшее ему имущество переходит по наследству к другим лицам в соответствии с завещанием или законом.

Согласно ст. 546 ГК РСФСР, действовавшей на момент открытия наследства, для приобретения наследства наследник должен его принять. Принятое наследство признается принадлежащим наследнику со времени открытия наследства.

В соответствии с разъяснениями, изложенными в п. 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 “О судебной практике по делам о наследовании”, наследник, принявший наследство, независимо от времени и способа его принятия считается собственником наследственного имущества, носителем имущественных прав и обязанностей со дня открытия наследства вне зависимости от факта государственной регистрации прав на наследственное имущество и ее момента.

Таким образом, закон связывает момент возникновения у наследника права собственности на наследственное имущество с моментом открытия наследства в случае, если наследство было принято в порядке и способами, установленными законом.

Согласно ст. 546 ГК РСФСР признается, что наследник принял наследство, когда он фактически вступил во владение наследственным имуществом или когда он подал нотариальному органу по месту открытия наследства заявление о принятии наследства. Принятое наследство признается принадлежащим наследнику со времени открытия наследства.

Аналогичные положения содержатся в ст. 1153 ГК РФ, действующей на момент рассмотрения дела судом.

В силу п. 1 ст. 1153 ГК РФ принятие наследства осуществляется подачей по месту открытия наследства нотариусу или уполномоченному в соответствии с законом выдавать свидетельства о праве на наследство должностному лицу заявления наследника о принятии наследства либо заявления наследника о выдаче свидетельства о праве на наследство.

Признается, пока не доказано иное, что наследник принял наследство, если он совершил действия, свидетельствующие о фактическом принятии наследства, в частности, если наследник вступил во владение или в управление наследственным имуществом (п. 2 указанной статьи).

Как разъяснено в п. 36 постановления Пленума Верховного Суда РФ “О судебной практике по делам о наследовании”, под совершением наследни-

ком действий, свидетельствующих о фактическом принятии наследства, следует понимать совершение предусмотренных п. 2 ст. 1153 ГК РФ действий, а также иных действий по управлению, распоряжению и пользованию наследственным имуществом, поддержанию его в надлежащем состоянии, в которых проявляется отношение наследника к наследству как к собственному имуществу. В качестве таких действий, в частности, может выступать вселение наследника в принадлежавшее наследодателю жилое помещение или проживание в нем на день открытия наследства (в том числе без регистрации наследника по месту жительства или по месту пребывания).

В целях подтверждения фактического принятия наследства (п. 2 ст. 1153 ГК РФ) наследником может быть представлена, в частности, справка о проживании совместно с наследодателем.

Как установлено судом, истец с 19 апреля 1983 г. проживал в спорном жилом помещении совместно с наследодателем, после смерти которого продолжил проживать в данном жилом помещении, что подтверждается выпиской из домовой книги и финансово-лицевым счетом.

Мать истца зарегистрирована в спорном жилом помещении с 1983 года и с указанного времени также постоянно проживает в нем совместно с сыном.

Поскольку на момент открытия наследства А. являлся несовершеннолетним, то законным представителем, наделенным правами действовать в защиту его прав и интересов, в том числе как наследника, согласно положениям ст. 64 СК РФ являлась его мать, которая в интересах несовершеннолетнего фактически приняла наследство, вступив во владение и пользование наследственным имуществом, выбрав место жительства А. в спорной квартире и неся бремя содержания спорного имущества, от принятия наследства в интересах несовершеннолетнего мать истца как его законный представитель не отказывалась.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции в нарушение положений ст. 329 ГПК РФ не привел доказательства, которые опровергали бы выводы суда первой инстанции.

При таких обстоятельствах вывод суда апелляционной инстанции о недоказанности принятия истцом наследства путем фактического вступления в права наследования спорным имуществом противоречит обстоятельствам дела и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ.

Таким образом, приняв наследство, А. стал собственником спорного имущества с момента открытия наследства, а именно с 18 августа 1997 г. Получение же А. свидетельства о праве на наследство являлось его правом, а не обязанностью (п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ “О судебной практике по делам о наследовании”).

Согласно п. 1 ст. 209 ГК РФ собственнику принадлежит право владения, пользования и распоряжения своим имуществом.

Как установлено судом, А. как собственник доли в спорном жилом помещении, проживая и

пользуясь им, несет расходы по его содержанию, владеет и пользуется спорным помещением.

Заявляя требование о признании права собственности на принадлежащую ему в силу закона долю в спорной квартире, истец фактически настаивает на устранении нарушения своего права, не связанного с лишением владения, путем оспаривания выданного В. свидетельства о праве на наследство и ее права собственности на квартиру.

Суд первой инстанции удовлетворил заявленные требования, установив, что А. принял наследство со дня его открытия.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции применил к исковым требованиям А. срок исковой давности по заявлению В. как самостоятельное основание для отказа в иске (п. 2 ст. 199 ГК РФ).

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с указанным выводом суда апелляционной инстанции в связи со следующим.

Согласно п. 1 ст. 196 и п. 1 ст. 200 ГК РФ общий срок исковой давности составляет три года со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

Исковая давность не распространяется на требования, предусмотренные ст. 208 ГК РФ, в том числе требования собственника или иного владельца об устранении всяких нарушений его права, если эти нарушения не были соединены с лишением владения.

Из разъяснений постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. “О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав” (в ред. от 23 июня 2015 г.) следует, что течение срока исковой давности по искам, направленным на оспаривание зарегистрированного права, начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о соответствующей записи в ЕГРП. При этом сама по себе запись в ЕГРП о праве или обременении недвижимого имущества не означает, что со дня ее внесения в ЕГРП лицо знало или должно было знать о нарушении права.

Вместе с тем в силу абз. 5 ст. 208 ГК РФ в случаях, когда нарушение права истца путем внесения недостоверной записи в ЕГРП не связано с лишением владения, на иск, направленный на оспаривание зарегистрированного права, исковая давность не распространяется (п. 57).

Лицо, считающее себя собственником находящегося в его владении недвижимого имущества, право на которое зарегистрировано за иным субъектом, вправе обратиться в суд с иском о признании права собственности. Если иное не предусмотрено законом, иск о признании права подлежит удовлетворению в случае представления истцом доказательств возникновения у него соответствующего права (пп. 58, 59).

Учитывая фактическое принятие А. наследства, владение и пользование спорной квартирой

до настоящего времени, с учетом положений ст. 208 ГК РФ и разъяснений, изложенных в указанном выше постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29 апреля 2010 г., требования А. подлежали рассмотрению судом как требования об устранении нарушения права, не связанного с лишением владения (негативный иск), на которые исковая давность по заявлению стороны в споре не распространяется.

Данные обстоятельства и указанные нормы действующего законодательства не были учтены судом апелляционной инстанции.

При таких обстоятельствах признан правильным вывод суда первой инстанции о том, что на требования о признании недействительным свидетельства о праве на наследство по закону и признании права собственности в силу ст. 208 ГК РФ исковая давность не распространяется.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение, оставив в силе решение суда первой инстанции.

2. Оплата организацией железнодорожного транспорта за своего работника стоимости проезда на железнодорожном транспорте в личных целях не может рассматриваться как компенсация работнику затрат, связанных с исполнением трудовых обязанностей, а представляет собой доход, полученный им в натуральной форме, который подлежит обложению налогом на доходы физических лиц

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 7 декабря 2015 г. № 8-КГ15-15*

(Извлечение)

Б. обратилась в суд с иском к открытому акционерному обществу “Федеральная пассажирская компания” (далее — Общество) о взыскании излишне удержанной из ее заработной платы суммы налога на доходы физических лиц, компенсации морального вреда, судебных и почтовых расходов.

Судом установлено, что Б. работает в филиале Общества в должности старшего нарядчика поездных бригад.

В силу п. 5 ст. 25 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ “О железнодорожном транспорте в Российской Федерации” работники железнодорожного транспорта общего пользования пользуются правом бесплатного проезда на железнодорожном транспорте за счет средств соответствующих организаций в порядке и на условиях, которые предусмотрены отраслевым тарифным соглашением и коллективными договорами.

Подпунктом 3.4.1 коллективного договора, заключенного между работниками и Обществом (действовал в период с 2010 по 2013 год), было предусмотрено право работников и находящихся на их иждивении детей в возрасте до 18 лет (не более двух), а также детей работников, погибших в результате несчастного случая на производстве, до

достижения ими возраста 18 лет на бесплатный проезд по личным надобностям один раз в год по разовому транспортному требованию в купейном вагоне пассажирских поездов всех категорий от пункта отправления до пункта назначения на территории Российской Федерации и обратно.

Кроме того, перечисленным выше лицам было предоставлено право на бесплатный проезд по личным надобностям в поездах пригородного сообщения на суммарное расстояние двух направлений до 200 км:

- в пригородных поездах всех категорий, независимо от скорости движения, оформление проездных документов в которые осуществляется без указания мест;

- на участках, где отсутствует пригородное сообщение, в общем (в исключительных случаях — в плакартном) вагоне пассажирских поездов всех категорий.

Подпунктом 8.2.1 отраслевого соглашения по организациям железнодорожного транспорта на 2011—2013 годы установлено, что работникам за счет средств работодателя предоставляется право проезда по личным надобностям по территории Российской Федерации в купейном вагоне поездов дальнего следования всех категорий один раз в год и проезд в пригородном сообщении или в поездах дальнего следования (при отсутствии пригородного) на суммарное расстояние двух направлений до 200 км или оплату (компенсацию) проезда.

В целях реализации права работников на бесплатный проезд на железнодорожном транспорте распоряжением Общества от 30 декабря 2011 г. утверждены Правила предоставления в Обществе права бесплатного проезда на железнодорожном транспорте общего пользования (далее — Правила), в соответствии с которыми для оформления бесплатного проезда по личным надобностям работникам выдаются транспортные требования формы № 4, 4-У, 6, 6-В, 9, 10, 11, а для оформления бесплатного проезда по служебным надобностям — транспортные требования формы № 1, 2, 3, 6-А.

Пунктом 2.1 Правил предусмотрены виды проезда работников Общества по служебным надобностям.

Подпунктами 3.1.1, 3.1.3, 3.1.6 Правил определено, что проезд работника от места жительства к месту основной работы, проезд один раз в год в направлении “туда и обратно” по территории Российской Федерации, а также проезд в пригородном сообщении на суммарное расстояние до 200 км в двух направлениях относятся к видам проезда по личным надобностям.

Судом также установлено, что Б. как работник Общества в период с 2010 по 2013 год неоднократно пользовалась правом бесплатного проезда на основании приведенных пунктов Правил по транспортным требованиям формы № 4, 6, 11.

Согласно справке Общества за период с 2010 по 2013 год из заработной платы Б. были произведены удержания подоходного налога со стоимости проезда по бесплатным транспортным требованиям формы № 4, 6, 11 согласно реестрам

перевозок работников Общества в поездах дальнего следования и пригородного сообщения по личным надобностям.

Разрешая спор и частично удовлетворяя исковые требования Б. о взыскании с Общества суммы удержанного подоходного налога, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что безвозмездное оказание работодателем услуг работнику по его проезду, а также оплата проезда по транспортным требованиям формы № 4, 6, 11 за счет средств работодателя не являются доходом работника в натуральной форме, а относятся к категории компенсационных выплат, связанных с исполнением налогоплательщиком трудовых обязанностей, которые в силу п. 3 ст. 217 НК РФ не подлежат налогообложению.

С данным выводом суда первой инстанции согласился суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 7 декабря 2015 г. в кассационном порядке признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права по следующим основаниям.

В силу п. 1 ст. 210 НК РФ при определении налоговой базы учитываются все доходы налогоплательщика, полученные им как в денежной, так и в натуральной формах, или право на распоряжение которыми у него возникло, а также доходы в виде материальной выгоды, определяемой в соответствии со ст. 212 Кодекса.

К доходам, полученным налогоплательщиком в натуральной форме, в частности, относится оплата (полностью или частично) за него организациями или индивидуальными предпринимателями товаров (работ, услуг) или имущественных прав, в том числе коммунальных услуг, питания, отдыха, обучения в интересах налогоплательщика (подп. 1 п. 2 ст. 211 НК РФ).

В соответствии с абз. 9 п. 3 ст. 217 НК РФ не подлежат налогообложению (освобождаются от налогообложения) следующие виды доходов физических лиц: все виды предусмотренных действующим законодательством Российской Федерации, законодательными актами субъектов Российской Федерации, решениями представительных органов местного самоуправления компенсационных выплат (в пределах норм, установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации), связанных с исполнением налогоплательщиком трудовых обязанностей (включая переезд на работу в другую местность и возмещение командировочных расходов).

Налоговый кодекс РФ не содержит определение понятия “компенсационные выплаты”.

Между тем согласно п. 1 ст. 11 НК РФ институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей законодательства Российской Федерации, используемые в Налоговом кодексе РФ, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства, если иное не предусмотрено названным Кодексом.

В ст. 164 ТК РФ содержатся понятия гарантий и компенсаций, применяемые в трудовом законодательстве. Гарантии определены как средства, спо-

собы и условия, с помощью которых обеспечивается осуществление предоставленных работникам прав в области социально-трудовых отношений; компенсации — денежные выплаты, установленные в целях возмещения работникам затрат, связанных с исполнением ими трудовых или иных предусмотренных Трудовым кодексом РФ или другими федеральными законами обязанностей.

Из приведенных положений ст. 164 ТК РФ и п. 3 ст. 217 НК РФ следует, что не облагаются налогом на доходы физических лиц доходы работника, получаемые в качестве возмещения тех затрат, которые понесены им в связи с выполнением трудовых обязанностей, т.е. компенсационные выплаты.

Право бесплатного проезда на железнодорожном транспорте по личным надобностям, предоставляемое Обществом своим работникам, исходя из подлежащих применению к спорным отношениям норм ст. 164 ТК РФ и п. 3.1.3 Правил, является гарантией, обеспечивающей осуществление работниками своих прав в области социально-трудовых отношений.

Таким образом, оплата Обществом за Б. стоимости ее проезда по бесплатным транспортным требованиям формы № 4 (проезд на железнодорожном транспорте от места жительства к месту работы в поездке пригородного сообщения или, при наличии соответствующей отметки, в общих (плацкартных) вагонах пассажирских поездов всех категорий), формы № 6 (проезд к месту отдыха и обратно), формы № 11 (проезд в пригородном сообщении на суммарное расстояние до 200 км в двух направлениях) не может рассматриваться как компенсация работнику затрат, связанных с исполнением им трудовых обязанностей, а представляет собой доход, полученный Б. в натуральной форме, который подлежит обложению налогом на доходы физических лиц, поскольку исчерпывающий перечень подлежащих освобождению от налогообложения доходов (ст. 217 НК РФ) не содержит указаний для освобождения от налогообложения выплат, предоставляемых работнику в качестве гарантий.

С учетом изложенного Судебная коллегия отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и, не передавая дело на новое рассмотрение, приняла решение об отказе в удовлетворении иска.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

1. Исключение должника из реестра субъектов оптового рынка и наличие просроченной задолженности перед кредитором сами по себе не свидетельствуют о том, что кредитор должен был знать о наличии у должника признаков неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 января 2016 г. № 310-ЭС15-12396

(Извлечение)

Компанией и обществом подписаны соглашения об отступном, по условиям которых общест-

во взамен исполнения обязательства по оплате задолженности за оказанные по договору услуги по передаче электрической энергии должно было предоставить компании отступное.

Отступное фактически предоставлено обществом в день подписания соглашений.

В рамках дела о банкротстве общества конкурсный управляющий, ссылаясь на пп. 1 и 2 ст. 61³ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон о банкротстве), обратился в арбитражный суд с заявлением о признании указанных соглашений недействительными и о применении последствий их недействительности.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены.

Суды исходили из того, что компания в момент получения отступного была осведомлена о неплатежеспособности общества и о недостаточности его имущества, в результате получения отступного компания получила предпочтение в отношении удовлетворения ее требований по сравнению с тем, на что она была вправе рассчитывать при погашении задолженности в порядке, предусмотренном законодательством о несостоятельности (банкротстве).

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 25 января 2016 г. отменила указанные судебные акты, направив обособленный спор на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Для признания недействительными сделок, оказанных с предпочтением и заключенных в период подозрительности, не требуется доказывание обстоятельств, касающихся недобросовестности контрагента, при доказанности условий, указанных в абз. 5 п. 1 и п. 2 ст. 61³ Закона о банкротстве.

Судами установлено, что в рассматриваемом случае при предоставлении отступного признаки недействительности, изложенные в абз. 5 п. 1 и п. 2 ст. 61³ Закона о банкротстве, имели место: отступное передано менее чем за месяц до принятия судом заявления о банкротстве общества, предоставлением отступного преимущественно по отношению к другим кредиторам прекращено обязательство должника перед компанией.

Однако требование о признании сделки, оказанной с предпочтением, недействительной не подлежит удовлетворению в ситуации, указанной в п. 2 ст. 61⁴ Закона о банкротстве: когда данная сделка совершена в рамках обычной хозяйственной деятельности, осуществляемой должником, и цена передаваемого по ней имущества или размер принятых обязательств не превышают 1% от стоимости активов должника.

Для правильного разрешения вопроса о совершении сделки в процессе обычной хозяйственной деятельности следует учитывать, что к таковым не могут быть отнесены сделки, совершенные при наличии обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности контрагента несостоятельного должника, который, в частности, согласился принять исполнение без учета прин-

ципов очередности и пропорциональности, располагая информацией о недостаточности имущества должника для проведения расчетов с другими кредиторами.

Таким образом, добросовестность компании имела правовое значение для рассмотрения вопроса о возможности применения к спорным отношениям положений п. 2 ст. 61⁴ Закона о банкротстве, а не для целей определения признаков недействительности, установленных п. 2 ст. 61³ указанного Закона.

Вывод судов о недобросовестности компании (его осведомленности о наличии у должника признаков неплатежеспособности, недостаточности имущества) основан на том, что общество в преддверии банкротства было исключено из реестра субъектов оптового рынка на основании решения наблюдательного совета некоммерческого партнерства совета рынка и статус гарантирующего поставщика перешел к компании в соответствии с приказом Минэнерго России от 24 января 2013 г. № 26.

Вместе с тем сами по себе названные решение и приказ не свидетельствуют о наличии признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества должника, определенных в ст. 2 Закона о банкротстве.

В соответствии с п. 37 Правил оптового рынка электрической энергии и мощности, утвержденных постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2010 г. № 1172, наблюдательный совет совета рынка принимает решение об исключении из реестра субъектов оптового рынка, в частности, в случае неоднократного нарушения организацией названных Правил, в том числе в виде неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по оплате электрической энергии, мощности и (или) услуг по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике за 2 расчетных периода по соответствующим договорам или нарушения требования о предоставлении обеспечения исполнения обязательств по оплате электрической энергии и (или) мощности в размере, предусмотренном договором о присоединении к торговой системе оптового рынка.

Принимая решение об исключении из реестра субъектов оптового рынка, наблюдательный совет не должен исчислять общий размер долговых обязательств, соотносить его с совокупным размером активов должника, равно как и проверять состояние расчетов должника в объемах, не имеющих отношения к основаниям исключения из реестра, либо в сферах, не связанных с указанным рынком.

Более того, последующее временное наделение компании — территориальной сетевой организации статусом гарантирующего поставщика не зависело от воли последней и ее взаимоотношений с обществом, было осуществлено в силу прямого указания пп. 202 и 205 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442 (далее — Основные положения).

Вывод судов об осведомленности компании о неудовлетворительном финансовом положении

общества также основан на установленном ими факте наличия просроченной задолженности общества перед компанией.

Такая позиция судов противоречит сложившейся судебной практике. Недопустимо отождествлять неплатежеспособность с неоплатой конкретного долга отдельному кредитору. Кредитор всегда осведомлен о факте непогашения долга перед ним. Однако это обстоятельство само по себе не свидетельствует о том, что данный кредитор должен одновременно располагать и информацией о приостановлении должником операций по расчетам с иными кредиторами.

При изложенных обстоятельствах вывод судов о том, что компания располагала сведениями о наличии у общества признаков неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества, нельзя признать сделанным при правильном применении норм права.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ не может согласиться с позицией конкурсного управляющего должником о том, что сделка по предоставлению отступного в любом случае выходит за пределы обычной хозяйственной деятельности должника.

По общему правилу, предоставление отступного не может быть отнесено к сделкам, совершаемым в процессе обычной хозяйственной деятельности. Вместе с тем из обстоятельств конкретного дела может следовать, что отступное предоставлено должником в рамках обычной хозяйственной деятельности.

Суды установили, что переданное компании по спорным сделкам имущество (мебель, компьютерная техника, автотранспортные средства и т.п.) составляло материально-техническую базу, необходимую для осуществления обществом основной деятельности.

Однако общество, утратив статус гарантирующего поставщика, уже не могло осуществлять хозяйственную деятельность в тех же объемах на прежнем товарном рынке. Возникновение подобных обстоятельств, как правило, требует изменения структуры активов организации. Одновременно компания в связи с временным присвоением ей в силу названных Основных положений статуса заменяющего гарантирующего поставщика (как территориальной сетевой организации, объекты электросетевого хозяйства которой располагались на территории соответствующего субъекта Российской Федерации) была обязана обеспечить выполнение всех функций гарантирующего поставщика, чем в свою очередь могла быть вызвана необходимость изменения материально-технической базы сетевой организации.

Поэтому судам следовало рассмотреть вопрос о том, являлось ли предоставление отступного совершенной в обычной хозяйственной деятельности сделкой по передаче обществом активов, ставших непрофильными, компании, которая заменила его на соответствующем товарном рынке и поэтому была заинтересована в приобретении указанных активов больше, чем другие участники оборота.

Кроме того, компания обращала внимание на то, что стоимость имущества, полученного по спорным сделкам, не превысила установленное п. 2 ст. 61⁴ Закона о банкротстве пороговое значение в 1% от стоимости активов должника.

Изложенные обстоятельства надлежанием образом не проверены судами.

2. Если в соответствии с условиями торгов на право заключения договора аренды муниципального имущества арендатор не вправе передавать предмет аренды в субаренду, заключенный в последующем договор субаренды является ничтожным, в том числе при наличии согласия собственника имущества на его заключение

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 февраля 2016 г. № 301-ЭС15-13990

(Извлечение)

По результатам открытого аукциона администрацией муниципального образования (арендодатель; далее — администрация) и обществом (арендатор) 25 декабря 2012 г. заключен договор аренды нежилого помещения, находящегося в собственности муниципального образования, на срок до 25 декабря 2015 г.

Согласно условиям договора арендатор не вправе передавать имущество в субаренду или безвозмездное пользование другим лицам.

Дополнительным соглашением от 9 августа 2013 г. к договору стороны изменили указанное условие и предоставили арендатору право передавать имущество в субаренду с согласия собственника.

С согласия администрации обществом (субарендодатель) и фирмой (субарендатор) 1 ноября 2013 г. заключен договор субаренды, в соответствии с которым субарендодатель передал на 11 месяцев, а субарендатор принял во временное пользование спорное нежилое помещение.

Указывая на то, что дополнительное соглашение от 9 ноября 2013 г. заключено с нарушением положений ст. 17¹ Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ “О защите конкуренции”, прокурор обратился в арбитражный суд в интересах муниципального образования к администрации, обществу и фирме о признании недействительным этого дополнительного соглашения и о применении последствий недействительности ничтожной сделки в виде признания недействительным договора субаренды от 1 ноября 2013 г.

Суд первой инстанции, руководствуясь положениями ст.ст. 167, 168, 422, 608 ГК РФ, чч. 1, 5 ст. 17¹ Федерального закона “О защите конкуренции”, пп. 98, 114 Правил проведения конкурсов или аукционов на право заключения договоров аренды, договоров безвозмездного пользования, договоров доверительного управления имуществом, иных договоров, предусматривающих переход прав в отношении государственного или муниципального имущества, утвержденных при-

казом ФАС России от 10 февраля 2010 г. № 67 (далее — Правила), удовлетворил заявленные требования: признал недействительными дополнительное соглашение от 9 августа 2013 г., договор субаренды от 1 ноября 2013 г., обязал фирму в десятидневный срок со дня вступления решения в законную силу возвратить обществу спорное нежилое помещение.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции, сославшись на п. 2 ст. 615 ГК РФ, п. 16 ч. 1 ст. 17¹ Федерального закона “О защите конкуренции”, исходил из того, что законодательство Российской Федерации не ограничивает передачу прав и обязанностей арендатора муниципального имущества в субаренду другим лицам с согласия собственника такого имущества.

Арбитражный суд округа признал указанные выводы обоснованными.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 25 февраля 2016 г. отменила постановление арбитражного апелляционного суда и арбитражного суда округа и оставила без изменения решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Из системного толкования ст. 17¹ Федерального закона “О защите конкуренции”, пп. 98, 114, 115 Правил следует, что договоры на передачу права владения и пользования, т.е. в том числе права аренды муниципального имущества, заключаются на условиях, изложенных в заявке на участие в конкурсе и в аукционной документации, при этом последующее изменение данных условий не допускается, за исключением условия о цене договора, которая может быть увеличена по соглашению сторон.

Как установили суды при рассмотрении дела, документация об открытом аукционе на право заключения договора аренды муниципального имущества содержала условие о том, что при заключении и исполнении договора изменение условий договора, указанных в документации об аукционе, по соглашению сторон и в одностороннем порядке не допускается.

Прилагаемый к аукционной документации проект договора аренды, являющегося его неотъемлемой частью, также предусматривал, что арендатор не вправе передавать имущество в субаренду или безвозмездное пользование другим лицам.

Из приведенных условий аукционной документации следует, что администрация, являясь организатором открытого аукциона на право заключения договора аренды муниципального имущества, находящегося в муниципальной собственности, в разработанной и утвержденной документации закрепила положение, соответствующее подп. 16 п. 114 Правил, о недопущении изменения по соглашению сторон и в одностороннем порядке условий договора, указанных в документации об аукционе, при заключении и исполнении договора.

Таким образом, на основании приведенных положений Федерального закона “О защите конкуренции” и Правил, а также установленных при-

делу обстоятельств, суд первой инстанции правомерно пришел к выводу о том, что условие договора о запрете арендатору передавать имущество в субаренду или безвозмездное пользование не могло быть изменено по соглашению сторон.

Поскольку указанной сделкой стороны в нарушение требований закона установили иной порядок пользования муниципальным имуществом, не предусмотренный условиями публичного аукциона, это является основанием для признания ее не соответствующей требованиям закона и недействительной ничтожной сделкой в соответствии со ст. 168 ГК РФ, как и заключенный обществу и фирмой договор субаренды от 1 ноября 2013 г.

Суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа не приняли во внимание особенности предоставления муниципального имущества в пользование хозяйствующим субъектам, предусматривающие публичную, отрытую и конкурентную процедуру передачи права пользования таким имуществом, запрет последующего изменения условий его использования сторонами договора, заключенного по результатам аукциона.

В связи с этим применение судами в обоснование своей правовой позиции п. 2 ст. 615 ГК РФ о праве арендатора с согласия арендодателя сдавать арендованное имущество в субаренду (поднаем) и передавать свои права и обязанности по договору аренды другому лицу (перенаем), который не учитывает указанные выше особенности пользования имуществом публичного образования, нельзя признать обоснованным. Более того, этим пунктом также предусмотрено, что такая передача прав возможна, если иное не установлено другими законами или иными правовыми актами, т.е. применительно к рассматриваемому спору при передаче муниципального имущества — Федеральным законом “О защите конкуренции” и приведенными выше Правилами.

Из системного толкования положений ст. 615 ГК РФ, ч. 1 ст. 17¹ Федерального закона “О защите конкуренции”, п. 16 ч. 1 этой же статьи Закона, а также подп. 16 п. 114 Правил следует, что, если в соответствии с аукционной документацией и условиями заключенного с арендатором договора аренды последнему права на передачу в субаренду не передавались, арендатор не мог в силу указанного ограничения заключить сделку по передаче этого права даже с согласия собственника, для которого существовал такой же запрет по распоряжению имуществом.

В связи с этим заключение договора аренды по результатам торгов само по себе не предоставляет право на передачу в субаренду. Такая возможность должна быть прямо предусмотрена условиями конкурса. Иное толкование п. 16 ч. 1 ст. 17¹ Федерального закона “О защите конкуренции” по сути означает игнорирование положений этого Закона о запрете органам, осуществляющим публичные полномочия, совершать действия, которые могут привести к недопущению, ограничению конкуренции, а также нарушает права лиц, имевших намерение участвовать в конкурсе на условиях возможной субаренды.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Методические рекомендации по разработке норм и правил по благоустройству территорий муниципальных образований, утвержденные приказом Минрегиона России 27 декабря 2011 г. № 613, в редакции приказа Минстроя России от 17 марта 2014 г. № 100/пр, признаны недействующими со дня вынесения апелляционного определения

*Определение Апелляционной коллегии
Верховного Суда РФ
от 17 декабря 2015 г. № АПЛ15-557*

(Извлечение)

Приказом Минрегиона России от 27 декабря 2011 г. № 613 утверждены Методические рекомендации по разработке норм и правил по благоустройству территорий муниципальных образований (далее — Методические рекомендации).

Приказом Минстроя России от 17 марта 2014 г. № 100/пр утверждены изменения, вносимые в Методические рекомендации.

Методические рекомендации, которые состоят из разделов 1—9 и имеют приложения № 1—7, устанавливают, как усматривается из их п. 1.1, общие параметры и рекомендуемое минимальное сочетание элементов благоустройства для создания безопасной, удобной и привлекательной среды территорий муниципальных образований.

П. обратился в Верховный Суд РФ с административным иском заявлением, в котором просил признать недействующими Методические рекомендации, ссылаясь на то, что, являясь нормативно-правовым актом, обязательным к исполнению, они нарушают его права как жителя муниципального образования, поскольку он лишен возможности принимать самостоятельно или через представителей органов местного самоуправления решения по вопросам местного значения.

Решением Верховного Суда РФ от 22 сентября 2015 г. в удовлетворении административного искового заявления П. было отказано. Суд исходил из того, что Методические рекомендации не устанавливают самих норм и правил по благоустройству территорий муниципальных образований, а содержат лишь рекомендации по разработке подобных актов.

Представитель Минюста России, привлеченного к участию в деле в качестве заинтересованного лица, обратился с апелляционной жалобой, в которой просил отменить решение суда первой инстанции и принять по делу новое решение, которым признать оспоренный правовой акт недействующим. Полагал, что Методические рекомендации, формально не являясь нормативным правовым актом, фактически обладают нормативными свойствами и были изданы с нарушением установленного порядка опубликования и вступления в силу, которые предусмотрены для нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти.

Апелляционная коллегия Верховного Суда РФ 17 декабря 2015 г., проверив материалы административного дела, обсудив доводы апелляционной жалобы, установила следующее.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 9 постановления от 29 ноября 2007 г. № 48 “О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части” разъяснил, что существенными признаками, характеризующими нормативный правовой акт, являются издание его в установленном порядке уполномоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления или должностным лицом, наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений.

Апелляционная коллегия Верховного Суда РФ с выводом суда первой инстанции не согласилась по следующим основаниям.

Методические рекомендации состоят из нескольких разделов, содержат определения терминов, в том числе “благоустройство территории”, “нормируемый комплекс элементов благоустройства”, “объекты нормирования благоустройства территории”, некоторые пункты содержат нормативные предписания, адресованные неопределенному кругу лиц.

Несмотря на то, что п. 1.2 этих рекомендаций предписывает, что они могут применяться полностью или частично для разработки норм и правил благоустройства городских и сельских поселений, муниципальных районов, городских округов либо внутригородских территорий города федерального значения для применения при проектировании, контроле за осуществлением мероприятий по благоустройству территории, эксплуатации благоустроенных территорий, т.е., по сути, должны регулировать вопросы, носящие технический характер, в них содержится целый ряд положений, регулирующих гражданско-правовые отношения. В частности, пп. 8.2.1—8.2.3, 8.2.9, 8.2.22, 8.2.25, 8.5.2.6, 8.6.9, 8.6.12, 8.6.16, 8.7.5, 8.8.3, 8.9.1 рассматриваемых рекомендаций сформулированы в виде нормативных предписаний, затрагивающих права и свободы граждан и организаций, в том числе и по вопросам возложения мер ответственности. В формулировках таких предписаний отсутствуют ссылки на нормативные правовые акты, непосредственно регулирующие затронутые правоотношения.

Так, Методические рекомендации содержат предписания, сформулированные как нормативные, о том, что физических и юридических лиц следует “обязывать” в соответствии с действующим законодательством обеспечивать очистку и уборку принадлежащих им на праве собственности или ином вещном праве земельных участков, а также и на “прилегающих к ним территориях” (п. 8.2.1); промышленные организации “обязывать” создавать защитные зеленые полосы, ограждать жилые кварталы от производственных со-

оружений, благоустраивать и содержать в исправности и чистоте выезды из организации истроек на магистрали улицы (п. 8.2.2); лиц, разместивших отходы производства и потребления в несанкционированных местах, “обязывать за свой счет производить уборку и очистку данной территории, а при необходимости — рекультивацию земельного участка” (п. 8.2.3); выдачу разрешения на снос деревьев и кустарников “следует производить после оплаты восстановительной стоимости” (п. 8.6.9); снос деревьев, кроме ценных пород деревьев, и кустарников в зоне индивидуальной застройки “следует осуществлять собственникам земельных участков самостоятельно за счет собственных средств” (п. 8.6.16); строительство, эксплуатацию, текущий и капитальный ремонт сетей наружного освещения улиц “следует осуществлять специализированным организациям по договорам с администрацией муниципального образования” (п. 8.8.3); работы, связанные с разрытием грунта или вскрытием дорожных покрытий, “следует производить только при наличии письменного разрешения (ордера на проведение земляных работ), выданного администрацией муниципального образования” (п. 8.9.1).

При этом п. 8.1.1 подраздела “Общие положения” раздела 8 “Эксплуатация объектов благоустройства” предусматривает, что этот раздел содержит основные принципы (т.е. обязательные к применению основополагающие положения) и рекомендации по структуре и содержанию правил эксплуатации, что свидетельствует о том, что в данном разделе содержатся не только нормы рекомендательного, но и нормативного характера.

Таким образом, содержание Методических рекомендаций не соответствует их названию, поскольку этот акт содержит нормы, имеющие все признаки нормативно-правовых и затрагивающие права, свободы граждан и организаций, в связи с чем рассматриваемый правовой акт подлежит регистрации в Минюсте России и официальному опубликованию.

Между тем в нарушение ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации, пп. 8—10 Указа Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763 “О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти” и пп. 10, 11, 19 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009, Методические рекомендации не прошли государственную регистрацию в Минюсте России и не были официально опубликованы в установленном порядке.

В п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ “О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части” разъяснено: если суд установит, что при издании оспариваемого нормативного правового акта были нарушены требова-

ния законодательства хотя бы по одному из оснований, влекущих признание акта недействующим (в частности, несоблюдение предусмотренных правил введения нормативных правовых актов в действие), он вправе принять решение об удовлетворении заявления без исследования других обстоятельств по делу, в том числе содержания оспариваемого акта.

С учетом изложенного Апелляционная коллегия Верховного Суда РФ решение суда первой инстанции отменила, вынесла новое решение, которым заявленные требования удовлетворила.

2. Абзац 15 п. 11.4 Положения о национальном парке “Самарская Лука”, утвержденного приказом Минприроды России от 25 февраля 2015 г. № 69, в части допустимости строительства, реконструкции, ремонта и эксплуатации хозяйственных и жилых объектов, в том числе дорог, трубопроводов, линий электропередачи и других линейных объектов, связанных с производственной деятельностью собственников, владельцев и пользователей земельных участков, не изъятых из хозяйственной эксплуатации и расположенных в границах национального парка, признан недействующим со дня вступления решения суда в законную силу

*Решение Верховного Суда РФ
от 2 сентября 2015 г. № АКПИ15-681,
вступившее в законную силу*

(Извлечение)

Приказом Минприроды России от 25 февраля 2015 г. № 69 утверждено Положение о национальном парке “Самарская Лука” (далее — Положение).

Согласно абз. 15 п. 11.4 Положения на территории национального парка “Самарская Лука” в зоне хозяйственного назначения допускается строительство, реконструкция, ремонт и эксплуатация хозяйственных и жилых объектов, в том числе дорог, трубопроводов, линий электропередачи и других линейных объектов, связанных с функционированием национального парка, с производственной деятельностью собственников, владельцев и пользователей земельных участков, не изъятых из хозяйственной эксплуатации и расположенных в границах национального парка, и с обеспечением функционирования расположенных в границах национального парка населенных пунктов.

Состав и описание функциональных зон национального парка даны в приложении 2, карта-схема функционального зонирования территории национального парка — в приложении 3 к данному Положению.

Отделение международной неправительственной некоммерческой организации “Совет Гринпис” обратилось в Верховный Суд РФ с заявлением о признании частично недействующими абз. 15 п. 11.4 Положения, приложения 2 к Положению в части уменьшения площади заповедной и особо охраняемой зон национального парка “Самарская Лука”, приложения 3 к Поло-

жению в части выделения на карте-схеме функционального зонирования национального парка “Самарская Лука” участков, ранее отнесенных к заповедной и особо охраняемой зонам национального парка, как отнесенных к другим зонам национального парка.

Как указал заявитель, оспариваемые положения нормативного правового акта противоречат Федеральному закону от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ “Об особо охраняемых природных территориях”, в частности п. 1¹, подп. “д” п. 2 ст. 15, и нарушают права граждан на пользование ресурсами национального парка как объекта общенационального достояния.

В суде представитель ОМННО “Совет Гринпис” поддержал заявленные требования и просил суд признать недействующими приложение 2 к Положению в части уменьшения площади заповедной и особо охраняемой зон национального парка “Самарская Лука” за счет исключения из них участков, включенных в заповедную и особо охраняемую зону национального парка в соответствии с Положением о федеральном государственном учреждении “Национальный парк “Самарская Лука”, утвержденным приказом Минприроды России от 9 марта 2004 г. № 259 (за исключением участков, занятых зданиями, строениями, сооружениями и объектами инфраструктуры), приложение 3 в части выделения на карте-схеме функционального зонирования национального парка “Самарская Лука” участков, ранее отнесенных к заповедной и особо охраняемой зонам национального парка, как отнесенных к другим зонам национального парка, за исключением участков, занятых зданиями, строениями, сооружениями и объектами инфраструктуры, абз. 15 п. 11.4 Положения в части допустимости строительства линейных сооружений, хозяйственных и жилых объектов, связанных с производственной деятельностью собственников, владельцев и пользователей земельных участков, не изъятых из хозяйственной эксплуатации и расположенных в границах национального парка.

Верховный Суд РФ 2 сентября 2015 г. заявленные требования удовлетворил частично, указав следующее.

В соответствии с п. 4 ст. 12 Федерального закона “Об особо охраняемых природных территориях” положение о национальном парке утверждается федеральным органом исполнительной власти, в ведении которого он находится.

Положением о Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации, утвержденным постановлением Правительства РФ от 29 мая 2008 г. № 404, предусмотрено, что Минприроды России самостоятельно принимает нормативные правовые акты в установленной сфере деятельности, в том числе положения о национальных парках (п. 5.2.35).

Национальный парк “Самарская Лука” находится в ведении Минприроды России по распоряжению Правительства РФ от 31 декабря 2008 г. № 2055-р.

Доводы заявителя об уменьшении площади заповедной и особо охраняемой зон националь-

ного парка оспариваемыми нормами Положения не нашли своего подтверждения в ходе судебного разбирательства.

Согласно пп. 1 и 2 ст. 15 Федерального закона “Об особо охраняемых природных территориях” в целях установления режима национального парка осуществляется зонирование его территорий с выделением следующих функциональных зон: заповедной, особо охраняемой, рекреационной, зоны охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, зоны хозяйственного назначения и зоны традиционного экстенсивного природопользования. На территориях национальных парков запрещается любая деятельность, которая может нанести ущерб природным комплексам и объектам растительного и животного мира, культурно-историческим объектам и которая противоречит целям и задачам национального парка.

Подпунктом “д” п. 2 ст. 15 Федерального закона на территориях национальных парков запрещено строительство магистральных дорог, трубопроводов, линий электропередачи и других коммуникаций, а также строительство и эксплуатация хозяйственных и жилых объектов, за исключением объектов, размещение которых предусмотрено п. 1 данной статьи, объектов, связанных с функционированием национальных парков и с обеспечением функционирования расположенных в их границах населенных пунктов.

В п. 1 ст. 15 Закона определено целевое назначение зон и допустимые в них виды деятельности. В частности, для зоны хозяйственного назначения допускается осуществление деятельности, направленной на обеспечение функционирования федерального государственного бюджетного учреждения, осуществляющего управление национальным парком, и жизнедеятельности граждан, проживающих на территории национального парка.

Между тем в соответствии с абз. 15 п. 11.4 Положения в зоне хозяйственного назначения национального парка допускается строительство, реконструкция, ремонт и эксплуатация хозяйственных и жилых объектов, в том числе дорог, трубопроводов, линий электропередачи и других линейных объектов, связанных с функционированием национального парка, с производственной деятельностью собственников, владельцев и пользователей земельных участков, не изъятых из хозяйственной эксплуатации и расположенных в границах национального парка.

Земельный кодекс РФ в подп. 2 п. 7 ст. 95 предусматривает, что на землях особо охраняемых природных территорий федерального значения запрещается строительство автомобильных дорог, трубопроводов, линий электропередачи и других коммуникаций, а также строительство и эксплуатация промышленных, хозяйственных и жилых объектов, не связанных с разрешенной на особо охраняемых природных территориях деятельностью в соответствии с федеральными законами.

Положением о национальных природных парках Российской Федерации, утвержденным постановлением Совета Министров — Правительства РФ от 10 августа 1993 г. № 769, на территориях национальных природных парков запрещается строительство магистральных дорог, трубопроводов, линий электропередачи и других коммуникаций, не связанных с функционированием национальных природных парков (п. 9).

Оспариваемое Положение на территории национального парка допускает для производственной деятельности собственников, владельцев и пользователей земельных участков, не изъятых из хозяйственной эксплуатации и расположенных в границах национального парка, строительство магистральных дорог, трубопроводов, линий электропередачи и других коммуникаций, а также строительство и эксплуатацию хозяйственных и жилых объектов, что не соответствует действующему законодательству.

Верховный Суд РФ заявленные требования удовлетворил частично, в остальной части в удовлетворении заявления отказал.

3. Второе предложение п. 2 приказа Минэкономразвития России от 12 января 2015 г. № 1 “Об утверждении перечня документов, подтверждающих право заявителя на приобретение земельного участка без проведения торгов” признано недействующим со дня вступления решения суда в законную силу

*Решение Верховного Суда РФ
от 8 октября 2015 г. № АКПИ15-1048,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 22 декабря 2015 г. № АПЛ15-565*

(Извлечение)

Приказом Минэкономразвития России от 12 января 2015 г. № 1 утвержден перечень документов, подтверждающих право заявителя на приобретение земельного участка без проведения торгов (далее — Приказ).

Пунктом 2 Приказа предписано, что лицо, подающее заявление о приобретении прав на земельный участок, предъявляет документ, подтверждающий личность заявителя, а в случае обращения представителя юридического или физического лица — документ, подтверждающий полномочия представителя юридического или физического лица в соответствии с законодательством Российской Федерации, копия которого заверяется должностным лицом органа исполнительной власти или органа местного самоуправления, принимающим заявление, и приобщается к поданному заявлению. В случае приобретения земельного участка в собственность одним из супругов к заявлению о приобретении прав на земельный участок прилагается нотариально заверенное согласие супруга на приобретение в собственность земельного участка.

Б. обратился в Верховный Суд РФ с административным иском о признании недействующим второго предложения п. 2 Приказа,

ссылаясь на его противоречие положениям ст. 35 Семейного кодекса РФ, которыми не предусматривается получение нотариально удостоверенного согласия супруга при приобретении земельного участка в собственность другим супругом.

Верховный Суд РФ 8 октября 2015 г. административное исковое заявление удовлетворил, указав следующее.

В соответствии с подп. 1 п. 2 ст. 39¹⁵ Земельного кодекса РФ к заявлению о предварительном согласовании предоставления земельного участка прилагаются документы, подтверждающие право заявителя на приобретение земельного участка без проведения торгов и предусмотренные перечнем, установленным уполномоченным Правительством РФ федеральным органом исполнительной власти, за исключением документов, которые должны быть представлены в уполномоченный орган в порядке межведомственного информационного взаимодействия.

Постановлением Правительства РФ от 5 июня 2008 г. № 437 утверждено Положение о Министерстве экономического развития Российской Федерации, согласно которому к полномочиям этого федерального органа исполнительной власти отнесено принятие перечня документов, подтверждающих право заявителя на приобретение земельного участка без проведения торгов (п. 5.2.25).

Следовательно, оспариваемое нормативное положение издано Минэкономразвития России при реализации предоставленных ему полномочий.

Положения ст. 39¹⁵ ЗК РФ, во исполнение требований которой издан Приказ, регламентируют отношения, связанные с предварительным согласованием предоставления земельного участка и подачей соответствующего заявления. Указанная норма, а также иные положения названного Кодекса не содержат предписаний, обязывающих гражданина, состоящего в браке, подтверждать право на приобретение земельного участка без проведения торгов нотариально удостоверенным согласием супруга на приобретение в собственность земельного участка.

Отношения владения, пользования и распоряжения общим имуществом супругов урегулированы ст. 35 СК РФ.

Как следует из п. 3 ст. 35 СК РФ, необходимость получения нотариально удостоверенного согласия другого супруга требуется для совершения одним из супругов сделки по распоряжению недвижимостью и сделки, требующей нотариального удостоверения и (или) регистрации в установленном законом порядке.

Данная норма направлена на определение правового режима имущества, приобретенного супругами в браке, и по своему смысловому содержанию не устанавливает обязанность супругов получать в нотариальной форме согласие другого супруга при обращении к уполномоченному органу с заявлением о предварительном согласовании предоставления земельного участка.

В свою очередь, отсутствие нотариально удостоверенного согласия супруга не является основанием для отказа в предварительном согласо-

вании предоставления земельного участка или в предоставлении земельного участка без проведения торгов, которые предусмотрены ст.ст. 39¹⁵ и 39¹⁶ ЗК РФ.

Государственная регистрация сделок с земельными участками обязательна в случаях, указанных в федеральных законах (п. 2 ст. 25 ЗК РФ).

Договор купли-продажи земельного участка, который может быть заключен согласно ст.ст. 39¹, 39¹⁷ ЗК РФ при принятии уполномоченным органом решения о предоставлении земельного участка в собственность за плату, не имеет обязательной нотариальной формы.

В силу ст. 550, п. 2 ст. 434 ГК РФ договор продажи недвижимости заключается в письменной форме путем составления одного документа, подписанного сторонами.

Государственная регистрация такой сделки также не предусмотрена действующим законодательством, в том числе ст. 551 ГК РФ и Федеральным законом от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним".

Подаявая заявление о предварительном согласовании предоставления земельного участка либо впоследствии заявление о предоставлении земельного участка, гражданин не распоряжается подобной недвижимостью, поскольку не имеет соответствующих правомочий собственника вещи до дня регистрации необходимого права.

Таким образом, реализация гражданином права на приобретение земельного участка без проведения торгов не является сделкой по распоряжению недвижимостью и сделкой, требующей нотариального удостоверения и (или) регистрации в установленном законом порядке, для совершения которых п. 3 ст. 35 СК РФ требуется получение нотариально удостоверенного согласия другого супруга.

Установленное во втором предложении п. 2 Приказа предписание о том, что в случае приобретения земельного участка в собственность одним из супругов к заявлению о приобретении прав на земельный участок прилагается нотариально заверенное согласие супруга на приобретение в собственность земельного участка, вводит дополнительную обязанность для граждан, выполнение которой не предусмотрено законом.

Так, перечень документов, прилагаемых непосредственно к заявлению о предоставлении земельного участка, определен п. 2 ст. 39¹⁵ ЗК РФ, который в их числе не предусматривает нотариально удостоверенного согласия супруга, а полномочиями по расширению видов документов Минэкономразвития России не наделено.

Исходя из изложенного, оспариваемое нормативное положение не соответствует нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу, что в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 215 Кодекса административного судопроизводства РФ влечет признание его недействующим со дня вступления решения суда в законную силу с учетом того, что оно применялось.

4. Подпункты “ж”, “з” п. 8 Перечня работ (услуг) субъектов естественных монополий в сфере железнодорожных перевозок, тарифы, сборы и плата в отношении которых регулируются государством, утвержденного постановлением Правительства РФ от 5 августа 2009 г. № 643, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 14 октября 2015 г. № АКПИ15-883, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 28 января 2016 г. № АПЛ15-593

5. Пункты 38, 88 Административного регламента предоставления Федеральной миграционной службой государственной услуги по оформлению и выдаче паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации, утвержденного приказом ФМС России от 15 октября 2012 г. № 320, в части запрета на оформление паспорта признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 20 октября 2015 г. № АКПИ15-1070, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 19 января 2016 г. № АПЛ15-592

6. Абзац 5 подп. 74.4 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования, утвержденного приказом МВД России от 7 ноября 2011 г.

№ 1121, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № АКПИ15-1051, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 19 января 2016 г. № АПЛ15-591

7. Пункт 1 Перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование покупателя о безвозмездном предоставлении ему на период ремонта или замены аналогичного товара, утвержденного постановлением Правительства РФ от 19 января 1998 г. № 55, в части отнесения к таким товарам автомобиля признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 18 ноября 2015 г. № АКПИ15-1097, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 11 февраля 2016 г. № АПЛ15-633

8. Абзац 2 п. 4.8 Свода правил СП 22.13330.2011 “СНиП 2.02.01-83* “Основания зданий и сооружений”, утвержденного приказом Минрегиона России от 28 декабря 2010 г. № 823, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 19 ноября 2015 г. № АКПИ15-1141, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 16 февраля 2016 г. № АПЛ16-7

9. Пункт 1.22 Нормативов допустимого воздействия по бассейну р. Ока, утвержденных заместителем руководителя Федерального агентства водных ресурсов 26 июля 2013 г., в части установления показателя норматива допустимого воздействия по привносу взвешенных веществ по бассейну реки признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 15 октября 2015 г. № АКПИ15-863, вступившее в законную силу

10. Пункт 1 постановления Главного государственного санитарного врача РФ от 11 июля 2007 г. № 47 “О прекращении использования метилового спирта в средствах по уходу за автотранспортом” и абз. 7 п. 3.22 санитарных правил СП 2.3.3.2892-11 “Санитарно-гигиенические требования к организации и проведению работ с метанолом”, утвержденных постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 12 июля 2011 г. № 99, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 10 ноября 2015 г. № АКПИ15-1098, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 11 февраля 2016 г. № АПЛ15-637

11. Подпункты 6.1, 6.2 приложения 6 к Наставлению по оборудованию инженерно-техническими средствами охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы, утвержденному приказом Минюста России от 4 сентября 2006 г. № 279, в части, разрешающей перевозку заключенных в условиях, когда на каждого заключенного в общей камере выделяется менее 0,6 кв.м личного пространства при размещении без личного имущества и менее 0,8 кв.м личного пространства при размещении с личным имуществом, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 16 ноября 2015 г. № АКПИ15-1121, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 25 февраля 2016 г. № АПЛ16-24

12. Абзац 3 п. 23 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения, утвержденного приказом МВД России от 2 марта 2009 г. № 185, в части, предписывающей сотрудникам ГИБДД применять меры административного воздействия в случае невыполнения водителем транспортного средства п. 2.1.1 Правил дорожного движения Российской Федерации, утвержденных постановлением Совета Министров — Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 27 октября 2015 г. № АКПИ15-979, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № АПЛ16-51

13. Абзац 2 п. 2.7 Положения о порядке проведения инвентаризации имущества налогоплательщиков при налоговой проверке, утвержденного приказом Минфина России и МНС России от 10 марта 1999 г. № 20н/ГБ-3-04/39, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 24 ноября 2015 г. № АКПИ15-1111, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 25 февраля 2016 г. № АПЛ16-25

14. Пункт 2.3 санитарных правил “Санитарно-эпидемиологические требования к организациям торговли и обороту в них продовольственного сырья и пищевых продуктов. СП 2.3.6.1066-01”, утвержденных Главным государственным санитарным врачом РФ 6 сентября 2001 г., в части слов “а также магазины, площадью более 1000 м²” признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 5 ноября 2015 г. № АКПИ15-1059, вступившее в законную силу

15. Подпункт “а” п. 1 постановления Правительства РФ от 16 июля 2014 г. № 665 “О списках работ, производств, профессий, должностей, специальностей и учреждений (организаций), с учетом которых досрочно назначается страховая пенсия по старости, и правилах исчисления периодов работы (деятельности), дающей право на досрочное пенсионное обеспечение” признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 23 сентября 2015 г. № АКПИ15-819, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 25 февраля 2016 г. № АПЛ16-23

16. Пункты 1.2 и 2.7 Временной инструкции о мероприятиях по борьбе с катаральной лихорадкой овец, утвержденной начальником Главного управления ветеринарии Минсельхоза СССР от 27 марта 1974 г. № 115-ба, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 27 октября 2015 г. № АКПИ15-860, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № АПЛ16-81

17. Абзац 1 п. 4.9 Инструкции о порядке учета и хранения драгоценных металлов, драгоценных камней, продукции из них и ведения отчетности при их производстве, использовании и обращении, утвержденной приказом Минфина России от 29 августа 2001 г. № 68н, в части, предусматривающей обязательное сопровождение вооруженной охраны при транспортировке драгоценных металлов, драгоценных камней и продукции из них, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 20 октября 2015 г. № АКПИ15-952, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 11 февраля 2016 г. № АПЛ15-636

18. Подпункт 4.2 п. 4 и п. 12 Порядка создания и деятельности врачебной комиссии медицинской организации, утвержденного приказом Минздравсоцразвития России от 5 мая 2012 г. № 502н, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № АКПИ15-895, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 1 марта 2016 г. № АПЛ16-26

19. Пункты 2(2), 8(5), подп. “з” п. 10 Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям, утвержденных постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 861 (в ред. постановления Правительства РФ от 13 марта 2015 г. № 219), признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 23 марта 2016 г. № АКПИ16-167, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 31 мая 2016 г. № АПЛ16-206

20. Пункт 1.13 Списка должностей и учреждений, работа в которых засчитывается в стаж работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости лицам, осуществлявшим педагогическую деятельность в учреждениях для детей, в соответствии с подпунктом 19 пункта 1 статьи 27 Федерального закона “О трудовых пенсиях в Российской Федерации”, утвержденного постановлением Правительства РФ от 29 октября 2002 г. № 781, в части, исключающей отнесение к указанным учреждениям структурных подразделений учреждений социального обслуживания, созданных для осуществления педагогической деятельности среди детей и подростков, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 16 декабря 2015 г. № АКПИ15-1198, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 10 марта 2016 г. № АПЛ16-37

21. Пункты 2, 3 постановления Правительства РФ от 30 декабря 2014 г. № 1609 “Об индексации в 2015 году размеров отдельных выплат военнослужащим, сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти, гражданам, уволенным с военной службы (службы), и гражданам, проходившим военные сборы” признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 2 марта 2016 г. № АКПИ15-1544, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 31 мая 2016 г. № АПЛ16-174

22. Абзац 4 п. 2 постановления Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 “О порядке присуждения ученых степеней” признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 16 марта 2016 г. № АКПИ15-1527, вступившее в законную силу

23. Второе предложение абз. 5 п. 229 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442, в части установления срока для обеспечения гарантирующим поставщиком участия в торговле на оптовом рынке до 1 октября 2015 г. признано не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 23 декабря 2015 г. № АКПИ15-1203, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 15 марта 2016 г. № АПЛ16-42

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Убийство из личных неприязненных отношений неправильно квалифицировано как совершенное из корыстных побуждений

Апелляционный приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 1 июля 2015 г. № 72-АПУ15-22

(Извлечение)

По приговору Забайкальского краевого суда от 2 марта 2015 г. С. и Е. осуждены по пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Они признаны виновными в убийстве потерпевшего группой лиц, из корыстных побуждений.

В апелляционной жалобе С. просил приговор отменить, утверждая, что не убивал потерпевшего, а только помог Е. в сокрытии трупа.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 1 июля 2015 г. приговор отменила и вынесла апелляционный приговор, согласно которому признала С. и Е. виновными в совершении преступления, предусмотренного п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ, указав следующее.

В силу п. 2 ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства.

Данные требования уголовно-процессуального закона судом первой инстанции нарушены, поскольку суд не привел в приговоре доказательства, подтверждающие вывод о квалификации действий осужденных по п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство из корыстных побуждений.

Исследованные в заседании суда первой инстанции и изложенные в приговоре доказательства свидетельствуют о том, что убийство потерпевшего было совершено Е. и С. не из корыстных побуждений, а в ходе ссоры и из личных неприязненных отношений.

Кроме того, удары потерпевшему молотком были нанесены подсудимыми не в лесу, как указано в приговоре, а в доме, где ими был избит потерпевший.

В судебном заседании установлено, что в ходе совместного употребления спиртных напитков между Е. и потерпевшим Л. возник конфликт по поводу задержки последним оплаты Е. стоимости ремонтных работ автомашины, принадлежащей потерпевшему. В результате чего Е. нанес Л. множественные удары руками по лицу и телу. С. присоединился к избиению потерпевшего и ударил его руками по телу. После этого С. и Е. совместно нанесли множественные удары ногами, руками и попеременно молотком по голове и телу потерпевшего.

Избив потерпевшего, С. и Е. решили убить его. С этой целью они на автомашине под управлением С. отвезли Л. в лесной массив, где при помощи провода задушили. Убедившись, что потерпевший мертв, осужденные закидали тело мусором и скрылись с места преступления.

В заседании суда первой инстанции С. и Е. вину не признали, утверждая, что к убийству потерпевшего они не причастны.

Несмотря на утверждение каждого из подсудимых о своей непричастности к убийству, их виновность в совершении данного преступления подтверждается показаниями, данными ими в судебном заседании и на предварительном следствии, показаниями потерпевшей и свидетелей.

Так, свидетель М. в судебном заседании пояснила, что она вместе с Л., Е. и С. распивала спиртные напитки. Е. стал предъявлять претензии к Л., потом стал наносить ему удары кулаками в лицо и грудь. Также она видела, как С. и Е. вместе избивали Л. ногами, когда тот лежал на полу.

Существенных противоречий в показаниях М. относительно обстоятельств избиения потерпевшего подсудимыми, данных ею в суде и на предварительном следствии, не содержится. Показания свидетеля М. подтверждены другими доказательствами по делу, поэтому являются достоверными. Каких-либо оснований оговаривать подсудимых у М. не имелось.

Анализ исследованных доказательств позволяет суду прийти к выводу, что С. и Е. совместно совершили убийство потерпевшего. При этом мотивом убийства явились внезапно возникшие в ходе распития спиртных напитков личные неприязненные отношения, вызванные их давним конфликтом с Л., связанным с покупкой, ремонтом и использованием автомашины, принадлежащей последнему, о чем свидетельствуют как показания самих подсудимых, так и показания потерпевшей и свидетелей.

То обстоятельство, что С. и Е. совместно избивали потерпевшего, нанеся ему удары руками и ногами по телу и голове, в том числе молотком, подтверждается их показаниями, где каждый из них, отрицая свою причастность к избиению, указывал друг на друга как на участника избиения потерпевшего, а также показаниями свидетеля М., которая видела, как С. и Е. избивали потерпевшего.

У суда не вызывают сомнений показания подсудимых, избличающих друг друга в нанесении Л. ударов в голову молотком, поскольку наличие у потерпевшего черепно-мозговой травмы, повлекшей причинение тяжкого вреда здоровью, подтверждено выводами судебно-медицинского эксперта и заключением судебно-криминалистического эксперта о причинении данного повреждения металлическим предметом с ограниченной поверхностью, которым мог быть молоток.

Причастность обоих подсудимых к причинению смерти Л. подтверждена и выводами судебно-биологической экспертизы о наличии на проходе следов пота, происхождение которого от них не исключается.

О наличии у подсудимых умысла на причинение смерти потерпевшему свидетельствует способ убийства, выбор орудия преступления, механизм образования и локализация телесных повреждений, целенаправленный характер их действий, находящихся в прямой причинной связи с наступившими последствиями в виде смерти потерпевшего.

1. При проверке законности и обоснованности решений прокурора в порядке, установленном ст. 125 УПК РФ, судья не вправе предпринимать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела

Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 14 октября 2015 г. № 201-УДП15-8

(Извлечение)

По заявлениям гражданина И. о совершении С. противоправных действий органами предварительного расследования неоднократно проводились проверки в порядке ст.ст. 144 и 145 УПК РФ. В ходе последней дополнительной проверки заместителем руководителя 2 военного следственного отдела военного следственного управления Следственного комитета РФ по Западному военному округу 14 августа 2014 г. вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, в том числе в отношении С.

Это постановление отменено заместителем военного прокурора Западного военного округа постановлением от 10 октября 2014 г. как неполное и необоснованное, с направлением материалов для проведения дополнительной проверки.

Постановлением судьи Московского гарнизонного военного суда от 21 ноября 2014 г., оставленным без изменения апелляционным постановлением Московского окружного военного суда от 16 января 2015 г. и постановлением президиума того же суда от 17 июня 2015 г., жалоба, поданная адвокатом З., действующим в интересах С., на постановление заместителя военного прокурора Западного военного округа от 10 октября 2014 г. удовлетворена, указанное постановление признано необоснованным, и на данное должностное лицо возложена обязанность устранить допущенные нарушения.

В обоснование необходимости отмены постановления заместителя военного прокурора округа от 10 октября 2014 г. суды сослались на то, что дополнительные проверочные мероприятия, указанные в постановлении, в случае их проведения не могли бы повлиять на законность и обоснованность решения следователя об отказе в возбуждении уголовного дела.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ, рассмотрев материалы судебного производства по кассационному представлению заместителя Генерального прокурора РФ — Главного военного прокурора, 14 октября 2015 г. отменила обжалуемые судебные постановления и направила материалы судебного производства на новое рассмотрение в Московский гарнизонный военный суд в ином составе суда, приведя в обоснование принятого решения следующие доводы.

В соответствии с ч. 4 ст. 7 УПК РФ постановление суда должно быть законным, обоснованным, мотивированным.

Согласно ст. 123 УПК РФ действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, начальника подразделения дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда могут быть обжалованы в установленном данным Кодексом порядке участниками уголовного судопроизводства, а также иными лицами в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы.

По смыслу ст. 125 УПК РФ и как разъяснено в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 “О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации”, судья при проверке законности и обоснованности решений и действий (бездействия) дознавателя, следователя, прокурора не вправе делать выводы о фактических обстоятельствах дела, об оценке доказательств и квалификации деяния, т.е. предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела.

Указанные требования закона при рассмотрении жалобы адвоката З. на постановление заместителя военного прокурора Западного военного округа от 10 октября 2014 г. не соблюдены.

Как усматривается из материалов судебного производства, по заявлениям И. о совершении С. противоправных действий, содержащих признаки ряда преступлений, неоднократно проводились проверки в порядке ст.ст. 144 и 145 УПК РФ.

В ходе проведенной последней дополнительной проверки заместителем руководителя 2 военного следственного отдела военного следственного управления Следственного комитета РФ по Западному военному округу 14 августа 2014 г. вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении С.

Это постановление следователя отменено заместителем военного прокурора Западного военного округа постановлением от 10 октября 2014 г. как неполное и необоснованное, с направлением материалов для организации дополнительной проверки.

Судья гарнизонного военного суда, проверив законность и обоснованность действий заместителя военного прокурора Западного военного округа, пришел к выводу, что дополнительные проверочные мероприятия, указанные в постановлении от 10 октября 2014 г., в случае их проведения не могли бы повлиять на законность и обоснованность решения следователя об отказе в возбуждении уголовного дела.

К такому выводу судья пришел на основании оценки имеющихся в материалах проверки документов. При этом судьей проанализированы указанные документы на предмет их достоверности, относимости и достаточности, исходя из чего сделан вывод об отсутствии в действиях С. признаков состава преступления.

Однако при этом судья дал оценку доказательствам, собранным в ходе проверки, и предопределил возможные результаты дополнительных проверочных мероприятий до их фактиче-

ского проведения, т.е. вошел в обсуждение вопросов, не подлежащих разрешению на данной стадии досудебного производства, на основании чего сделал недопустимые выводы о конкретных обстоятельствах дела и об отсутствии в действиях С. признаков состава преступления.

Изложенное свидетельствует о том, что судья вышел за пределы своих полномочий, предусмотренных законом, и в то же время, вопреки ч. 1 ст. 125 УПК РФ, не установил, в чем конкретно выразилось нарушение конституционных прав и свобод С. обжалуемыми действиями.

Помимо этого судьей оставлено без внимания, что в соответствии с положениями ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним соответствующие процессуальные решения, а согласно ч. 6 ст. 148 УПК РФ, признав отказ руководителя следственного органа, следователя в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, прокурор отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, о чем выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке, которое вместе с указанными материалами незамедлительно направляет руководителю следственного органа.

Исходя из указанных норм закона, проверяя законность и обоснованность постановления прокурора об отмене решений руководителя следственного органа, следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, судья обязан выяснить, вынесено ли данное постановление уполномоченным должностным лицом в пределах его компетенции с соблюдением требований ч. 6 ст. 148 УПК РФ, мотивировано ли оно конкретными обстоятельствами, подлежащими дополнительной проверке, и содержит ли указания об устранении допущенных нарушений закона.

Данные обстоятельства, являющиеся в силу требований закона предметом судебной проверки законности и обоснованности постановления прокурора об отмене решения об отказе в возбуждении уголовного дела, оценки в обжалованном постановлении судьи не получили, на это не отреагировали и суды апелляционной и кассационной инстанций.

Таким образом, судами допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, что в соответствии с ч. 1 ст. 401¹⁵ УПК РФ является основанием для отмены в кассационном порядке постановления судьи гарнизонного военного суда, апелляционного постановления и постановления президиума окружного военного суда с направлением материалов на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд, в ходе которого следует устранить допущенные нарушения закона и вынести законное и обоснованное судебное решение.

2. Приобретение военнослужащим жилья за счет участия в накопительно-ипотечной системе является одной из форм его жилищного обеспечения, реализуемого за счет средств федерального бюджета, и на такое помещение распространяются те же правила, что и на имущество, нажитое супругами во время брака

*Определение Судебной коллегии
по делам военнослужащих Верховного Суда РФ
от 12 ноября 2015 г. № 211-КГ15-17*

(Извлечение)

Решением Владивостокского гарнизонного военного суда от 31 октября 2014 г., оставленным без изменения апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 13 января 2015 г. и постановлением президиума того же суда от 10 июня 2015 г., удовлетворено заявление К., в котором он просил признать незаконным решение заместителя начальника Управления ФСБ России по Приморскому краю (далее — Управление) от 20 марта 2014 г. об отказе в заключении договора социального найма на предоставленное заявителю жилое помещение в избранном месте жительства после увольнения с военной службы — г. Владивостоке, ввиду наличия в собственности супруги жилого помещения по установленным нормам в г. Дальнереченске Приморского края, приобретенного за счет участия в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих.

В кассационной жалобе представитель начальника Управления, считая ошибочным вывод судов о том, что право собственности на жилое помещение супруги заявителя, приобретенное на средства целевого жилищного займа и ипотечного кредита, распространяется только на нее одну, просила отменить судебные постановления и принять по делу новое судебное постановление.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 12 ноября 2015 г. отменила обжалуемые судебные акты и приняла по делу новое решение — об отказе К. в удовлетворении заявления, приведя в обоснование следующие доводы.

Судами при рассмотрении дела допущена ошибка в применении норм материального права.

Из материалов дела следует, что супруга К., будучи офицером службы Пограничного управления ФСБ России по Приморскому краю в г. Дальнереченске, в августе 2011 г. приобрела в собственность по месту военной службы своего и заявителя трехкомнатную квартиру общей площадью жилого помещения 71,6 кв.м за счет участия в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих стоимостью 2 900 000 руб.

Из этой суммы 675 957 руб. выплачены супруге заявителя по договору целевого жилищного займа, предоставленного федеральным органом исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба, как участнику накопительно-ипотечной системы, 224 043 руб. ею внесены за счет собственных средств, а 2 млн. рублей — по кредитному договору, предоставленному банком,

с последующим погашением суммы кредита и процентов за пользование кредитом заемщиком за счет средств целевого жилищного займа.

Согласно кредитному договору заемщик, т.е. супруга заявителя, уведомила банк о том, что в квартире имеют намерение проживать ее супруг и их дочь.

В августе 2013 г. К. обратился в жилищную комиссию службы Пограничного управления ФСБ России по Приморскому краю в г. Дальнереченске с заявлением о признании его и дочери нуждающимися в жилом помещении по избранному им месту жительства в г. Владивостоке, после чего решениями жилищной комиссии от 13 августа и 25 декабря 2013 г. он был поставлен на жилищный учет и ему распределена однокомнатная квартира.

Однако решением заместителя начальника Управления от 20 марта 2014 г. заявителю отказано в заключении договора социального найма на эту квартиру ввиду наличия в собственности супруги жилого помещения по установленным нормам.

Признавая названное решение незаконным, суд первой инстанции исходил из того, что действующее правовое регулирование получения целевого жилищного займа и условия кредитного договора не предполагают какого-либо участия супруга военнослужащего — участника накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих как в совершении сделки, так и в ее последующем исполнении, в связи с чем право на такое жилье возникает только у самого военнослужащего и не распространяется на других членов семьи.

Такие выводы суда основаны на неправильном применении норм материального права.

В суде установлено, что квартира приобретена супругой заявителя в собственность в период брака по договору купли-продажи, т.е. по возмездной сделке, иной режим пользования которой между ними не устанавливался. Передача квартиры по акту приема-передачи, регистрация права собственности, оплата квартиры состоялась также в период брака.

Это обстоятельство имеет существенное значение для дела.

В соответствии с п. 1 ст. 256 ГК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, если договором между ними не установлен иной режим этого имущества.

К имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), на основании п. 2 ст. 34 СК РФ относятся движимые и недвижимые вещи, любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства.

В состав общего имущества в соответствии с п. 2 ст. 39 СК РФ включаются также общие долги супругов, а также право требования по обязательствам, возникшим в интересах семьи, что следует из разъяснений, содержащихся в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября

1998 г. № 15 “О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака” (в ред. от 6 февраля 2007 г.).

При таких данных приобретенная супругой заявителя в собственность квартира, вопреки выводу суда, является их совместной собственностью, и то обстоятельство, что квартира приобреталась за счет участия супруги К. в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих, не свидетельствует об обратном.

Согласно пп. 1 и 15 ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ “О статусе военнослужащих” государство гарантирует военнослужащим обеспечение их жилыми помещениями за счет средств федерального бюджета в форме в том числе предоставления денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений в соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 г. 117-ФЗ “О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих”.

Каких-либо ограничений для членов семьи военнослужащего в режиме и порядке пользования жилым помещением, приобретенным в связи с участием в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих, Федеральные законы “О статусе военнослужащих” и “О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих” не содержат.

Следовательно, приобретение военнослужащим жилья посредством участия в накопительно-ипотечной системе является одной из форм его жилищного обеспечения, реализуемого за счет средств федерального бюджета, и на данное помещение распространяются такие же правила, установленные п. 1 ст. 256 ГК РФ, п. 2 ст. 34, п. 2

ст. 39 СК РФ, что и на имущество, нажитое супругами во время брака.

Решением Думы г. Владивостока от 29 сентября 2005 г. № 94 учетная норма площади жилого помещения в г. Владивостоке установлена в размере 13 кв.м общей площади на одного члена семьи, из чего следует, что заявитель и члены его семьи обеспечены жилым помещением по установленным нормам.

Таким образом, К. не мог быть признан нуждающимся в жилом помещении исходя из обеспеченности его жильем за счет государства по установленным нормам. Другие основания признания заявителя нуждающимся в жилом помещении, предусмотренные ст. 51 ЖК РФ, по делу не установлены.

Согласно п. 14 ст. 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих” при обеспечении военнослужащих жилым помещением при перемене места жительства такими военнослужащими и совместно проживающими с ними членами их семей представляются документы о сдаче жилых помещений Министерству обороны РФ (иному федеральному органу исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба) и снятии с регистрационного учета по прежнему месту жительства.

Поскольку документов о сдаче жилого помещения, находящегося в собственности супруги заявителя, последним не представлено, решение заместителя начальника Управления об отказе в заключении договора социального найма на распредделенное К. жилое помещение является правомерным, а выводы судов об обратном — ошибочными.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ СУДОВ РЕСПУБЛИК, КРАЕВЫХ И ОБЛАСТНЫХ СУДОВ

1. При отсутствии надлежащего обоснования причин проведения судебной экспертизы в негосударственном судебно-экспертном учреждении расходы, связанные с ее производством, не могут быть взысканы с осужденного

*Постановление президиума
Забайкальского краевого суда
от 29 октября 2015 г.*

(Извлечение)

По приговору Черновского районного суда г. Читы от 21 апреля 2015 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции в части взыскания процессуальных издержек) с П., осужденного по ч. 1 ст. 105 УК РФ, взыскано 32 690 руб. в счет расходов, связанных с производством комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

В кассационной жалобе П. просил о пересмотре состоявшихся судебных решений, утвер-

ждал, что заключение экспертов о том, что в момент совершения преступления он не находился в состоянии аффекта, является необоснованным и необъективным.

Президиум Забайкальского краевого суда 29 октября 2015 г. исключил из приговора указание о взыскании с П. процессуальных издержек, связанных с оплатой труда экспертов при производстве комплексной психолого-психиатрической экспертизы, по следующим основаниям.

По смыслу ст. 132 УПК РФ и согласно разъяснению, содержащемуся в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 42 “О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам”, в состав процессуальных издержек не входят суммы, израсходованные на производство судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях (экспертных подразделениях), поскольку их деятельность финансируется за счет средств федерального бюджета или бюджетов субъектов Российской Федерации (ст. 37

Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ “О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации”).

В п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 “О судебной экспертизе по уголовным делам” указано, что в тех случаях, когда в государственном судебно-экспертном учреждении, обслуживающем определенную территорию, невозможно производство судебной экспертизы в связи с отсутствием эксперта конкретной специальности или надлежащей материально-технической базы либо специальных условий для выполнения исследований, а также при наличии обстоятельств, указанных в ст. 70 УПК РФ, т.е. когда все компетентные государственные судебно-экспертные учреждения на данной территории не могут выступить в этом качестве, ее производство может быть поручено негосударственному судебно-экспертному учреждению. В определении (постановлении) о назначении экспертизы суду следует мотивировать поручение исследований экспертным учреждениям либо конкретному лицу.

Как усматривается из материалов дела, судебная комплексная психолого-психиатрическая экспертиза в отношении П. произведена негосударственным учреждением ООО “Независимая организация психологов и психиатров”. Между тем взыскание с осужденного расходов, связанных с производством психолого-психиатрической экспертизы, было вызвано ее проведением в негосударственном судебно-экспертном учреждении, поскольку при проведении экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении такая обязанность на осужденного не могла быть возложена.

При этом не указаны причины, по которым комплексная психолого-психиатрическая экспертиза не проведена по месту судебного разбирательства в соответствующих государственных судебно-экспертных учреждениях. Ссылки на какие-либо документы, подтверждающие отсутствие такой возможности, в приговоре не содержатся.

В силу изложенного оснований для взыскания с П. расходов, связанных с производством указанной экспертизы, не имелось.

2. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни, не относится к тяжким последствиям, являющимся квалифицирующим признаком преступления, предусмотренного п. “в” ч. 3 ст. 286 УК РФ

*Постановление президиума
Верховного Суда Республики Дагестан
от 23 декабря 2015 г.*

(Извлечение)

По приговору Кировского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан от 3 февраля 2015 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции в части квалификации содеянного) А. осужден по п. “а” ч. 3 ст. 111 УК РФ и пп. “а”, “б”, “в” ч. 3 ст. 286 УК РФ.

А. признан виновным в умышленном причинении группой лиц тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни, а также в превышении своих

должностных полномочий с применением насилия и специальных средств, с причинением тяжких последствий.

Постановлением заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 27 ноября 2015 г. кассационная жалоба адвоката в защиту А. вместе с уголовным делом передана для рассмотрения в судебном заседании президиума Верховного Суда Республики Дагестан.

В кассационной жалобе адвокат просил приговор отменить и уголовное дело в отношении А. прекратить за его непричастностью к умышленному причинению тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни потерпевшего.

Президиум Верховного Суда Республики Дагестан 23 декабря 2015 г. состоявшиеся судебные решения изменил по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 401¹⁵ УПК РФ основаниями отмены или изменения судебных решений в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела.

По настоящему уголовному делу нарушения закона были допущены.

Признав А. виновным по п. “в” ч. 3 ст. 286 УК РФ в превышении своих должностных полномочий с причинением тяжких последствий, суд первой инстанции не конкретизировал в приговоре, какие именно тяжкие последствия повлекли его действия.

Вместе с тем какой-либо вред здоровью при превышении должностных полномочий, кроме тяжкого, является следствием применения насилия и охватывается п. “а” ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства предусмотрены диспозицией ст. 286 УК РФ и являются необходимым признаком данного преступления.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 “О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий”, под тяжкими последствиями как квалифицирующим признаком преступления, предусмотренного п. “в” ч. 3 ст. 286 УК РФ, следует понимать последствия совершения преступления в виде крупных аварий и длительной остановки транспорта или производственного процесса, иного нарушения деятельности организации, причинение значительного материального ущерба, причинение смерти по неосторожности, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего и т.п.

Между тем фактические обстоятельства дела свидетельствуют о том, что ни одно из изложенных выше или им подобных последствий в судебном заседании не установлено и в приговоре не приведено.

При таких обстоятельствах президиум Верховного Суда Республики Дагестан исключил указание об осуждении А. по п. “в” ч. 3 ст. 286 УК РФ из состоявшихся по уголовному делу судебных решений.

ОБЗОР ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ ДЕЛ ПО СПОРАМ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ

Положения ч. 1 ст. 21, ст.ст. 23, 34 и 45 и ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации гарантируют каждому право на судебную защиту своей чести и доброго имени.

В силу предписаний ч. 3 ст. 17, ст. 29 Конституции Российской Федерации устанавливается возможность выражения каждым своего мнения и убеждения любым законным способом, не нарушающим права и свободы других лиц. Это обязывает суд как орган правосудия при разрешении возникающих споров обеспечивать баланс конституционно защищаемых прав человека на свободное выражение взглядов и прав на защиту всеми своей чести, достоинства и деловой репутации.

Реализация конституционных прав, направленных на защиту нематериальных благ, осуществляется в порядке, предусмотренном ст. 12, п. 5 ст. 19, ст.ст. 150, 152, 1099 и 1100, п. 3 ст. 1251, п. 2 ст. 1266 ГК РФ. Требования об их защите сроком давности не ограничены (ст. 208 ГК РФ), исключение из этого правила установлено в п. 10 ст. 152 ГК РФ в отношении сведений о гражданине, распространенных в средствах массовой информации.

В рамках проводимой в последнее время в Российской Федерации реформы гражданского законодательства были изменены правовые нормы о судебной защите нематериальных благ, устанавливающие более широкие средства правовой защиты для лиц, в отношении которых распространены сведения диффамационного характера, в том числе и в сети “Интернет”.

С 1 октября 2013 г. вступил в силу Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ “О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”, которым в том числе были внесены изменения в главу 8 ГК РФ “Нематериальные блага и их защита”.

Помимо редакционных уточнений в названную главу введен ряд следующих новелл.

Одной из них является норма, определяющая дополнительные способы защиты нарушенных прав гражданина: принадлежащие ему нематериальные блага могут быть защищены путем признания судом факта нарушения его личного неимущественного права, опубликования решения суда о допущенном нарушении, а также путем пресечения или запрещения действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения личного неимущественного права либо посягающих или создающих угрозу посяательства на нематериальное благо (п. 2 ст. 150 ГК РФ).

В п. 1 ст. 152 ГК РФ предусмотрена возможность обеспечения после смерти гражданина судебной защиты не только его чести и достоинства, но также его деловой репутации.

Кроме того, согласно п. 4 ст. 152 ГК РФ в тех случаях, когда сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, стали широко известны и в связи с этим опровержение невозможно довести до всеобщего сведения, гражданину предоставлено право требовать удаления соответствующей информации, а также пресечения или запрещения дальнейшего распространения указанных сведений путем изъятия и уничтожения без какой бы то ни было компенсации изготовленных в целях введения в гражданский оборот экземпляров материальных носителей, содержащих указанные сведения, если без уничтожения таких экземпляров материальных носителей удаление соответствующей информации невозможно.

Пункт 10 ст. 152 ГК РФ гарантирует судебную защиту в случаях распространения о лицах не только сведений, порочащих их честь, достоинство или деловую репутацию, но также любых распространенных о них

сведений, если эти сведения не соответствуют действительности.

Верховный Суд РФ проанализировал практику рассмотрения судами в 2010—2015 годах дел о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Данные судебной статистики свидетельствуют о том, что количество таких дел, рассматриваемых ежегодно как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах, разрешающих споры о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, является стабильным. В среднем в год рассматривается 5000 дел в судах общей юрисдикции и 800 дел в арбитражных судах.

В целях восстановления нарушенных прав заявители используют как специальные способы защиты чести, достоинства и деловой репутации — опровержение распространенных порочащих сведений, опубликование своего ответа, удаление соответствующей информации, например из сети “Интернет”, так и общие гражданско-правовые способы защиты — о компенсации морального вреда или возмещении убытков, которые причинены распространением порочащих сведений.

По делам, рассмотренным до 1 октября 2013 г. (даты вступления в силу Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ), требования о компенсации морального вреда заявлялись и юридическими лицами, которым на основании п. 7 ст. 152 ГК РФ (в ранее действующей редакции) такое право было предоставлено в случае распространения о них сведений, порочащих их деловую репутацию. Ныне действующая ст. 152 ГК РФ в п. 11 исключает применение нормы о компенсации морального вреда при распространении сведений, затрагивающих деловую репутацию юридического лица.

С учетом этого юридические лица и индивидуальные предприниматели как субъекты предпринимательской деятельности вправе защищать свою деловую репутацию путем опровержения порочащих их сведений или опубликования своего ответа в печати, а также заявлять требования о возмещении убытков, причиненных распространением таких сведений.

Надлежащими ответчиками по делам анализируемой категории являются авторы не соответствующих действительности сведений, а также лица, распространившие эти сведения, например средства массовой информации, которые, как показывает обзор судебной практики, привлекаются в качестве ответчиков по делам указанной категории в четыре раза реже, чем граждане или юридические лица.

Решение об удовлетворении иска о защите чести, достоинства и деловой репутации выносится судом в случае установления совокупности трех условий: сведения должны носить порочащий характер, быть распространены и не соответствовать действительности. При этом заявитель обязан доказывать факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск, и порочащий характер этих сведений. На ответчика же возложена обязанность доказать, что распространенные им сведения соответствуют действительности.

При разрешении дел данной категории суды общей юрисдикции и арбитражные суды руководствуются разъяснениями высших судебных органов, которые ориентируют на правильное толкование и применение гражданско-правовых норм в целях разрешения споров по вопросам защиты нематериальных благ.

Источниками таких разъяснений являются:

— постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 “Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда”;

— постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 “О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия”;

— постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 “О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации”;

— постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 “О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц”;

— постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 “О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”;

— постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 октября 2012 г. № 58 “О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона “О рекламе”;

— постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 октября 2012 г. № 61 “Об обеспечении гласности в арбитражном процессе”;

— обзор практики рассмотрения судами Российской Федерации дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также неприкосновенности частной жизни публичных лиц в области политики, искусства, спорта (Бюллетень Верховного Суда РФ, 2007, № 12).

При рассмотрении дел анализируемой категории суды также учитывают решения Конституционного Суда РФ, в частности его Постановления от 30 июня 2011 г. № 14-П, от 9 июля 2013 г. № 18-П и др.

Судами принимаются во внимание положения международно-правовых актов, в частности Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта о гражданских и политических правах, Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также практика Европейского Суда по правам человека (например, постановления от 30 мая 2013 г. по делу “ООО “Вести” и Ухов (“Vesti” and Ukhov) против Российской Федерации”, от 28 марта 2013 г. по делу “Новая газета” и Бородинский (“Novaya Gazeta” and Borodinsky) против Российской Федерации”, от 14 октября 2010 г. по делу “Андрушко (Andrushko) против Российской Федерации”, от 8 апреля 2010 г. по делу “Безымянный (Bezmyannyy) против Российской Федерации”, от 11 февраля 2010 г. по делу “Федченко (Fedchenko) против Российской Федерации”, от 14 октября 2008 г. по делу “Дюндин (Dyundin) против Российской Федерации”, от 5 октября 2006 г. по делу “Захаров (Zakharov) против Российской Федерации”, от 21 июля 2005 г. по делу “Гринберг (Grinberg) против Российской Федерации”, от 23 апреля 1992 г. по делу “Кастеллс (Castells) против Испании”, от 8 июля 1986 г. по делу “Лингенс (Lingens) против Австрии”).

Проведенное изучение судебной практики показало, что при рассмотрении и разрешении требований о защите чести, достоинства и деловой репутации суды в основном правильно применяли законодательство, регулирующее спорные отношения.

Разграничение компетенции по рассмотрению дел о защите деловой репутации между судами общей юрисдикции и арбитражными судами определяется в зависимости от того, к какой сфере деятельности истца относится возникший спор.

По делам о защите деловой репутации требования в соответствии со ст. 152 ГК РФ вправе заявлять в суд как граждане, так и организации независимо от организационно-правовых форм и форм собственности (включая государственные, муниципальные, общественные организации), а также индивидуальные предприниматели.

В силу прямого указания п. 5 ч. 1 ст. 33 АПК РФ дела о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности подведомственны арбитражным судам.

Анализ материалов судебной практики в целом свидетельствует о сложившемся единообразии в рассмотрении дел данной категории, однако допускаемые судами ошибки и возникающие у них вопросы подтверждают необходимость обратить внимание на следующее.

1. Если сторонами спора о защите деловой репутации являются юридические лица или индивидуальные предприниматели в сфере, не относящейся к предпринимательской и иной экономической деятельности, такой спор относится к компетенции судов общей юрисдикции.

Коллегия адвокатов обратилась в арбитражный суд с иском к интернет-компаниям о признании не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию истца и адвокатов — членов данного адвокатского образования текстовых сообщений поисковой системы.

Суд, руководствуясь положениями п. 5 ч. 1 ст. 33, п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ, а также положениями Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”, принимая во внимание правовую позицию, изложенную в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ “О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц”, согласно которой если сторонами спора о защите деловой репутации являются юридические лица или индивидуальные предприниматели в иной сфере, не относящейся к предпринимательской и иной экономической деятельности, то такой спор подведомствен суду общей юрисдикции, прекратил производство по делу в связи с неподведомственностью спора арбитражному суду.

При этом арбитражный суд исходил из того, что адвокатская деятельность не является предпринимательской. Коллегия адвокатов (истец по делу) является некоммерческой организацией, основанной на членстве и действующей на основании заключаемого ими учредительного договора, и не преследует целей извлечения прибыли.

С учетом изложенного суд пришел к выводу, что заявленные иски требования не подпадают под категорию споров о защите деловой репутации, рассматриваемых арбитражными судами применительно к п. 5 ч. 1 ст. 33 АПК РФ¹.

В другом деле государственное учреждение — региональное отделение Фонда социального страхования РФ (далее — фонд) обратилось в арбитражный суд с иском к гражданину о признании не соответствующими действительности сведений и об обязанности разместить опровержение. Фонд ссылался на то, что гражданин разместил на нескольких сайтах в сети “Интернет” сообщения, согласно которым фонд ограничивает конкуренцию при осуществлении деятельности по обеспечению детей-инвалидов ортопедической обувью.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, производство по делу прекращено, поскольку заявленные истцом требования не подпадают под категорию споров о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности применительно к п. 5 ч. 1 ст. 33 АПК РФ, в связи с чем не подлежат рассмотрению арбитражным судом.

¹Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 14 апреля 2015 г. по делу № А40-48978/14.

Арбитражные суды пришли к правильному выводу о том, что опубликованные на сайтах тезисы касаются организационно-управленческой деятельности фонда по осуществлению государственных функций, не имеющих целью извлечение прибыли или иного дохода¹.

Необходимым условием для определения компетенции арбитражного суда по рассмотрению дел данной категории является экономический характер спора, возникшего в связи с непосредственным осуществлением истцом предпринимательской и иной экономической деятельности.

Так, П. и М. обратились в арбитражный суд с иском к акционерному обществу об обязанности опровергнуть в телевизионном эфире сведения о том, что они являются «патентными троллями».

В обоснование исковых требований заявители указали, что ранее в ходе судебного заседания районного суда при рассмотрении дела по иску П. и М. к организации о признании использования ответчиком результатов интеллектуальной деятельности истцов, об обязанности ответчика прекратить введение в гражданский оборот на территории Российской Федерации игровой консоли, об изъятии из оборота игровых консолей представитель организации публично в присутствии суда и сторон, корреспондента службы информации телевизионной компании заявил о том, что истцы являются «патентными троллями».

Указанная фраза впоследствии была процитирована корреспондентом в телевизионном эфире в новостной программе. Видеорепортаж этой программы был также представлен в сети «Интернет».

По мнению истцов, данная фраза порочила их деловую репутацию.

Определением арбитражного суда производство по делу прекращено на основании п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ в связи с тем, что данное дело не подлежит рассмотрению в арбитражном суде.

Арбитражный суд апелляционной инстанции оставил без изменения определение арбитражного суда первой инстанции, руководствуясь следующим.

В силу п. 1 ст. 152 ГК РФ гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности.

Согласно ст. 28 АПК РФ арбитражные суды рассматривают в порядке искового производства возникающие из гражданских правоотношений экономические споры и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, а в случаях, предусмотренных данным Кодексом и иными федеральными законами, другими организациями и гражданами.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» разъяснил, что п. 5 ч. 1 ст. 33 АПК РФ установлена специальная подведомственность арбитражным судам дел о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. При этом согласно ч. 2 названной статьи указанные дела рассматриваются арбитражными судами независимо от того, являются ли участниками правоотношений, из которых возникли спор или требование, юридические лица, индивидуальные предприниматели или иные организации и граждане.

Исходя из ст. 2 ГК РФ предпринимательской деятельностью является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систе-

матическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке.

Истцы в качестве индивидуальных предпринимателей не зарегистрированы.

В силу ст. 1347 ГК РФ автором изобретения признается гражданин, творческим трудом которого создан соответствующий результат интеллектуальной деятельности.

Как правильно указал суд, истцы являются лицами, чьим творческим трудом созданы изобретения, патентообладателями которых они являются, т.е. их действия направлены на изобретение и создание результатов интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а не на получение определенного перечня продукции.

Доказательств того, что истцы осуществляют какой-либо производственный процесс, используют созданные ими изобретения для получения продукции и извлечения прибыли либо осуществления иной экономической деятельности, суду не представлено, следовательно, истцы не осуществляют экономическую деятельность².

2. К компетенции арбитражных судов относится рассмотрение дел о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности независимо от субъектного состава участников спорных отношений.

Общество и гражданин З. обратились в арбитражный суд с иском к компании и А. о признании недействительными и порочащими деловую репутацию истцов сведений, изложенных в обращении А.

Свои требования истцы обосновывали тем, что А., являясь председателем совета директоров компании, направил обращение в адрес полномочного представителя Президента Российской Федерации в федеральном округе, где содержалось указание на то, что гражданин З. возглавляет рейдерскую группу по захвату компании в интересах общества как хозяйствующего субъекта.

Ответчики заявили ходатайства о прекращении производства по делу в связи с тем, что спор не подлежит рассмотрению арбитражным судом.

Отказывая в удовлетворении ходатайства, арбитражный суд первой инстанции исходил из следующего.

В соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 33 АПК РФ к специальной подведомственности арбитражных судов отнесены дела о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Согласно ч. 2 данной статьи указанные дела рассматриваются арбитражным судом независимо от того, являются ли участниками правоотношений, из которых возникли спор или требование, юридические лица, индивидуальные предприниматели или иные организации и граждане.

Из названных норм права следует, что критерием отнесения дел о защите деловой репутации к подведомственности арбитражного суда является характер оспариваемых сведений.

Оспариваемые сведения относятся к экономической деятельности общества и служебной деятельности гражданина З., являющегося заместителем генерального директора общества по коммерческим вопросам, касаются вопроса производственно-хозяйственной деятельности общества, следовательно, данный спор подведомствен арбитражному суду³.

¹ Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 15 января 2013 г. по делу № А56-25599/2012.

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14 марта 2013 г. № 09АП-41886/2012-ГК.

³ Решение Арбитражного суда Архангельской области от 19 июня 2013 г. № А05-3782/2013.

В другом деле общество Х обратилось в арбитражный суд с иском к обществу Y, профсоюзной организации об обязанности общества Y опровергнуть информацию, не соответствующую действительности и порочащую деловую репутацию истца, содержащуюся на официальном интернет-сайте общества Y; об обязанности профсоюзной организации опровергнуть информацию, не соответствующую действительности и порочащую деловую репутацию истца, размещенную в газетной статье, а также о взыскании с общества 100 тыс. рублей в возмещение ущерба.

Как установлено судом, на официальном интернет-сайте общества Y опубликована статья о том, что общество Х отказывается выполнять условия отраслевого соглашения, предпринимает попытки уклониться от выполнения своих обязательств перед работниками, не согласовывает пункты коллективного договора по повышению и индексации заработной платы, выплатам семье работника, погибшего на производстве.

Прекращая производство по делу, арбитражный суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, пришел к выводу о неподведомственности дела арбитражному суду, поскольку данный спор возник из трудовых отношений и не связан с осуществлением обществом Х предпринимательской или иной экономической деятельности.

Проверив дело в кассационном порядке, арбитражный суд округа оставил состоявшиеся по делу судебные акты без изменения, сославшись на то, что иски о защите деловой репутации юридического лица, не связанные с его предпринимательской или иной экономической деятельностью, не подлежат рассмотрению по существу арбитражными судами.

Судами установлено, что оспариваемые сведения опубликованы в связи с исполнением обществом отраслевых тарифных соглашений и включением их положений в коллективный договор с работниками.

Принимая во внимание, что при рассмотрении вопроса о соответствии действительности распространенных ответчиками сведений подлежат применению нормы трудового законодательства, касающиеся системы взаимоотношений между работниками, работодателями, направленной на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, суды пришли к правильному выводу о том, что в данном случае спор о защите деловой репутации общества возник из отношений, не связанных с его предпринимательской или иной экономической деятельностью, и находится в сфере трудовых отношений.

Кроме того, арбитражный суд округа отметил, что одной из сторон в споре выступает профсоюзная организация, которая в силу ст. 2 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ “О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности” является добровольным общественным объединением граждан, связанных общими производственными, профессиональными интересами по роду их деятельности, создаваемым в целях представительства и защиты их социально-трудовых прав и интересов и не относящимся к субъектам предпринимательской и иной экономической деятельности.

С учетом изложенного арбитражные суды правомерно прекратили производство по делу на основании п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ как не подлежащему рассмотрению в арбитражном суде¹.

Такой подход судов к определению подведомственности дел с учетом положений п. 1 ч. 1 и ч. 4 ст. 22 ГПК РФ, п. 5 ч. 1 ст. 33 АПК РФ и разъяснений, дан-

ных в постановлении Пленума Верховного Суда РФ “О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц”, следует учитывать также при рассмотрении требований индивидуальных предпринимателей, включая требования о компенсации морального вреда, причиненного их чести, достоинству и деловой репутации.

При этом для решения вопроса о том, в каком суде подлежит рассмотрению иск индивидуального предпринимателя о защите чести, достоинства и деловой репутации, необходимо установление того, в каком качестве заявитель требует опровержения порочащих сведений — как субъект предпринимательской деятельности либо как физическое лицо.

3. Факт распространения не соответствующих действительности, порочащих честь и достоинство сведений может быть подтвержден любыми доказательствами, отвечающими требованиям относимости и допустимости.

В практике судов имели место случаи отказа в удовлетворении исковых требований в связи с тем, что истцы не имели возможности доказать факт распространения порочащих сведений посредством трансляции, например, на каналах телерадиовещания, поскольку ко времени обращения в суд истек срок хранения материалов передач, вышедших в эфир, в архивах телевизионных или радиовещательных компаний. При этом суды ошибочно расценивали такие материалы как единственно допустимые доказательства, подтверждающие содержание оспариваемых сведений, а газеты и журналы, в которых напечатана программа, — единственным доказательством факта ее распространения.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 7 постановления “О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации” указал на то, что федеральными законами не предусмотрено каких-либо ограничений в способах доказывания факта распространения сведений через телекоммуникационные сети (в том числе, через сайты в сети “Интернет”), поэтому при разрешении вопроса о том, имел ли место такой факт, суд в силу ст.ст. 55 и 60 ГПК РФ вправе принимать любые средства доказывания, предусмотренные процессуальным законодательством.

Так, разрешая иски о защите чести, достоинства и деловой репутации, суд признал доказанным истцом факт распространения ответчиком оспариваемых выражений в телепередаче. Записью этой телепередачи истец не располагал, поскольку она не сохранилась в архиве редакции средства массовой информации. Однако факт выхода телепередачи в эфир и ее содержание были установлены судом на основании иных представленных истцом доказательств, а именно: видеозаписи указанного материала на компакт-диске, показаний свидетеля, который пояснил, что указанную видеозапись он произвел с помощью ТВ-тюнера во время трансляции телепередачи, сообщения телерадиовещательной компании о факте выхода телепередачи, показаний свидетелей о факте выхода указанной программы и произнесения ответчиком оспариваемых высказываний.

В другом деле в качестве доказательства, подтверждающего факт распространения сведений в отношении истца, судом первой инстанции была принята справка юридического лица, предоставляющего услуги по мониторингу средств массовой информации, согласно которой рассматриваемая телепередача действительно транслировалась в указанное время и содержала оспариваемые сведения.

Определенные сложности возникают у истцов и с представлением доказательств, подтверждающих факт распространения порочащих сведений в сети “Интернет”.

¹Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 6 июля 2012 г. по делу № А60-37772/2011.

Судебная практика показывает, что лица, оспаривающие информацию диффамационного характера, размещенную в сети “Интернет”, до подачи иска в целях фиксации соответствующей интернет-страницы, как правило, обращаются к нотариусу за удостоверением ее содержания на основании ст. 102 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате.

В качестве предварительной обеспечительной меры это позволяет оперативно сохранить спорную информацию, которая в любой момент может быть удалена разместившим ее автором. При этом необходимо учитывать, что в силу ч. 5 ст. 61 ГПК РФ, ч. 5 ст. 69 АПК РФ обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия, не требуют доказывания, если подлинность нотариально оформленного документа не опровергнута в установленном порядке.

С момента возбуждения дела в суде общей юрисдикции, арбитражном суде не исключается возможность обеспечения доказательств и судьей по заявлению заинтересованного лица (ст.ст. 64—66 ГПК РФ, ст. 72 АПК РФ).

4. Отсутствие хотя бы одного обстоятельства из обязательной совокупности условий для удовлетворения иска (сведения должны носить порочащий характер, быть распространены и не соответствовать действительности) является основанием для отказа в удовлетворении заявленных требований.

Практика рассмотрения дел о защите чести, достоинства и деловой репутации показывает, что причинами отмены принятых по делам рассматриваемой категории судебных актов нередко являются нарушения норм процессуального права, выражающиеся в неисследовании судами существенных обстоятельств дела и отсутствии оценки представленных по делу доказательств.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала незаконными судебные акты, вынесенные при рассмотрении дела по иску Б. и Г. к газете о защите чести, достоинства, деловой репутации, о возложении обязанности опровергнуть не соответствующие действительности сведения, взыскании компенсации морального вреда.

Удовлетворяя заявленные требования, судебные инстанции исходили из обоснованности заявленных требований, поскольку оспариваемые истцами фрагменты газетной публикации с утверждениями о создании Г. с ведома и при поддержке Б. плагиата диссертационной работы, фальсификации отраженных в научном труде сведений порочат честь, достоинство и деловую репутацию Б. и Г.

Отменяя состоявшиеся по данному делу судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций как принятые с существенным нарушением норм процессуального права Судебная коллегия указала следующее.

В силу пп. 1 и 2 ст. 152 ГК РФ гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Опровержение должно быть сделано тем же способом, которым были распространены сведения о гражданине, или другим аналогичным способом. Сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина и распространенные в средствах массовой информации, должны быть опровергнуты в тех же средствах массовой информации.

Согласно разъяснениям п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ “О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц” по де-

лам данной категории необходимо иметь в виду, что обстоятельствами, имеющими в силу ст. 152 ГК РФ значение для дела, которые должны быть определены судьей при принятии искового заявления и подготовке дела к судебному разбирательству, а также в ходе судебного разбирательства, являются: факт распространения ответчиком сведений об истце, порочащий характер этих сведений и несоответствие их действительности. При отсутствии хотя бы одного из указанных обстоятельств иск не может быть удовлетворен судом.

Между тем судами не было установлено, соответствуют ли утверждения о плагиате действительности. Для установления данного юридически значимого обстоятельства судам следовало дать оценку текстам диссертационных исследований.

Оспариваемые судебные постановления результатов такой оценки не содержали, что свидетельствовало о ненадлежащем рассмотрении судами заявленных в рамках данного дела исковых требований и нарушении тем самым положений ст.ст. 56, 196 и 198 ГПК РФ, возлагающих на суд обязанность определить обстоятельства, имеющие значение для дела, отразить в решении доказательства, на которых основаны выводы суда об этих обстоятельствах, и доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства¹.

По другому делу Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, частично отменяя состоявшиеся по делу судебные постановления, указала, что, признав не соответствующими действительности, порочащими честь, достоинство и деловую репутацию Х. такие сведения, как “...имеются все основания полагать, что этот самый черный “мерс” ЛУКОЙЛа выехал на встречную и раздавил женщин в “ситроене”, суд не установил, распространены ли эти сведения о Х. и каким образом эти сведения порочат его честь, достоинство и деловую репутацию².

5. При решении вопроса о том, носят ли оспариваемые истцом сведения порочащий характер, а также для оценки их восприятия с учетом того, что распространенная информация может быть доведена до сведения третьих лиц различными способами (образно, инсказательно, оскорбительно и т.д.), судам в случае необходимости следует назначать экспертизу (например, лингвистическую) или привлекать для консультации специалиста (например, психолога).

Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, отменяя состоявшиеся по делу судебные постановления об отказе в удовлетворении требований Т. к Ю., К. и газете о защите чести, достоинства и деловой репутации, компенсации морального вреда, в том числе указала, что оценка фактов, относящихся к делу о распространении той или иной информации, исходя из значимости в жизни общества права на свободу мысли, совести и религии предполагает необходимость при рассмотрении дела судом использования специальных знаний, что требует проведения экспертизы. Выводы суда должны быть основаны на определенных доказательствах (например, заключении эксперта), результаты оценки которых суд обязан отразить в решении (ч. 4 ст. 67 ГПК РФ). Такие требования процессуального закона не были выполнены судом при рассмотрении данного дела³.

В другом деле, отменяя апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам краевого суда, которым было отменено решение суда первой ин-

¹Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 октября 2014 г. № 5-КГ14-95.

²Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24 апреля 2012 г. № 5-Б12-22.

³Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 5 августа 2014 г. № 5-КГ14-51.

станции об удовлетворении иска Д. к конкурсному управляющему, газете о защите чести, достоинства и деловой репутации, компенсации морального вреда и постановлено новое решение, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала следующее.

С учетом положений ст. 10 Конвенции о защите прав и основных свобод и ст. 29 Конституции Российской Федерации, гарантирующих каждому право на свободу мысли и слова, а также на свободу массовой информации, позиций Европейского Суда по правам человека при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке ст. 152 ГК РФ, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности (п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»).

При рассмотрении дел о защите чести и достоинства одним из юридически значимых обстоятельств, подлежащих установлению, является характер распространенной информации, т.е. установление того, является ли эта информация утверждением о фактах либо оценочным суждением, мнением, убеждением.

Согласно ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

Следовательно, по данному делу суду надлежало установить, являлись ли выражения в статье, выказанные конкурсным управляющим, утверждениями о фактах либо высказывания ответчика представляли собой выражение его субъективного мнения.

В ст. 195 ГПК РФ перечислены требования к решению суда, в соответствии с которой решение суда должно быть законным и обоснованным.

Верховный Суд РФ в п. 3 постановления Пленума от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» разъяснил, что решение может считаться законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права. Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (ст.ст. 55, 59—61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов.

Статьей 60 ГПК РФ предусмотрено, что обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами.

В силу ч. 1 ст. 79 ГПК РФ при возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла, суд назначает экспертизу.

Определение характера распространенной информации для отнесения этой информации к утверждениям о фактах или к оценочным суждениям, мнениям, убеждениям требует специальных знаний в области лингвистики.

Исходя из изложенного, по данному делу суду для установления характера распространенной конкурс-

ным управляющим информации необходимо было назначить по делу лингвистическую экспертизу.

Между тем судом этого сделано не было. Ответчиком заявлялось ходатайство о назначении по делу лингвистической экспертизы, однако в его удовлетворении было отказано, что повлекло за собой вынесение незаконного судебного акта¹.

6. При рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации необходимо учитывать, что содержащиеся в оспариваемых высказываниях ответчиков оценочные суждения, мнения, убеждения не являются предметом судебной защиты в порядке ст. 152 ГК РФ, если только они не носят оскорбительный характер.

Изучение материалов судебной практики показало, что наиболее сложным для судов было разграничение утверждений о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочных суждений, выражающих субъективное мнение и взгляды автора.

Неправильная правовая оценка указанных высказываний, которая приводит к судебным ошибкам, влияет на обеспечение судом баланса между необходимостью восстановления доброго имени истца во мнениях третьих лиц или общества и конституционными правами, свободами ответчика, включая свободу мысли и слова, которые он вправе реализовать всеми не запрещенными законом способами.

Так, орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, мэр города обратились в суд с иском к депутату Государственной Думы о защите чести, достоинства и деловой репутации. В обоснование заявленного требования указано на распространение ответчиком не соответствующих действительности сведений об истцах в новостных программах, вышедших в эфир на телеканале. Истцы просили суд обязать телекомпанию опровергнуть оспариваемые сведения путем сообщения в эфире о принятом судом решении.

Решением районного суда, оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам городского суда, исковые требования удовлетворены частично, в пользу истцов с ответчика взыскана компенсация морального вреда.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся судебные постановления.

Как указала Судебная коллегия, принимая решение по делу, суд не установил, являлось ли высказывание ответчика утверждением о фактах либо это высказывание представляло собой выражение его субъективного мнения.

Возражая против удовлетворения исковых требований, ответчик и его представители в судебном заседании ссылались на то, что приведенная истцами цитата не содержит сведений, не соответствующих действительности и порочащих честь, достоинство и деловую репутацию истцов, поскольку высказывания ответчика являются его мнением как лидера парламентской оппозиционной партии, были сделаны им от имени всей партии, в данных высказываниях в адрес истцов не было выдвинуто никаких обвинений.

Не соглашаясь с доводами ответчика, суд указал, что оспариваемые истцами сведения распространены именно в форме утверждения, доказывающего противозаконную деятельность органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации и мэра города.

Однако суд в нарушение положений ст. 195 ГПК РФ не привел каких-либо правовых доводов, позволявших оспариваемые высказывания ответчика, представленные словами «считаю, что...», отнести к утверждению о фактах, а не к оценочному суждению (мнению).

¹Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22 июля 2014 г. № 60-КГ14-4.

Ссылка суда на словарь русского языка С.И. Ожегова, согласно которому мнение — это “суждение, выражающее оценку чего-нибудь, отношение к кому-чему-нибудь, взгляд на что-нибудь”, не опровергает доводы ответчика о том, что высказывание относительно органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации и мэра города — это его мнение.

В силу п. 1 ст. 152 ГК РФ обязанность доказывать соответствие распространенных сведений действительности лежит на ответчике. Истец обязан доказать факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск, а также порочащий характер этих сведений.

Несмотря на то, что ответчик настаивал на том, что оспариваемое высказывание носит оценочный характер и, следовательно, не может быть проверено на предмет соответствия его действительности, его представителем в подтверждение действительности распространенных сведений были предоставлены суду материалы о привлечении к уголовной ответственности по фактам коррупции руководителей и работников префектур, органов местного самоуправления города.

Суд первой инстанции признал данные материалы недостоверными.

Вместе с тем суд не учел, что рассматриваемое дело представляло собой конфликт между правом на свободу выражения мнения и защитой репутации, а конвенционный стандарт, как указывает Европейский Суд по правам человека, требует очень веских оснований для оправдания ограничений дебатов по вопросам всеобщего интереса.

Таким основанием в рассматриваемом деле суд признал нарушение защищаемых Конституцией Российской Федерации и Гражданским кодексом РФ ценностей — чести, достоинства и деловой репутации, указав на то, что согласно ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Между тем положения указанной статьи Конституции Российской Федерации не исключают действия иных ее положений, в частности ст. 15, установившей, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, каковым является Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция), являются составной частью ее правовой системы.

Это судебными инстанциями не было учтено. Формально сославшись на то, что в соответствии со ст. 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации, принятой 12 февраля 2004 г. на 872 заседании Комитета Министров Совета Европы, политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в средствах массовой информации (далее — СМИ), а государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в СМИ в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий, суд не принял во внимание, что Российская Федерация как участник Конвенции признает юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после вступления их в силу в отношении Российской Федерации (ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”). Поэтому применение судами названной Конвенции

должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ “О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации”).

Согласно п. 1 ст. 10 Конвенции каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ.

Как неоднократно указывал Европейский Суд по правам человека, свобода выражения мнения, как она определяется в п. 1 ст. 10 Конвенции, представляет собой одну из несущих основ демократического общества, основополагающее условие его прогресса и самореализации каждого его члена. Свобода слова охватывает не только “информацию” или “идеи”, которые встречаются благоприятно или рассматриваются как безобидные либо нейтральные, но также и такие, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство. Таковы требования плюрализма, толерантности и либерализма, без которых нет “демократического общества”.

Ценная для каждого свобода выражения мнения также представляет ценность для политических партий и их активных членов. Они представляют своих избирателей, рассматривают вопросы, которые их заботят, и защищают их интересы. Таким образом, вмешательство в свободу выражения мнения политика, члена оппозиционной партии требует от суда наиболее острого контроля.

Это судебными инстанциями учтено не было и повлекло за собой вынесение незаконных судебных постановлений¹.

7. Лицо, распространившее те или иные сведения, освобождается от ответственности, если докажет, что такие сведения в целом соответствуют действительности. При этом не требуется доказывать соответствие действительности каждого отдельно взятого слова или фразы в оспариваемом высказывании. Ответчик обязан доказать соответствие действительности оспариваемых высказываний с учетом буквального значения слов в тексте сообщения. Установление того, какие утверждения являются ключевыми, осуществляется судом при оценке сведений в целом.

Общество обратилось в суд с иском к редакции газеты о защите деловой репутации и возмещении убытков, сославшись на то, что в публикации указывалось на большое количество долгов у общества перед его кредиторами, на наличие долгов перед федеральным и областными бюджетами в размере более 4 млн. рублей, а также на то, что один из кредиторов общества инициировал в отношении последнего процедуру банкротства и судом назначен внешний управляющий.

В процессе рассмотрения дела установлено, что один из кредиторов общества — банк — действительно обратился в суд с заявлением о признании должника банкротом. Определением арбитражного суда в отношении общества введена процедура наблюдения, требование банка признано обоснованным и включено в соответствующую очередь, назначен временный управляющий. Между тем информация о назначении внешнего управляющего не в полной мере соответствовала действительности, поскольку судом утвержден не внешний, а временный управляющий. Доказа-

¹Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 июня 2011 г. № 5-В11-49.

тельств соответствия сведений о размере задолженности в федеральный и областной бюджеты в сумме более 4 млн. рублей в материалы дела представлено не было.

Арбитражный суд первой инстанции в удовлетворении иска отказал, указав, что наличие в высказывании нескольких утверждений, не соответствующих действительности или некорректных, само по себе не делает все высказывание заведомо ложным, если ответчик докажет, что ключевые утверждения о фактах, которые составляют существо оспариваемого высказывания, соответствуют действительности.

Информация о наличии больших долгов общества, являющаяся ключевой, в целом соответствует действительности, что подтверждается определением суда о введении процедуры наблюдения, в связи с чем публикация, содержащая указанные сведения, не может быть признана ложной¹.

8. Критика деятельности лиц, осуществляющих публичные функции, допустима в более широких пределах, чем в отношении частных лиц.

Особую сложность вызывает рассмотрение дел о защите чести, достоинства и деловой репутации лиц, осуществляющих публичные функции. Конституция Российской Федерации в ст.ст. 23 и 24 гарантирует каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. При этом профессиональная сфера деятельности предполагает наличие определенных ограничений в осуществлении конституционных прав и свобод, что обусловлено исполнением особых публично-правовых обязанностей.

Так, Б., являющийся должностным лицом органа исполнительной власти, обратился в суд с иском к депутату М. о защите деловой репутации путем признания распространенных ответчиком на одном из заседаний законодательного органа сведений порочащими деловую репутацию Б. как гражданина и должностного лица, а также признания ряда публичных высказываний не соответствующими действительности.

В обоснование иска заявитель указал, что публичное распространение высказываний подтверждается stenogramмой заседания законодательного органа и видеозаписью выступления ответчика, размещенной в сети "Интернет". Истец полагал, что ответчик имел намерение опорочить его публично в присутствии широкой общественности, воспользовавшись депутатской трибуной, заявив, что оспариваемые сведения не соответствуют действительности, являются порочащими и должны быть опровергнуты.

В свою очередь, ответчик ссылался на то, что выступление преследовало цель донести мнение избирателей о сложившейся ситуации в конкретном субъекте Российской Федерации и просьбу об отставке истца. Как утверждал ответчик, сведения, содержащиеся в его выступлении, являлись мнением избирателей, выражающим их оценку деятельности истца как должностного лица, и не могут быть признаны сведениями, которые можно проверить на соответствие действительности.

Частично удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что распространенная ответчиком информация содержит сведения о фактах, негативно характеризует истца и порочит деловую репутацию последнего как должностного лица органа исполнительной власти перед лицом большой аудитории. При этом достоверность этой информации ответчиком не была доказана.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, рассмотрев дело в кассационном порядке, в том числе указала следующее.

Европейский Суд по правам человека, в частности в постановлении от 11 февраля 2010 г. по делу "Федченко (Fedchenko) против Российской Федерации", указал, что в отношении государственных служащих, действующих в официальном качестве, как и политиков, рамки допустимой критики шире, чем в отношении частных лиц.

Европейский Суд также отмечает, что п. 2 ст. 10 Конвенции дает мало возможностей для ограничения политических высказываний или дебатов по вопросам, представляющим всеобщий интерес. Кроме того, хотя нельзя сказать, что слова и поступки государственных служащих и политических деятелей в равной степени заведомо открыты для наблюдения, государственные служащие, находящиеся при исполнении обязанностей, подобно политикам, подпадают под более широкие пределы допустимой критики, чем частные лица (постановление Европейского Суда от 14 октября 2008 г. по делу "Дюндин (Dyundin) против Российской Федерации").

Пределы допустимой критики шире в отношении правительства, чем простого лица или даже политика. При демократическом режиме действия и бездействие правительства должны быть помещены под внимательный контроль со стороны не только законодательной и судебной власти, но также общественного мнения. Кроме того, доминирующее положение, которое оно занимает, делает необходимой демонстрацию сдержанности, когда встает вопрос об уголовном преследовании, особенно когда имеются другие средства ответа на неоправданные нападки и критику со стороны его противников.

Эти правовые позиции не были учтены судебными инстанциями при рассмотрении данного дела².

9. Требования истца о защите чести и достоинства не подлежат удовлетворению, если им оспариваются сведения, изложенные в официальном обращении ответчика в государственный орган или к должностному лицу, а само обращение не содержит оскорбительных выражений и обусловлено намерением ответчика реализовать свое конституционное право на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления.

Запрет преследования гражданина в связи с его обращением в государственный орган, орган местного самоуправления или к должностному лицу с критикой деятельности указанных органов или должностного лица либо в целях восстановления или защиты своих прав, свобод и законных интересов либо прав, свобод и законных интересов других лиц прямо установлен в ст. 6 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ "О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации".

В ряде случаев при рассмотрении дел, оценивая сведения, изложенные в официальном обращении ответчика в государственный орган или к должностному лицу, суды приходили к ошибочному выводу о том, что оспариваемые истцом высказывания, которые, по его мнению, порочат его честь, достоинство или деловую репутацию, должны рассматриваться как утверждения о фактах и событиях, являющиеся предметом судебной проверки в порядке ст. 152 ГК РФ.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в целях исправления ошибки в применении норм права при рассмотрении конкретного дела, отменяя состоявшиеся по делу судебные постановления, высказала следующую правовую позицию.

¹Аналогичная позиция отражена, например, в постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18 сентября 2014 г. по делу № А03-6134/2013.

²Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10 декабря 2013 г. № 10-КГ13-2.

Каждый гражданин имеет право свободно и добровольно обращаться в государственные органы, органы местного самоуправления и к должностным лицам в целях защиты своих прав и законных интересов либо прав и законных интересов других лиц. При этом гражданин может указать в обращении на известные ему факты и события, которые, по его мнению, имеют отношение к существу поставленного в обращении вопроса и могут повлиять на его разрешение. То обстоятельство, что изложенные в обращении сведения могут не найти своего подтверждения, не является основанием для привлечения заявителя к гражданско-правовой ответственности, предусмотренной ст. 152 ГК РФ, если соответствующее обращение обусловлено его попыткой реализовать свои конституционные права, имеющие выраженную публичную направленность, в целях привлечения внимания к общественно значимой проблеме. Иное означало бы привлечение лица к гражданско-правовой ответственности за действия, совершенные им в пределах предоставленных ему конституционных прав, а равно при исполнении им своего гражданского долга.

Судами, рассматривающими данное дело, не было установлено, что оспариваемое сообщение содержит оскорбительные выражения, что являлось бы недопустимым злоупотреблением правом на свободу слова и выражения мнения¹.

По другому делу Б. обратилась в суд с иском к Г. о защите чести, достоинства, деловой репутации и компенсации морального вреда.

Судом установлено, что Г. обращался в органы ФСБ и МВД России с заявлением и давал объяснения о том, что на территории конкретного субъекта Российской Федерации действует преступная группировка, которая занимается незаконным оборотом наркотических средств, в состав которой входят истица Б. и ее муж А. Постановлением начальника территориального органа МВД России в возбуждении уголовного дела в отношении Б. и А. было отказано за отсутствием состава преступления.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований Б., суд первой инстанции исходил из того, что при обращении ответчика с заявлением в правоохранительные органы имела место реализация конституционного права на обращение в государственные органы, которые в силу закона обязаны проверять поступившую информацию о совершении преступлений.

Отменяя решение суда первой инстанции и частично удовлетворяя исковые требования Б., суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что поскольку обращением ответчика в правоохранительные органы истцу причинены нравственные страдания, выразившиеся в переживаниях по поводу своей репутации, постольку причинение действиями ответчика ущерба достоинству и репутации Б. является основанием для взыскания с Г. в пользу истца компенсации морального вреда.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ с выводами суда апелляционной инстанции не согласилась, указав, что выяснение того, было ли обращение в государственные органы обусловлено намерением причинить вред другому лицу, является юридически важным обстоятельством, подлежащим доказыванию и установлению судом.

Соответственно, в том случае, если судом не будет установлено, что обращение в государственные органы было подано с намерением причинить вред другому лицу, то лицо, обратившееся с таким заявлением в государственные органы, не может быть привлечено к гражданско-правовой ответственности в порядке

ст. 152 ГК РФ независимо от того, что таким обращением лицу были причинены нравственные страдания.

По данному делу суд апелляционной инстанции не установил, могли ли действия ответчика по реализации его конституционного права на обращение в государственные органы служить основанием для привлечения его к гражданско-правовой ответственности, что повлекло за собой вынесение незаконного судебного постановления и отмену его вышестоящим судом².

По аналогичным основаниям с вынесением нового судебного акта было отменено и решение суда по иску депутата законодательного органа области А. к средству массовой информации и прокуратуре области о защите чести, достоинства, деловой репутации и компенсации причиненного ему морального вреда.

Судом по данному делу было установлено, что на интернет-сайте информационного агентства (учредитель — ответчик) была размещена официальная информация прокуратуры о возбуждении в отношении А. дела об административном правонарушении. В отношении данной публикации пользователями указанного интернет-ресурса был дан ряд негативных комментариев, в которых сообщалось о причастности А. к убийствам, а также об обстоятельствах нарушения им действующего законодательства.

Кроме того, на интернет-сайте информационного агентства было опубликовано официальное сообщение прокуратуры о принятом решении провести проверку по изложенным в комментариях фактам.

Полагая, что указанные в сообщении прокуратуры данные о проведении в отношении истца проверки на предмет причастности к особо тяжким преступлениям изложены в форме утверждения как факты, имевшие место, и соотносят его с подозреваемым по уголовным делам, что не соответствует действительности, А. просил суд обязать ответчиков их опровергнуть, а также компенсировать ему причиненный моральный вред, который он оценил в 10 млн. рублей.

Частично удовлетворяя заявленные требования, суд первой инстанции исходил из того, что сообщение прокуратуры содержит информацию о проведении в будущем проверки сведений, изложенных анонимными пользователями указанного интернет-сайта. Однако данная информация изложена в некорректной форме, формирующей мнение читателей об истце как о совершившем преступление и нарушившем законодательство.

Не согласившись с выводами суда первой инстанции, судебная коллегия по гражданским делам областного суда указала, что спорная публикация представляет собой лишь информацию о предстоящей проверке прокуратурой сообщений граждан о причастности истца к совершению уголовно наказуемых деяний и не является утверждением о виновности А. в совершении преступлений, а потому не может рассматриваться в качестве распространения порочащих сведений. Сама по себе некорректность формулировки данного сообщения, использование слова “факт” по отношению к непроверенным сведениям пользователей “Интернета” не были оценены как распространение недостоверных, порочащих сведений с учетом того, что оценка буквального значения слов и выражений в тексте сообщения о проведении прокуратурой проверки, результат которой заранее неизвестен, позволяет прийти к выводу об отсутствии в публикации диффамационных признаков.

В целях вынесения законного и обоснованного решения по делам данной категории судам необходимо выяснять, действовало ли лицо, распространившее сведения об истце, добросовестно или официальное обращение было обусловлено намерением причинить вред другому лицу.

¹Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 3 декабря 2013 г. № 49-КГ13-9.

²Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15 апреля 2014 г. № 18-КГ14-13.

Так, городской суд, удовлетворяя исковое заявление А. к М. о защите чести, достоинства и компенсации морального вреда, установил, что ответчик обратилась в городской совет ветеранов с заявлением о том, что истец незаслуженно пользуется льготами, установленными для участников Великой Отечественной войны, поскольку в период немецко-фашистской оккупации отец А. служил полицаем и был расстрелян партизанами. По мнению М., чтобы скрыть связь своего отца с немцами, А. в феврале 1945 г. устроилась работать в военно-санитарном поезде, отправленном на фронт.

Разрешая спор, суд указал, что сообщенные ответчиком сведения не доказаны и ничем, кроме ее устных показаний, не подтверждаются. Утверждение М., что направление ею заявления в совет ветеранов имело целью реализацию конституционного права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, суд обоснованно не принял во внимание, сочтя его злоупотреблением правом, поскольку ранее с заявлениями о проверке законности статуса А. как участника Великой Отечественной войны ответчик неоднократно обращалась в военный комиссариат области, в орган социальной защиты населения и получила оттуда обоснованные ответы о статусе истца, подтвержденные ссылками на архивные документы.

10. Средство массовой информации не несет ответственности за распространение сведений, не соответствующих действительности и порочащих деловую репутацию, если оно дословно воспроизвело сообщение, опубликованное другим средством массовой информации, и если не будет доказано, что оно знало или должно было знать о том, что распространяемые сведения не соответствуют действительности. Вместе с тем средство массовой информации не может быть освобождено от обязанности по опубликованию опровержения недостоверных сведений.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к редакции газеты о защите деловой репутации, в котором просило суд обязать ответчика опровергнуть распространенные им сведения и взыскать с него убытки, вызванные указанными действиями.

Редакция возражала против предъявленных требований со ссылкой на то, что информация, ставшая предметом спорных отношений, была дословным воспроизведением текста статьи, опубликованной в другой газете.

Арбитражный суд в удовлетворении иска отказал со ссылкой на ст. 57 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 “О средствах массовой информации” (далее — Закон о СМИ), согласно которой редакция, главный редактор, журналист не несут ответственности за распространение сведений, не соответствующих действительности и порочащих деловую репутацию организации, если эти сведения являются дословным воспроизведением сообщений и материалов или их фрагментов, распространенных другим средством массовой информации, которое может быть установлено и привлечено к ответственности за данное нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации.

Арбитражный суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции изменил, иск в части удовлетворил, обязав средство массовой информации опубликовать опровержение распространенных им сведений, и указал следующее.

В силу п. 6 ст. 57 Закона о СМИ распространение сведений, не соответствующих действительности и порочащих деловую репутацию, средством массовой информации посредством дословного воспроизведения сообщения, опубликованного другим средством массовой информации, не влечет применение мер ответственности в виде взыскания убытков, причиненных таким распространением.

Вместе с тем согласно абз. 3 ст. 12 ГК РФ редакция периодического издания не может быть освобождена от обязанности по опубликованию опровержения недостоверных сведений, поскольку опровержение является формой восстановления положения, существовавшего до нарушения права.

Суд также учел, что именно публикация недостоверных сведений ответчиком — редакцией журнала имела широкое распространение в связи с большой популярностью сайта ответчика в регионе, в котором осуществляется хозяйственная деятельность истца, и большой авторитетностью данного электронного СМИ.

11. В том случае, когда невозможно установить лицо, распространившее порочащие сведения, заявление о признании таких сведений не соответствующими действительности рассматривается в порядке особого производства. Если в ходе судебного разбирательства, осуществляемого в порядке особого производства, будет установлено конкретное лицо, распространившее оспариваемые порочащие сведения, суд оставляет указанное заявление без рассмотрения.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением в порядке главы 27 АПК РФ о признании не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию заявителя сведений, распространенных в сети “Интернет”.

Оставляя поданное заявление без движения, арбитражный суд первой инстанции в определении сослался на то, что в заявлении отсутствуют сведения об ответчике, а именно о его наименовании и местонахождении.

Впоследствии определением арбитражного суда первой инстанции заявление возвращено на основании п. 4 ч. 1 ст. 129 АПК РФ в связи с тем, что заявителем не были устранены в срок обстоятельства, послужившие основанием для оставления заявления без движения.

Арбитражный суд апелляционной инстанции отменил названное определение суда первой инстанции, вопрос направил на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Обращаясь в арбитражный суд первой инстанции, общество указывало на невозможность идентифицировать лицо, распространившее сведения в сети “Интернет”.

Согласно правовой позиции, изложенной в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ “О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц”, судебная защита чести, достоинства и деловой репутации лица, в отношении которого распространены не соответствующие действительности порочащие сведения, не исключается также в случае, когда невозможно установить лицо, распространившее такие сведения (например, при направлении анонимных писем в адрес граждан и организаций либо распространении сведений в сети “Интернет” лицом, которое невозможно идентифицировать). Такое заявление рассматривается в порядке особого производства.

Таким образом, у арбитражного суда первой инстанции не имелось оснований, предусмотренных п. 4 ч. 1 ст. 129 АПК РФ, для возвращения заявления¹.

В другом деле в ходе судебного разбирательства об установлении факта распространения сведений, которые порочат деловую репутацию заявителя и не соответствуют действительности, к участию в деле привлечено третье лицо, которое подтвердило факт распространения им указанных сведений, но оспаривало их порочащий характер.

¹Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 6 марта 2013 г. по делу № А40-138780/12-19-1171.

Учитывая эти обстоятельства, арбитражный суд первой инстанции на основании п. 3 ч. 1 ст. 148 АПК РФ оставил без рассмотрения заявление об установлении факта распространения сведений, не соответствующих действительности и порочащих деловую репутацию заявителя, ввиду наличия спора о праве.

Постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции указанное определение оставлено без изменения¹.

12. Ущерб деловой репутации организации может быть причинен распространением порочащих сведений как о самой организации, так и в отношении лиц, входящих в ее органы управления, а также работников этой организации.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к редакции газеты, в котором просило взыскать убытки, причиненные распространением сведений, не соответствующих действительности, и обязать редакцию опубликовать их опровержение. В обоснование своих требований общество указало, что ответчик опубликовал порочащие сведения, не соответствующие действительности, о лице, занимающем должность единственного исполнительного органа общества.

Арбитражный суд первой инстанции иск удовлетворил на том основании, что характер сведений, касающихся профессиональной деятельности руководителя организации, влияет на оценку общества как участника гражданского оборота. Следовательно, негативные сведения такого рода приводят к отрицательной оценке деятельности общества и умаляют его деловую репутацию.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции, указал, что распространенные сведения не затрагивают общество и поэтому не порочат его деловую репутацию. Кроме того, распространенные сведения не затрагивают деятельность физического лица именно как руководителя общества.

Федеральный суд округа отменил постановление суда апелляционной инстанции и оставил в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Определяющим является характер распространенных сведений и их влияние на деловую репутацию юридического лица. Конкретные сведения, порочащие репутацию физического лица — руководителя организации, могут как иметь, так и не иметь негативных последствий для репутации самого юридического лица.

В рассмотренном деле распространенные сведения являются ложными и порочат честь, достоинство и профессиональную репутацию физического лица именно как руководителя организации. Так как единственный исполнительный орган общества действует от имени общества в гражданском обороте, его репутация неизбежно ассоциируется с репутацией самого общества и непосредственно влияет на сложившуюся в обществе оценку поведения организации, поэтому умаление профессиональной репутации руководителя организации в данном деле привело к умалению деловой репутации самой организации².

13. В случае реорганизации юридического лица с иском о защите его деловой репутации вправе обратиться правопреемник либо учредитель юридического лица.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к телекомпании и акционеру общества о признании све-

дений, которые распространены ими, не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию.

После принятия судом искового заявления к производству в Единый государственный реестр юридических лиц внесена запись о прекращении деятельности общества путем реорганизации в форме разделения на промышленную группу и инвестиционную компанию.

Инвестиционная компания заявила ходатайство о процессуальном правопреемстве. В обоснование ходатайства компания ссылалась на направленность действий правопреемника на защиту истории создания юридического лица и доброе имя вновь возникшей организации, поскольку в преамбуле устава содержится сведения о том, что компания является правопреемником общества.

В удовлетворении названного ходатайства арбитражным судом первой инстанции было отказано, с указанием на то, что деловая репутация относится к числу принадлежащих юридическому лицу нематериальных благ, что исключает возможность перехода этого блага от одного субъекта к другому. В силу своей неотчуждаемости личные нематериальные блага не могут быть объектом правопреемства.

Определением суда первой инстанции производство по делу прекращено, поскольку спорное правоотношение не допускает правопреемства.

Суд апелляционной инстанции определение отменил, произвел замену истца правопреемником, иск удовлетворил, указав, что в данном случае защита деловой репутации реорганизованного общества непосредственно связана с формированием деловой репутации вновь созданных юридических лиц, действующих в той же экономической сфере с использованием активов реорганизованного общества, которые перешли к вновь образованным юридическим лицам в порядке, установленном ст. 58 ГК РФ³.

14. Распространение ложных сведений о товарном знаке, под которым производится продукция истца, умаляет деловую репутацию истца, хотя бы сам истец не был назван в публикации.

Предприятие обратилось в суд с иском к редакции газеты о защите деловой репутации и опровержении ложных порочащих сведений, распространенных в отношении товарного знака, под которым истец производит питьевую воду. Предприятие ссылалось на то обстоятельство, что оно является правообладателем соответствующего товарного знака и выпускает продукцию под этим знаком.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции указал, что наименование предприятия не упоминается в оспариваемой публикации, следовательно, распространенные сведения не относятся к истцу.

Суд апелляционной инстанции решение отменил, иск удовлетворил по следующим основаниям.

Отсутствие в публикации точного наименования истца не свидетельствует само по себе о том, что высказывание к нему не относится. Вместе с тем простого предположения или субъективного восприятия высказывания как ложного и порочащего недостаточно для обоснования того, что истец был непосредственным объектом критики и (или) что его деловой репутации причинен вред.

Товарный знак представляет собой обозначение, используемое для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, т.е. он неразрывно связан с лицом, которое производит

¹См., например, постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 14 июня 2012 г. по делу № А40-62232/11-12-526.

²Аналогичные выводы содержатся, например, в постановлении Федерального арбитражного суда Центрального округа от 19 декабря 2011 г. по делу № А14-2501/2011.

³Аналогичная позиция отражена, например, в постановлении Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 29 августа 2013 г. по делу № А43-26790/2012.

товары, маркируемые соответствующим знаком. При этом не имеет значения, что конкретный производитель товара может быть неизвестным потребителю, для него имеет значение качество продукции под конкретным товарным знаком.

Таким образом, распространение ложных порочащих сведений о товарном знаке умаляет деловую репутацию производителя соответствующей продукции, влечет потерю покупательского интереса к его товарам и возникновение у него убытков¹.

15. Распространение ложной информации о введении процедуры банкротства в отношении юридического лица, наличии у него значительных долгов наносит ущерб его деловой репутации.

Общество обратилось с иском к главе района и редакции газеты о защите деловой репутации и взыскании убытков, сославшись на то, что ответчиками распространены не соответствующие действительности сведения, порочащие деловую репутацию истца и наносящие ущерб взаимоотношениям с партнерами, а также затрагивающие общую деятельность организации в районе. В частности, в публикации отмечалось, что общество находится в состоянии банкротства.

Арбитражный суд первой инстанции в удовлетворении иска отказал, сославшись на то, что опубликованные сведения не содержат утверждения о нарушении истцом действующего законодательства, деловой этики, обычаев делового оборота или норм морали, т.е. не содержат сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию истца.

Арбитражный суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменил, иск удовлетворил, указав, что информация о нахождении в процедуре банкротства существенным образом снижает заинтересованность участников гражданского оборота в налаживании деловых связей с обществом, в том числе инвестировании средств в принадлежащие ему объекты, поскольку предполагается, что лицо не может самостоятельно погасить имеющуюся у него задолженность. Для существующих контрагентов этого лица такого рода информация может послужить основанием для снижения объемов инвестирования в его деятельность. Следовательно, ложная информация такого рода умаляет деловую репутацию истца и влечет возникновение у него убытков.

16. В случае, если порочащие сведения, размещенные на сайте в сети “Интернет”, признаны судом не соответствующими действительности, владелец сайта или иное уполномоченное им лицо, которое размещает информацию на этом сайте, обязаны удалить такие сведения по заявлению потерпевшего.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к администратору сайта в сети “Интернет”, на котором была размещена информация, порочащая деловую репутацию общества, о признании этих сведений не соответствующими действительности, об обязанности ответчика удалить эти сведения с сайта и о взыскании убытков, причиненных распространением указанных сведений.

Ответчик ссылался на то, что не может нести ответственность за передаваемую информацию, поскольку не инициирует передачу такой информации, не выбирает получателя информации и не влияет на ее целостность.

Соглашаясь с доводами ответчика, арбитражный суд первой инстанции отказал в удовлетворении исковых требований. Суд отметил, что при привлечении к ответственности администратора сайта следует учиты-

вать степень его вовлечения в процесс передачи, хранения и обработки информации, возможность контролировать и изменять ее содержание. Администратор сайта не несет ответственность за передаваемую информацию, если он не инициирует ее передачу, не выбирает получателя информации, не влияет на ее целостность.

Арбитражный суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции изменил, иск в части удовлетворил, обязав ответчика удалить сведения, не соответствующие действительности и порочащие деловую репутацию общества, с сайта в сети “Интернет”, по следующим основаниям.

Возложение на лицо, которое имеет техническую возможность без ущерба для своих прав и законных интересов удалять сведения, признанные судом не соответствующими действительности, представляет собой не меру ответственности за виновное правонарушение, а законный способ защиты права, что предполагает возможность обращения потерпевшего в суд за защитой нарушенного права в случае, если администратор сайта отказывается выполнить эту обязанность в добровольном порядке.

Поскольку доказано, что возможности администратора сайта по определению достоверности информации, размещаемой третьими лицами, в настоящем деле объективно ограничены, недобросовестность его действий не доказана, на него не может быть возложена ответственность за отказ удалить соответствующую информацию до принятия судебного решения, которым распространенные сведения признаны порочащими и не соответствующими действительности. Это не исключает впоследствии возможности удовлетворить требование потерпевшего о возмещении убытков, причиненных неисполнением такого судебного решения.

17. Не могут рассматриваться как не соответствующие действительности сведения, содержащиеся в процессуальных документах, для обжалования которых предусмотрен иной установленный законом судебный порядок.

Судебная практика исходит из того, что обоснованность заявленного требования о защите чести, достоинства, деловой репутации и компенсации в связи с этим морального вреда подлежит проверке и оценке судом при рассмотрении дела по существу.

В некоторых случаях судьи правильно принимали решения об отказе в принятии таких заявлений на основании п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ, если они приходили к выводу, что истцом оспариваются сведения, содержащиеся в процессуальных документах, вынесенных судами по другому делу в ходе уголовного, гражданского или административного судопроизводства, которые не подлежат оценке иначе как в порядке, предусмотренном отраслевым процессуальным законодательством. Соответствие указанных сведений действительности по смыслу закона и с учетом толкования п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ “О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц” не может быть проверено в порядке ст. 152 ГК РФ. Если гражданское дело по такому заявлению все же было возбуждено, производство по нему подлежит прекращению в силу абз. 7 ст. 220 ГПК РФ.

Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, отменяя состоявшиеся по делу судебные постановления и прекращая производство, указала следующее.

Как усматривается из поданного А. в суд искового заявления, порочащими его честь, достоинство и деловую репутацию истец посчитал объяснения адвоката, данные при рассмотрении гражданского дела по иску А. к И. о защите чести и достоинства, занесенные в протокол судебного заседания.

¹Аналогичная позиция отражена, например, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 23 марта 2015 г. по делу № А40-54340/14.

В силу ст. 55 ГПК РФ доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов.

Согласно ст. 56 ГПК РФ представление доказательств является процессуальной обязанностью сторон.

Участие в судебном заседании, дача объяснений по делу являются формой доказательств, подлежащих оценке и проверке судом, рассматривающим дело. Указанные доказательства при этом не могут быть предметом повторного исследования и опровержения в другом судебном процессе по иску о защите чести и достоинства.

Объяснения адвоката, данные при рассмотрении гражданского дела по иску А. к И. о защите чести и достоинства, по смыслу ст. 68 ГПК РФ являются источником получения доказательств, которые проверялись и оценивались судом при рассмотрении указанного дела.

Таким образом, в соответствии с действующим процессуальным законодательством сведения, по поводу которых возник спор, не могут быть оспорены в порядке, предусмотренном ст. 152 ГК РФ, поскольку они были предметом рассмотрения по другому гражданскому делу.

Судом при рассмотрении данного гражданского дела названное обстоятельство принято во внимание не было. Кроме того, суд не учел, что в судебном заседании сторонам предоставляются равные процессуальные возможности по отстаиванию своих прав и законных интересов, включая реальную возможность довести свою позицию до сведения суда, поскольку только при этом условии реализуется право на судебную защиту, которая должна быть справедливой, полной и эффективной¹.

При исследовании вопроса о характере сообщенных при схожих обстоятельствах сведений и о субъектах их распространения (сообщение суду сведений в судебном заседании лицом в любом процессуальном качестве) суды устанавливают, сообщаются ли они только в отношении участников судебного процесса либо других лиц, которые не участвовали в судебном заседании, являются ли такие сведения доказательствами по этому делу и оценивались ли они при вынесении решения. Если оспариваемые сведения были распространены в ходе рассмотрения дела указанными выше лицами в отношении других лиц, не являющихся участниками судебного процесса, суды правильно исходят из того, что лица, считающие такие сведения не соответствующими действительности и порочащими их честь, достоинство или деловую репутацию, могут защитить свои права в порядке, предусмотренном ст. 152 ГК РФ.

18. Присуждение денежной компенсации морального вреда по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации должно отвечать цели, для достижения которой установлен данный способ защиты неимущественных прав граждан. Сумма компенсации морального вреда должна соответствовать требованиям разумности, справедливости и быть соразмерной последствиям нарушения.

Изучение материалов судебной практики показало, что наиболее распространенным способом защиты личных неимущественных прав граждан является требова-

ние о компенсации морального вреда. Исходя из ст. 1100 ГК РФ в случае причинения вреда распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, наличие морального вреда предполагается.

К числу актуальных вопросов, возникающих в судебной практике по делам анализируемой категории, относится вопрос об оценке морального вреда, причиненного гражданину распространением порочащих сведений, с точки зрения определения размера его денежной компенсации.

Гражданское законодательство, предусматривая в качестве способа защиты гражданских прав компенсацию морального вреда, устанавливает общие критерии для определения размера такой компенсации (ст.ст. 151 и 1101 ГК РФ), которые суд применяет с учетом фактических обстоятельств конкретного дела. Использование права на компенсацию морального вреда в иных целях, в частности для создания ситуации, при которой фактически ограничивается право каждого на свободу выражать свое мнение, включая свободу придерживаться своего мнения, свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей, не допускается (ст. 29 Конституции Российской Федерации, ст. 10 Конвенции, ст. 10 ГК РФ и п. 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»). При этом подлежащая взысканию сумма компенсации морального вреда должна быть соразмерна причиненному вреду и не вести к ущемлению свободы массовой информации (п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»).

Судебная практика свидетельствует о том, что истцы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, требуя компенсации причиненного им морального вреда, не обосновывали, как правило, заявленную сумму, а ограничивались лишь ссылкой на ухудшение состояния здоровья, душевные волнения и переживания.

В силу ст. 151, п. 2 ст. 1101 ГК РФ размер компенсации определяется судом, при этом суд не связан той величиной компенсации, на которой настаивает истец, а исходит из требований разумности, справедливости и соразмерности компенсации последствиям нарушения, т.е. из основополагающих принципов, предполагающих баланс интересов, соответствие поведения участников правоотношений принятым в обществе нормам поведения.

Определяя размер подлежащей взысканию с ответчика денежной компенсации морального вреда, суды обычно принимали во внимание характер и содержание спорной публикации, способ и длительность распространения недостоверных сведений, степень их влияния на формирование негативного общественного мнения о лице, которому причинен вред, то, насколько его достоинство, социальное положение или деловая репутация при этом были затронуты, другие отрицательные для него последствия, а также в некоторых случаях и его индивидуальные особенности (например, возраст и состояние здоровья). Суды учитывали и показатель уровня жизни населения в конкретном регионе — прожиточный минимум в субъекте Российской Федерации.

Причиной уменьшения размера компенсации морального вреда по сравнению с суммами, заявленными в исковых требованиях, как правило, являлось несогласие суда с учетом принципов разумности, справедливости и соразмерности последствиям нарушения с субъективной оценкой истца степени причиненного ему вреда.

¹Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 августа 2011 г. № 58-В11-4.

Так, суд, удовлетворяя иск гражданина о признании порочащими его честь и достоинство сведений, содержащихся в опубликованной в газете авторской статье, оценивая соразмерность заявленных истцом требований о компенсации морального вреда и взыскании 500 тыс. рублей (с редакции) и 300 тыс. рублей (с автора публикации) последствиям распространения этих сведений, признал необходимым уменьшить размер подлежащей взысканию компенсации до 5 тыс. рублей и до 2500 руб. соответственно.

Снижая сумму компенсации до указанных размеров, суд принял во внимание не являющийся значительным объем тиража печатного издания, где имела место оспариваемая публикация, и пришел к выводу о том, что возмещение в размере, заявленном в иске, несоразмерно причиненному вреду.

Разрешая споры по делам рассматриваемой категории, суды принимали во внимание правовые позиции Европейского Суда по правам человека относительно того, что понимать под разумной суммой такой компенсации.

Прецедентная практика Европейского Суда по правам человека учитывает, что задача расчета размера компенсации является сложной. Она особенно трудна в деле, предметом которого является личное страдание, физическое или нравственное. Не существует стандарта, позволяющего измерить в денежных средствах боль, физическое неудобство и нравственное страдание и тоску. Национальные суды всегда должны в своих решениях приводить достаточные мотивы, оправдывающие ту или иную сумму компенсации морального вреда, присуждаемую заявителю. В противном случае отсутствие мотивов, например несоразмерно малой суммы компенсации, присужденной заявителю, будет свидетельствовать о том, что суды не рассмотрели надлежащим образом требования заявителя и не смогли действовать в соответствии с принципом адекватного и эффективного устранения нарушения¹.

В качестве цели присуждения судом компенсации Европейский Суд по правам человека рассматривает возмещение заявителю действительных неблагоприятных последствий нарушения, а не наказание ответчика. В связи с этим неправомерно удовлетворять требования о компенсации ущерба, носящие “карательный”, “отягочающий” или “предупредительный” характер. Природа морального вреда такова, что она не поддается точному исчислению. Если установлено причинение такого вреда и суд считает, что необходимо присуждение денежной компенсации, он делает оценку, исходя из принципа справедливости, с учетом стандартов, происходящих из его прецедентной практики².

19. В удовлетворении требования о возмещении убытков не может быть отказано только на том основании, что их точный размер невозможно установить. Размер подлежащих возмещению убытков в таком случае определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости, соразмерности и в целях устранения последствий допущенного нарушения.

Фирма обратилась в арбитражный суд с иском к компании о защите деловой репутации путем опровержения распространенных сведений, порочащих деловую репутацию истца, и о взыскании причиненных этим убытков.

Арбитражный суд первой инстанции, признав оспариваемые сведения порочащими деловую репутацию

истца и не соответствующими действительности, обязал ответчика их опровергнуть. В удовлетворении требования о возмещении убытков суд отказал, указав на недоказанность их заявленного размера.

Арбитражный суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Арбитражный суд округа, отменяя решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции в части отказа в удовлетворении требования о взыскании убытков и оправляя дело на новое рассмотрение, исходил из следующего.

Объективная сложность доказывания причинно-следственной связи между наличием убытков и распространением ложных и порочащих сведений, равно как и размера убытков, не должна снижать уровень правовой защищенности участников гражданского оборота при доказанности факта нарушения.

Согласно п. 5 ст. 393 ГК РФ суд не может отказать в удовлетворении требования кредитора о возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, только на том основании, что размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков, включая упущенную выгоду, определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства.

По смыслу ст.ст. 15 и 393 ГК РФ при установлении причинной связи между распространением порочащих сведений и убытками необходимо учитывать, в частности, то, к каким последствиям в обычных условиях гражданского оборота могло привести подобное нарушение.

Ответчик, опровергающий доводы истца относительно причинной связи между своим неправомерным поведением и заявленными к взысканию убытками, вправе представить доказательства существования иной причины возникновения этих убытков.

По данному делу судом первой инстанции установлено, что стороны по делу являются конкурентами на рынке производителей и продавцов продукции в сходном сегменте, распространенные ответчиком сведения порочили деловую репутацию истца и после их распространения несколько постоянных контрагентов фирмы отказались от заключения с ней новых договоров.

В подтверждение обоснованности размера неполученного дохода фирмой представлены годовой бухгалтерский баланс и документы, свидетельствующие о снижении валовой прибыли за соответствующий период после распространения указанных сведений, а также информация о выручке, возможной при обычных условиях оборота, в том числе данные о прибыли фирмы за аналогичный период времени до распространения порочащих сведений. Компания каких-либо доказательств, опровергающих доводы фирмы, не представила.

При таких обстоятельствах отказ во взыскании убытков нельзя признать обоснованным.

20. Привлечение лица к административной ответственности за оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ) не является основанием для освобождения его от обязанности денежной компенсации причиненного потерпевшему морального вреда в соответствии со ст. 151 ГК РФ.

Как разъяснено в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ “О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц”, если субъективное мнение было высказано в оскорбительной форме, унижающей честь, достоинство или деловую репутацию истца, на ответчика может быть возложена обязанность компенсации морального вреда, причиненного истцу оскорблением (ст. 130 УК РФ, ст.ст. 150, 151 ГК РФ).

¹Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 марта 2010 г. по делу “Максимов (Maksimov) против России”.

²Практическая инструкция к Регламенту Европейского Суда по правам человека “II. Представление требований о присуждении справедливой компенсации” (пп. 9, 14).

В 2011 году ст. 130 УК РФ утратила силу, а совершение такого деяния, как оскорбление, т.е. унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, было декриминализовано и в настоящее время подлежит квалификации по ст. 5.61 КоАП РФ.

Имеются случаи, когда суды неправомерно отказывают гражданам в компенсации морального вреда, причиненного оскорблением, не учитывая при этом, что действия виновного лица, привлеченного к административной ответственности, направлены на унижение личного достоинства человека, посягают на принадлежащие ему нематериальные блага, что порождает у потерпевшего право требовать в связи с этим компенсации морального вреда на основании ст. 151 ГК РФ.

Так, суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска С. к Г. о защите чести и достоинства на основании ст. 152 ГК РФ и компенсации морального вреда. Свое решение суд обосновал тем, что оскорбление нецензурной бранью не может являться распространением сведений, порочащих честь и достоинство истца, поскольку образует состав административного правонарушения в форме оскорбления, что нашло свое подтверждение в постановлении мирового судьи, согласно которому ответчик по данному делу Г. был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ (оскорбление), и подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа.

Апелляционным определением областного суда решение суда первой инстанции в части отказа в компенсации морального вреда отменено и в этой части по делу принято новое решение — об удовлетворении

указанного требования. При этом судебная коллегия исходила из того, что суд первой инстанции, обоснованно признав невозможность защиты нарушенного права в порядке ст. 152 ГК РФ, не учел, что честь и достоинство (доброе имя) гражданина — нематериальные блага, принадлежащие ему от рождения, которые он имеет право защищать (ч. 1 ст. 23 Конституции Российской Федерации). Способом защиты является в том числе и заявление требования о компенсации морального вреда, что предусмотрено ст. 12 ГК РФ.

В соответствии со ст. 151 ГК РФ суд может возложить на нарушителя обязанность компенсации морального вреда, причиненного гражданину действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага.

В связи с этим требование С. в части компенсации морального вреда подлежало удовлетворению, поскольку истец ссылался на причинение ему нравственных страданий оскорблениями со стороны ответчика, а факт оскорбления установлен судом первой инстанции и подтвержден имеющимися в деле доказательствами. Принимая решение по делу, суд апелляционной инстанции правомерно указал, что привлечение к административной ответственности само по себе не является основанием для освобождения ответчика от обязанности компенсации морального вреда, причиненного оскорблением в нецензурной форме, в порядке, предусмотренном ст. 151 ГК РФ.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
16 марта 2016 г.)*

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО СПОРАМ, СВЯЗАННЫМ С ПРОХОЖДЕНИЕМ СЛУЖБЫ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ГРАЖДАНСКИМИ СЛУЖАЩИМИ И МУНИЦИПАЛЬНЫМИ СЛУЖАЩИМИ

Верховным Судом РФ проведено изучение практики рассмотрения судами в 2013—2016 годах споров, связанных с прохождением службы государственными гражданскими и муниципальными служащими.

Государственная гражданская служба Российской Федерации (далее также — гражданская служба) согласно ст. 5 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ “О системе государственной службы Российской Федерации” и ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ “О государственной гражданской службе Российской Федерации” является видом государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях государственной гражданской службы Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов, государственных органов субъектов Российской Федерации, лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, и лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации.

Государственным гражданским служащим (далее также — гражданский служащий) в соответствии со ст. 13 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ “О государственной гражданской службе Российской Федерации” является гражданин Российской Федерации, взявший на себя обязательства по прохождению государственной гражданской службы. Гражданский служащий осуществляет профессиональную служебную деятельность на должностях государственной гражданской службы в соответствии с актом о назначении на должность и со служебным контрактом и получает денежное содержание за счет средств федерального

бюджета или бюджета субъекта Российской Федерации.

Названными федеральными законами (п. 2 ст. 2 и ст. 5 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ “О системе государственной службы Российской Федерации”, ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ “О государственной гражданской службе Российской Федерации”) предусмотрено, что государственная гражданская служба Российской Федерации подразделяется на:

федеральную государственную гражданскую службу (далее также — федеральная гражданская служба), под которой понимается профессиональная служебная деятельность граждан на должностях федеральной государственной гражданской службы по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов и лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации;

государственную гражданскую службу субъектов Российской Федерации (далее также — гражданская служба субъектов Российской Федерации), под которой понимается профессиональная служебная деятельность граждан на должностях государственной гражданской службы субъекта Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий субъекта Российской Федерации, а также полномочий государственных органов субъекта Российской Федерации и лиц, замещающих государственные должности субъекта Российской Федерации.

Должности федеральной государственной гражданской службы согласно ст. 8 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ “О государственной гражданской службе Российской Федерации” учреждаются фе-

деральным законом или указом Президента Российской Федерации, должности государственной гражданской службы субъектов Российской Федерации — законами или иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации с учетом положений данного Федерального закона в целях обеспечения исполнения полномочий государственного органа либо лица, замещающего государственную должность.

В соответствии с п. 3 ст. 8 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ “О системе государственной службы Российской Федерации” в федеральном государственном органе могут быть учреждены должности государственной службы различных видов. Пунктом 4 этой же статьи предусмотрено, что должности государственной службы распределяются по группам и (или) категориям в соответствии с федеральными законами о видах государственной службы и законами субъектов Российской Федерации о государственной гражданской службе субъектов Российской Федерации.

Согласно п. 2 Указа Президента Российской Федерации от 31 декабря 2005 г. № 1574 “О Реестре должностей Федеральной государственной гражданской службы” должности федеральной государственной гражданской службы, учреждаемые федеральными законами и указами Президента Российской Федерации, подлежат включению в Реестр должностей федеральной государственной гражданской службы, утвержденный п. 1 данного Указа. Наряду с этим п. 3 этого же Указа предусмотрено, что наименования должностей федеральной государственной гражданской службы в федеральных государственных органах или их аппаратах должны соответствовать наименованиям должностей, включенных в указанный Реестр.

Муниципальная служба в силу ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ “О муниципальной службе в Российской Федерации” представляет собой профессиональную деятельность граждан, которая осуществляется на постоянной основе на должностях муниципальной службы, замещаемых путем заключения трудового договора (контракта).

Муниципальным служащим в соответствии с ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ “О муниципальной службе в Российской Федерации” является гражданин, исполняющий в порядке, определенном муниципальными правовыми актами в соответствии с федеральными законами и законами субъекта Российской Федерации, обязанности по должности муниципальной службы за денежное содержание, выплачиваемое за счет средств местного бюджета.

Под должностью муниципальной службы понимается должность в органе местного самоуправления, аппарате избирательной комиссии муниципального образования, которые образуются в соответствии с уставом муниципального образования, с установленным кругом обязанностей по обеспечению исполнения полномочий органа местного самоуправления, избирательной комиссии муниципального образования или лица, замещающего муниципальную должность (ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ “О муниципальной службе в Российской Федерации”).

Содержание и специфика профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих на должностях государственной гражданской службы Российской Федерации, а также профессиональной деятельности муниципальных служащих на должностях муниципальной службы, характер выполняемых ими функций, предъявляемые к ним квалификационные требования и ограничения, связанные с прохождением государственной гражданской и муниципальной службы, обуславливают особый правовой статус государственных гражданских и муниципальных служащих.

Как следует из представленных на изучение материалов судебной практики, судами рассматривались дела по искам гражданских служащих к федеральным государственным органам, территориальным органам федеральных государственных органов, государственным органам субъектов Российской Федерации и их территориальным органам и по искам муниципальных служащих к органам местного самоуправления, органам местных администраций о признании незаконными прекращения служебного контракта, трудового договора (контракта) и увольнения со службы по различным основаниям; о применении дисциплинарного взыскания; о признании срочного служебного контракта, трудового договора заключенным на неопределенный срок; о признании незаконным перевода на иную должность государственной гражданской, муниципальной службы; о взыскании компенсации за неиспользованный отпуск.

Судами также рассматривались споры по искам указанных лиц и граждан, поступающих на государственную гражданскую, муниципальную службу или ранее состоявшим на такой службе, о признании незаконным (недействительным) решения конкурсной комиссии по результатам конкурса на замещение должности государственной гражданской, муниципальной службы; о возложении обязанности заключить служебный контракт о прохождении государственной гражданской службы, трудовой договор (контракт) о муниципальной службе.

Указанные категории дел подлежат разрешению судами в порядке искового производства.

Частью 7 ст. 11 ТК РФ установлено, что на государственных служащих и муниципальных служащих действуют нормы законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, распространяется с особенностями, предусмотренными федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации о государственной службе и муниципальной службе.

В соответствии со ст. 73 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ “О государственной гражданской службе Российской Федерации” федеральные законы, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, содержащие нормы трудового права, применяются к отношениям, связанным с гражданской службой, в части, не урегулированной данным Федеральным законом.

Следовательно, данной статьей предусмотрено субсидиарное применение норм трудового законодательства к отношениям, связанным с государственной гражданской службой.

На муниципальных служащих в соответствии с ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ “О муниципальной службе в Российской Федерации” распространяется действие трудового законодательства с особенностями, предусмотренными этим Федеральным законом.

При рассмотрении дел по спорам, связанным с прохождением службы государственными гражданскими и муниципальными служащими, суды руководствовались, в частности:

- Конституцией Российской Федерации;
- Трудовым кодексом РФ (далее — ТК РФ);
- Гражданским кодексом РФ (далее — ГК РФ);
- Бюджетным кодексом РФ (далее — БК РФ);
- Федеральным законом от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ “О системе государственной службы Российской Федерации”;
- Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ “О государственной гражданской службе Российской Федерации”;

— Федеральным законом от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”;

— Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”;

— Федеральным законом от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ “О муниципальной службе в Российской Федерации”;

— Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ “О противодействии коррупции”;

— Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ “О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам”;

— Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ “О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации”;

— Федеральным законом от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ “О трудовых пенсиях в Российской Федерации”;

— Законом РФ от 28 ноября 1991 г. № 1948-1 “О гражданстве Российской Федерации”;

— Законом РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 “О государственной тайне”;

— Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203 “Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне”;

— Указом Президента Российской Федерации от 1 февраля 2005 г. № 110 “О проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации”;

— Указом Президента Российской Федерации от 1 февраля 2005 г. № 111 “О порядке сдачи квалификационного экзамена государственными гражданскими служащими Российской Федерации и оценки их знаний, навыков и умений (профессионального уровня)”;

— Указом Президента Российской Федерации от 1 февраля 2005 г. № 112 “О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации”;

— Указом Президента Российской Федерации от 1 февраля 2005 г. № 113 “О порядке присвоения и сохранения классных чинов государственной гражданской службы Российской Федерации федеральным государственным гражданским служащим”;

— Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2005 г. № 1574 “О Реестре должностей Федеральной государственной гражданской службы”;

— Указом Президента Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 557 “Об утверждении перечня должностей федеральной государственной службы, при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей”;

— Указом Президента Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 559 “О предоставлении гражданам, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера”;

— Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2009 г. № 1065 “О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федераль-

ными государственными служащими требований к служебному поведению”;

— Указом Президента Российской Федерации от 1 июля 2010 г. № 821 “О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов”;

— постановлением Правительства РФ от 18 сентября 2006 г. № 573 “О предоставлении социальных гарантий гражданам, допущенным к государственной тайне на постоянной основе, и сотрудникам структурных подразделений по защите государственной тайны”;

— постановлением Правительства РФ от 6 сентября 2007 г. № 562 “Об утверждении Правил исчисления денежного содержания федеральных государственных гражданских служащих”;

— постановлением Правительства РФ от 6 февраля 2010 г. № 63 “Об утверждении Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне”;

— другими федеральными законами, указами Президента Российской Федерации, постановлениями Правительства РФ;

— нормативными правовыми актами ведомств, принятыми во исполнение указанных законов;

— законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, регулирующими отношения, связанные с государственной гражданской и муниципальной службой;

— уставами муниципальных образований и иными муниципальными правовыми актами, регулирующими отношения, связанные с муниципальной службой.

В целях обеспечения единообразного подхода к разрешению споров, связанных с прохождением службы гражданскими и муниципальными служащими, и принимая во внимание, что судами по отдельным категориям споров допускаются ошибки, для их устранения необходимо обратить внимание на следующие правовые позиции.

1. По результатам конкурса на замещение вакантной должности государственной гражданской службы представитель нанимателя должен издать акт о назначении победителя конкурса на вакантную должность государственной гражданской службы, на основе которого с ним заключается служебный контракт.

К. обратился в суд с иском к министерству сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности субъекта Российской Федерации о возложении обязанности заключить служебный контракт о прохождении государственной гражданской службы в качестве начальника отдела.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, иск К. удовлетворен.

Судом установлено, что в министерстве сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности субъекта Российской Федерации проведен конкурс на замещение вакантной должности государственной гражданской службы — должности начальника отдела указанного государственного органа, по результатам проведения которого решением конкурсной комиссии победителем был признан К. Однако по прошествии шести месяцев с момента проведения конкурса акт представителя нанимателя о назначении К. на вакантную должность гражданской службы не издан, служебный контракт с К. также не заключен.

Согласно ч. 1 ст. 23 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” служебный контракт представляет собой соглашение между представителем нанимателя и гражданином, поступающим на гражданскую службу, или гражданским служащим о прохождении гражданской служ-

бы и замещении должности гражданской службы. Служебным контрактом устанавливаются права и обязанности сторон.

Служебный контракт заключается на основе акта государственного органа о назначении на должность гражданской службы (ч. 1 ст. 26 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации”).

В соответствии с ч. 1 ст. 22 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” поступление гражданина на гражданскую службу для замещения должности гражданской службы или замещение гражданским служащим другой должности гражданской службы осуществляется по результатам конкурса (если иное не установлено данной статьей). Конкурс заключается в оценке профессионального уровня претендентов на замещение должности гражданской службы, их соответствия установленным квалификационным требованиям к должности гражданской службы.

Частью 12 этой же статьи предусмотрено, что положение о конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации, определяющее порядок и условия его проведения, утверждается указом Президента Российской Федерации.

Порядок и условия проведения конкурса на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации в федеральном государственном органе, государственном органе субъекта Российской Федерации или их аппаратах определяются Положением о конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 1 февраля 2005 г. № 112 “О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации”.

В соответствии с п. 16 названного Положения для проведения конкурса правовым актом государственного органа образуется конкурсная комиссия, действующая на постоянной основе. Состав конкурсной комиссии, сроки и порядок ее работы, а также методика проведения конкурса определяются правовым актом государственного органа.

Решение конкурсной комиссии по результатам проведения конкурса является основанием для назначения гражданина, допущенного к участию в конкурсе, на вакантную должность гражданской службы либо отказа в таком назначении (п. 21 Положения о конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации).

Пунктом 23 Положения предусмотрено, что по результатам конкурса издается акт представителя нанимателя о назначении победителя конкурса на вакантную должность гражданской службы и заключается служебный контракт с победителем конкурса.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования К., суд руководствовался приведенными положениями законодательства и с учетом установленных по делу обстоятельств пришел к правильному выводу о том, что решение конкурсной комиссии по результатам конкурса на замещение вакантной должности начальника отдела, проведенного в органе государственной власти субъекта Российской Федерации, о признании К. победителем конкурса является основанием для издания представителем нанимателя акта о назначении К. на указанную должность государственной гражданской службы и заключения с ним служебного контракта.

(По материалам судебной практики Камчатского краевого суда)

2. Заключение срочного служебного контракта с гражданским служащим, достигшим предельного возраста пребывания на государственной гражданской службе, является правом представителя нанимателя, а не его обязанностью.

Д. обратилась в суд с иском к межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы о признании незаконным приказа о расторжении служебного контракта, восстановлении на государственной гражданской службе в ранее замещаемой должности, ссылаясь на то, что с ней расторгнут служебный контракт в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 39 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” (достижение гражданским служащим предельного возраста пребывания на гражданской службе) и она имеет право на продление срока гражданской службы сверх предельного возраста пребывания на такой службе и на заключение в связи с этим срочного служебного контракта на срок от одного года до пяти лет.

Согласно ч. 1 ст. 25¹ Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” гражданскому служащему, достигшему установленного данной нормой предельного возраста пребывания на гражданской службе, который составляет 60 лет, срок гражданской службы с его согласия может быть продлен по решению представителя нанимателя, но не свыше чем до достижения им возраста 65 лет, а гражданскому служащему, замещающему должность гражданской службы категории “помощники (советники)”, учрежденную для содействия лицу, замещающему государственную должность, — до окончания срока полномочий указанного лица. Федеральному гражданскому служащему, достигшему предельного возраста пребывания на гражданской службе, замещающему должность гражданской службы категории “руководители” высшей группы должностей гражданской службы, срок гражданской службы с его согласия может быть продлен по решению Президента Российской Федерации, но не свыше чем до достижения им возраста 70 лет.

Разрешая спор, суд установил, что на момент расторжения служебного контракта Д. достигла предельного возраста пребывания на государственной гражданской службе.

Отказывая в удовлетворении исковых требований Д. к межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы, суд правомерно исходил из того, что заключение срочного служебного контракта с гражданским служащим, достигшим предельного возраста пребывания на государственной гражданской службе, в силу ч. 1 ст. 25¹ Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” является правом, а не обязанностью. Следовательно, ответчик правомерно прекратил служебный контракт с Д. в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 39 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации”.

(По материалам судебной практики Санкт-Петербургского городского суда)

3. Срочный служебный контракт о замещении должности государственной гражданской службы, учрежденной для содействия руководителю государственного органа в реализации его полномочий, расторгается по истечении срока его действия, ограниченного сроком полномочий указанного руководителя.

С. обратился в суд с иском к министерству юстиции субъекта Российской Федерации о восстановлении на государственной гражданской службе. В обоснование иска С. ссылаясь на неправомерность расторжения заключенного с ним срочного служебного контракта по истечении срока его действия в период от-

сутствия С. на службе в связи с временной нетрудоспособностью.

При рассмотрении дела судом установлено, что С. проходил государственную гражданскую службу по должности помощника министра юстиции субъекта Российской Федерации. Срок действия служебного контракта, заключенного с истцом, был ограничен сроком полномочий указанного руководителя государственного органа.

В связи с изданием главой субъекта Российской Федерации акта об освобождении от должности министра юстиции субъекта Российской Федерации с С. расторгнут служебный контракт по п. 2 ч. 1 ст. 33 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” в связи с истечением срока действия срочного служебного контракта.

Разрешая спор и отказывая удовлетворении исковых требований С., суд исходил из следующего.

В соответствии с ч. 3 ст. 25 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” срочный служебный контракт заключается в случаях, когда отношения, связанные с гражданской службой, не могут быть установлены на неопределенный срок с учетом категории замещаемой должности гражданской службы или условий прохождения гражданской службы, если иное не предусмотрено данным Федеральным законом и другими федеральными законами.

Пунктом 1 ч. 4 ст. 25 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” предусмотрено заключение срочного служебного контракта в случае замещения должностей гражданской службы категории “помощники (советники)”.

Пунктом 2 ч. 2 ст. 9 названного Федерального закона закреплено, что такие должности учреждаются для содействия лицам, замещающим государственные должности, руководителям государственных органов, руководителям территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и руководителям представительств государственных органов в реализации их полномочий и замещаются на определенный срок, ограниченный сроком полномочий указанных лиц или руководителей.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 33 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” одним из общих оснований прекращения служебного контракта, освобождения от замещаемой должности гражданской службы и увольнения с гражданской службы является истечение срока действия срочного служебного контракта.

В соответствии с ч. 1 ст. 35 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” срочный служебный контракт расторгается по истечении срока его действия, о чем гражданский служащий должен быть предупрежден в письменной форме не позднее чем за семь дней до дня освобождения от замещаемой должности гражданской службы и увольнения с гражданской службы, если иное не установлено данным Федеральным законом.

Срочный служебный контракт о замещении государственной гражданской должности, относящейся к категории “помощники (советники)”, учрежденной для содействия лицам или руководителям, указанным в п. 2 ч. 2 ст. 9 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации”, расторгается по истечении срока его действия, ограниченного сроком их полномочий.

Отказывая в удовлетворении заявленных истцом требований, суд правомерно исходил из того, что служебный контракт, заключенный с С. на срок полномочий министра юстиции субъекта Российской Федерации, в связи с освобождением последнего от должности подлежит прекращению по п. 2 ч. 1 ст. 33 указанного

го Федерального закона (истечение срока действия срочного служебного контракта).

Суд пришел к правильному выводу о том, что поскольку расторжение срочного служебного контракта по истечении срока его действия не отнесено к числу оснований расторжения служебного контракта по инициативе представителя нанимателя, указанных в ч. 1 ст. 37 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации”, то положения ч. 3 названной статьи, в силу которой гражданский служащий не может быть освобожден от замещаемой должности государственной гражданской службы и уволен с гражданской службы по инициативе представителя нанимателя в период его пребывания в отпуске и в период его отсутствия на службе в связи с временной нетрудоспособностью (с учетом сроков, указанных в данной норме), не подлежат применению.

(По материалам судебной практики Верховного Суда Республики Татарстан)

4. Расторжение срочного служебного контракта, заключенного на период замещения отсутствующего гражданского служащего, за которым сохраняется должность государственной гражданской службы (ч. 3 ст. 35 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации”), является правомерным при условии выхода на службу этого гражданского служащего.

М. обратилась в суд с иском к департаменту внешнеэкономических и международных связей субъекта Российской Федерации о признании незаконным увольнения, восстановлении на государственной гражданской службе.

В обоснование иска М. указывала, что незаконно освобождена от замещаемой должности государственной гражданской службы субъекта Российской Федерации в указанном государственном органе и уволена с гражданской службы в связи с истечением срока действия срочного служебного контракта.

Решением суда первой инстанции М. отказано в удовлетворении требований. Суд исходил из того, что у ответчика имелись основания для увольнения М. с государственной гражданской службы в связи с истечением срока действия срочного служебного контракта, заключенного на период замещения отсутствующего гражданского служащего И., находившейся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет. Суд полагал, что имел место выход на службу И., за которой сохранялась должность гражданской службы.

Суд апелляционной инстанции не согласился с данными выводами суда первой инстанции. Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об удовлетворении исковых требований М., суд апелляционной инстанции указал на несоответствие выводов суда первой инстанции, изложенных в решении, обстоятельствам дела и на неправильное применение судом первой инстанции норм материального права по следующим основаниям.

В силу п. 2 ч. 1 ст. 33 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” одним из общих оснований прекращения служебного контракта, освобождения от замещаемой должности гражданской службы и увольнения с гражданской службы является истечение срока действия срочного служебного контракта (ст. 35 данного Федерального закона).

Согласно ч. 3 ст. 25 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” срочный служебный контракт заключается в случаях, когда отношения, связанные с гражданской службой, не могут быть установлены на неопределенный срок с учетом категории замещаемой должности гражданской службы или условий прохождения граж-

данской службы, если иное не предусмотрено данным Федеральным законом и другими федеральными законами.

Пунктом 2 ч. 4 этой же статьи определено, что срочный служебный контракт заключается в случае замещения должности гражданской службы на период отсутствия гражданского служащего, за которым в соответствии с названным Федеральным законом и другими федеральными законами сохраняется должность гражданской службы.

В соответствии с ч. 3 ст. 35 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” срочный служебный контракт, заключенный на период замещения отсутствующего гражданского служащего, за которым в соответствии с данным Федеральным законом сохраняется должность гражданской службы, расторгается с выходом этого гражданского служащего на службу, гражданский служащий, замещавший указанную должность, освобождается от замещающей должности гражданской службы и увольняется с гражданской службы.

Условием прекращения служебного контракта, освобождения от замещающей должности государственной гражданской службы и увольнения с гражданской службы в предусмотренном ч. 3 ст. 35 названного Федерального закона случае является выход на службу гражданского служащего, на период замещения которого заключен срочный служебный контракт.

Срочный служебный контракт с М. был заключен на период отсутствия гражданского служащего И., находящейся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет.

21 августа 2014 г. И. обратилась к представителю нанимателя с заявлением о прерывании отпуска по уходу за ребенком с 8 августа 2014 г. В этот же день представителем нанимателя был издан приказ, согласно которому И. надлежит считать приступившей к исполнению должностных обязанностей с 8 августа 2014 г. Также 21 августа 2014 г. И. обратилась к представителю нанимателя с заявлением о предоставлении отпуска по беременности и родам с 8 августа 2014 г.

Учитывая, что И. отпуск по уходу за ребенком прерван с 8 августа 2014 г. и с этого же дня предоставлен отпуск по беременности и родам, причем совершение юридически значимых действий (обращение гражданского служащего с соответствующими заявлениями) осуществлено позднее календарной даты, указанной как дата выхода на службу, суд апелляционной инстанции пришел к правильному выводу о том, что И. фактически на службу не выходила и, следовательно, отсутствуют основания прекращения служебного контракта с М., освобождения ее от замещающей должности государственной гражданской службы и увольнения М. с гражданской службы в связи с истечением срока действия срочного служебного контракта.

(По материалам судебной практики Московского городского суда)

5. Гражданский служащий, замещающий должность государственной гражданской службы категории “руководители”, может быть уволен с гражданской службы за однократное грубое нарушение своих должностных обязанностей при условии, что допущенный им проступок повлек за собой причинение вреда государственному органу и (или) нарушение законодательства Российской Федерации.

Н. обратился в суд с иском к территориальному органу Федерального казначейства о признании незаконными заключения служебной проверки и приказа об освобождении от замещающей должности, восстановлении в ранее замещаемой должности государственной гражданской службы.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований Н., суд указал следующее.

Н., замещавший должность начальника отдела информационных систем указанного государственного органа, 23 мая 2013 г. освобожден от замещаемой должности и уволен с государственной гражданской службы по п. 6 ч. 1 ст. 37 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации”.

Пунктом 6 ч. 1 ст. 37 названного Федерального закона предусмотрено, что служебный контракт может быть расторгнут представителем нанимателя, а гражданский служащий освобожден от замещаемой должности гражданской службы и уволен с гражданской службы в случае однократного грубого нарушения гражданским служащим, замещающим должность гражданской службы категории “руководители”, своих должностных обязанностей, повлекшего за собой причинение вреда государственному органу и (или) нарушение законодательства Российской Федерации.

Согласно п. 5 ч. 1 ст. 57 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” увольнение с гражданской службы по основанию, установленному п. 6 ч. 1 ст. 37 данного Федерального закона, является дисциплинарным взысканием.

В соответствии с ч. 2 ст. 58 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” перед применением дисциплинарного взыскания проводится служебная проверка. Порядок проведения служебной проверки в отношении государственных служащих установлен ст. 59 данного Федерального закона.

По результатам проведения служебной проверки установлено ненадлежащее исполнение Н. по его вине возложенных на него служебных обязанностей, выразившееся, в частности, в недостаточном принятии мер по оперативному решению проблем, возникших в работе системы электронного документооборота, а также по обеспечению эксплуатации прикладных информационных систем и администрированию прикладного программного обеспечения и технических средств информационно-технической инфраструктуры территориального органа Федерального казначейства, что повлекло причинение вреда данному территориальному органу, выразившегося в дезорганизации его информационного взаимодействия с внешними абонентами — получателями средств бюджетов. Служебная проверка также показала, что в результате дисциплинарного проступка Н. причинен вред Российской Федерации и субъекту Российской Федерации в виде увеличения за период с февраля по апрель 2013 г. суммы не поступивших в бюджеты соответствующих уровней перечисляемых доходов до 105 млн. рублей.

Суд, исходя из приведенных выше положений Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации”, пришел к правильному выводу о наличии у ответчика основания для применения к Н. дисциплинарного взыскания в виде увольнения с государственной гражданской службы по п. 6 ч. 1 ст. 37 данного Федерального закона и о соблюдении установленного порядка увольнения с гражданской службы по данному основанию.

(По материалам судебной практики Верховного Суда Республики Северная Осетия — Алания)

6. Предоставление гражданским служащим представителю нанимателя подложных документов или заведомо ложных сведений при заключении служебного контракта является основанием расторжения представителем нанимателя служебного контракта, освобождения гражданского служащего от замещающей должности гражданской службы и его увольнения с гражданской службы. Уволь-

нение с государственной гражданской службы по указанному основанию не является дисциплинарным взысканием и поэтому не требует соблюдения установленного порядка применения дисциплинарного взыскания.

К. обратился в суд с иском о признании незаконным приказа о расторжении с ним служебного контракта и увольнении с гражданской службы по п. 7 ч. 1 ст. 37 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” (предоставление представителю нанимателя подложных документов или заведомо ложных сведений при заключении служебного контракта), восстановлении в прежней должности.

В обоснование исковых требований истец указал, что никакими ложными сведениями о себе он представителю нанимателя не сообщал, подложных документов не представлял.

В удовлетворении исковых требований К. решением суда первой инстанции отказано. Судом установлено, что К. проходил государственную гражданскую службу в Министерстве энергетики Российской Федерации (Минэнерго России). При поступлении на гражданскую службу К. была заполнена анкета, в которой истец указал гражданство Российской Федерации.

В ходе проверочных мероприятий, проводившихся в связи с оформлением К. допуска к государственной тайне, выявлено наличие у истца гражданства Республики Туркменистан, о котором он не сообщил при поступлении на гражданскую службу.

Результаты проведенных в отношении К. проверок явились основанием издания приказа о расторжении с истцом служебного контракта и его увольнения с государственной гражданской службы по п. 7 ч. 1 ст. 37 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации”.

Разрешая спор, суд, сославшись на нормы законодательства о гражданстве Российской Федерации и о гражданстве Туркменистана, пришел к выводу о том, что у К. имелось гражданство Туркменистана, о наличии которого ему было известно.

Апелляционным определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ решение суда первой инстанции оставлено без изменения в связи со следующим.

В соответствии с требованиями ч. 2 ст. 26 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” гражданин, поступающий на гражданскую службу, при заключении служебного контракта предъявляет представителю нанимателя в числе других документов собственноручно заполненную и подписанную анкету, форма которой утверждена распоряжением Правительства РФ от 26 мая 2005 г. № 667-р. В графе 4 данной анкеты предусмотрено указание сведений о гражданстве, а также об изменении гражданства с указанием причины и даты изменения гражданства, если оно было изменено, и о наличии гражданства другого государства, если таковое имеется.

В силу п. 8 ч. 1 ст. 16 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” гражданин не может быть принят на гражданскую службу, а гражданский служащий не может находиться на гражданской службе в случае представления подложных документов или заведомо ложных сведений при поступлении на гражданскую службу.

Согласно п. 7 ч. 1 ст. 37 указанного Федерального закона служебный контракт может быть расторгнут представителем нанимателя, а гражданский служащий освобожден от замещаемой должности гражданской службы и уволен с гражданской службы в случае предоставления гражданским служащим представителю нанимателя подложных документов или заведомо ложных сведений при заключении служебного контракта.

Статья 13 Закона РФ от 28 ноября 1991 г. № 1948-I “О гражданстве Российской Федерации”, действовавшая с 6 февраля 1992 г. до 1 июля 2002 г., предусматривала, что гражданами Российской Федерации признаются все граждане бывшего СССР, постоянно проживающие на территории Российской Федерации на день вступления в силу настоящего Закона, если в течение одного года после этого дня они не заявят о своем нежелании состоять в гражданстве Российской Федерации. Лица, родившиеся 30 декабря 1922 г. и позднее и утратившие гражданство бывшего СССР, считаются состоявшими в гражданстве Российской Федерации по рождению, если родились на территории Российской Федерации или если хотя бы один из родителей на момент рождения ребенка был гражданином СССР и постоянно проживал на территории Российской Федерации. Под территорией Российской Федерации в данном случае понимается территория Российской Федерации по состоянию на дату их рождения.

Согласно положениям ст. 49 ранее действовавшего Закона Туркменистана от 30 сентября 1992 г. № 740-XII “О гражданстве Туркменистана” все граждане бывшего СССР, постоянно проживающие на территории Туркменистана ко времени вступления в силу данного Закона, признаются гражданами Туркменистана, если они письменно не откажутся от гражданства Туркменистана.

Из приведенных норм следует, что граждане бывшего СССР признавались гражданами Российской Федерации, если они на 6 февраля 1992 г. проживали на территории Российской Федерации и не заявили о нежелании состоять в гражданстве Российской Федерации. Гражданами Российской Федерации признавались также лица, утратившие гражданство бывшего СССР, если они родились на территории Российской Федерации или если хотя бы один из родителей на момент их рождения был гражданином СССР и постоянно проживал на территории Российской Федерации. В случае, если граждане бывшего СССР проживали на территории Туркменистана на момент вступления в силу Закона Туркменистана от 30 сентября 1992 г. и письменно не отказались от гражданства Туркменистана, то они признавались гражданами Туркменистана.

Судом установлено, что К., родившийся в 1979 году в Туркменской ССР, на день вступления в силу Закона Туркменистана от 30 сентября 1992 г. № 740-XII “О гражданстве Туркменистана” являлся несовершеннолетним и постоянно проживал на территории Туркменистана. Данных о том, что родители, действуя в его интересах, отказались от гражданства Туркменистана, он суду не представил. Таким образом, К. в силу положений закона о гражданстве Туркменистана являлся гражданином Туркменистана.

В 1998 году он обратился в посольство Российской Федерации в Туркменистане за получением гражданства Российской Федерации, указав в опросном листе, что является гражданином Туркменистана.

Таким образом, как правильно указал суд, К. было известно об имевшемся у него гражданстве Туркменистана. Из материалов дела следует, что гражданство Туркменистана он утратил на основании Указа Президента Туркменистана от 22 апреля 2003 г. “Об урегулировании вопросов прекращения действия двойного гражданства между Туркменистаном и Российской Федерацией”, поскольку с 2001 года проживал на территории Российской Федерации и не сообщил в течение установленного этим указом срока о выборе гражданства Туркменистана.

При таких обстоятельствах суд пришел к обоснованному выводу о том, что при поступлении на государственную службу в Минэнерго России К. сообщил недостоверные сведения о своем гражданстве, зная об их ложности, в связи с чем у ответчика имелись преду-

смотренные законом основания для расторжения с ним служебного контракта и увольнения по п. 7 ч. 1 ст. 37 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации”.

Доводы К. о нарушении ответчиком порядка увольнения правомерно отклонены судом ввиду того, что увольнение истца по указанному в приказе основанию не является дисциплинарным взысканием, поскольку не названо в ч. 1 ст. 57 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации”, содержащей перечень дисциплинарных взысканий, и поэтому не требует соблюдения установленного порядка его применения.

(По материалам апелляционной практики Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ)

7. Нарушение гражданским служащим предусмотренных служебным контрактом обязательств, связанных с защитой государственной тайны, может являться основанием прекращения гражданскому служащему допуска к государственной тайне и последующего увольнения с государственной гражданской службы по п. 8 ч. 1 ст. 37 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации”.

К. обратился в суд с иском к исполнительному органу государственной власти субъекта Российской Федерации, высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации о признании незаконными распоряжения о прекращении допуска к государственной тайне, приказа и распоряжения об увольнении.

В обоснование исковых требований К. ссылался на то, что был освобожден от замещаемой должности государственной гражданской службы субъекта Российской Федерации в указанном государственном органе и уволен с гражданской службы на основании п. 8 ч. 1 ст. 37 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” в связи с прекращением допуска к сведениям, составляющим государственную тайну. Истец полагал, что оснований для прекращения ему допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, не имелось.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, в удовлетворении исковых требований К. отказано.

В соответствии с п. 8 ч. 1 ст. 37 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” служебный контракт может быть расторгнут представителем нанимателя, а гражданский служащий освобожден от замещаемой должности гражданской службы и уволен с гражданской службы, в том числе в случае прекращения допуска гражданского служащего к сведениям, составляющим государственную тайну, если исполнение должностных обязанностей требует допуска к таким сведениям.

Согласно ст. 23 Закона РФ “О государственной тайне” допуск должностного лица или гражданина к государственной тайне может быть прекращен по решению руководителя органа государственной власти, предприятия, учреждения или организации, в частности в случае однократного нарушения им взятых на себя предусмотренных трудовым договором (контрактом) обязательств, связанных с защитой государственной тайны.

Во исполнение Закона РФ “О государственной тайне” постановлением Правительства РФ от 6 февраля 2010 г. № 63 утверждена Инструкция о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне, в соответствии с п. 15 которой допуск гражданина к государственной тайне может быть прекращен по решению должностного лица, принявшего решение о его допуске к государственной тайне, в случае расторжения с ним трудового

договора (контракта) в связи с проведением организационных и (или) штатных мероприятий, однократного нарушения им обязательств, связанных с защитой государственной тайны, возникновения обстоятельств, являющихся в соответствии с п. 12 данной Инструкции основанием для отказа гражданину в допуске к государственной тайне.

Пунктом 19 названной Инструкции предусмотрено, что перечень должностей, при назначении на которые гражданам оформляется допуск к государственной тайне, определяется номенклатурой должностей работников, подлежащих оформлению на допуск к государственной тайне.

Судом установлено, что в соответствии с должностным регламентом К. в его должностные обязанности входила обязанность обеспечивать выполнение требований режима секретности и защиты сведений, составляющих государственную тайну. Должность государственной гражданской службы, замещаемая К., была включена в соответствующую номенклатуру должностей работников исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, подлежащих оформлению на допуск к государственной тайне.

Судом также установлено, что при назначении на должность К. был оформлен допуск к государственной тайне, в связи с чем с ним проведен инструктаж по порядку работы со сведениями, составляющими государственную тайну, он ознакомлен под роспись с обязанностями, связанными с выездом за границу Российской Федерации. Кроме того, истцом подписаны обязательства о соблюдении требований законодательства Российской Федерации о государственной тайне, которые являются приложениями к служебному контракту, а также он был предупрежден о том, что в случае даже однократного нарушения взятых на себя обязательств защиты государственной тайны его допуск к государственной тайне может быть прекращен.

Заключением служебной проверки, проведенной на основании уведомления территориального органа безопасности о нарушении К. порядка выезда за пределы Российской Федерации, установлено, что К. неоднократно выезжал за пределы Российской Федерации, о чем не сообщал в заявлениях на предоставление отпуска или не указывал место его проведения. Тем самым К. допущено нарушение установленной актами законодательства, принятыми во исполнение Закона РФ “О государственной тайне”, обязанности лиц, имеющих допуск к сведениям, составляющим государственную тайну, согласовывать с руководителем, принявшим решение о допуске работника к государственной тайне, выезд за границу.

Распоряжением представителя нанимателя К. прекращен допуск к сведениям, составляющим государственную тайну, что повлекло освобождение К. от замещаемой должности государственной гражданской службы и его увольнение с гражданской службы по п. 8 ч. 1 ст. 37 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации”.

Проверяя законность обжалуемых истцом распоряжения о прекращении допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, приказа и распоряжения об увольнении с государственной гражданской службы, суд пришел к выводу о том, что приведенные в заключении служебной проверки допущенные истцом нарушения ограничений, предусмотренных законодательством, регулирующим отношения, связанные с защитой государственной тайны, подтверждены исследованными в судебном заседании доказательствами и поэтому являются правомерным основанием для прекращения истцу допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, и последующего увольнения со службы.

(По материалам апелляционной практики Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ)

8. Отсутствие со стороны руководителя государственного органа, на которого возложена ответственность за организацию защиты сведений, составляющих государственную тайну, надлежащего контроля за выполнением подчиненными сотрудниками принятых на себя обязательств по соблюдению требований законодательства о защите государственной тайны может являться основанием для прекращения его допуска к государственной тайне.

П. обратилась в суд с иском к федеральному органу исполнительной власти о признании незаконным решения руководителя указанного органа о прекращении допуска к государственной тайне, восстановлении допуска к государственной тайне.

В обоснование исковых требований П. указала, что решение о прекращении ей допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, является незаконным, поскольку нарушения принятых на себя в соответствии с условиями служебного контракта обязательств, связанных с защитой государственной тайны, ею допущено не было.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, в удовлетворении исковых требований П. отказано.

Согласно пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 15 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” гражданский служащий обязан соблюдать Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, конституции (уставы), законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации и обеспечивать их исполнение; исполнять должностные обязанности в соответствии с должностным регламентом.

Частью 4 ст. 20 Закона РФ “О государственной тайне” предусмотрено, что ответственность за организацию защиты сведений, составляющих государственную тайну, в органах государственной власти, на предприятиях, в учреждениях и организациях возлагается на их руководителей.

В соответствии со ст. 23 Закона РФ “О государственной тайне” допуск должностного лица или гражданина к государственной тайне может быть прекращен по решению руководителя органа государственной власти, предприятия, учреждения или организации в случаях, названных в данной норме, в частности при однократном нарушении им взятых на себя предусмотренных трудовым договором (контрактом) обязательств, связанных с защитой государственной тайны. Прекращение допуска должностного лица или гражданина к государственной тайне является дополнительным основанием для расторжения с ним трудового договора (контракта), если такие условия предусмотрены в трудовом договоре (контракте).

Согласно подп. “б” п. 15 Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне допуск гражданина к государственной тайне может быть прекращен по решению должностного лица, принявшего решение о его допуске к государственной тайне, в случае однократного нарушения им обязательств, связанных с защитой государственной тайны.

Судом установлено, что П. проходила федеральную государственную гражданскую службу в федеральном органе исполнительной власти в должности начальника его территориального органа. В соответствии с условиями служебного контракта П. был оформлен допуск к сведениям, составляющим государственную тайну. Судом также установлено, что П. приняла на себя обязательства соблюдать требования законодательства Российской Федерации о государственной тайне, требования нормативно-правовых актов по

обеспечению режима секретности и предупреждена о том, что в случае даже однократного нарушения принятых на себя обязательств, а также при возникновении обстоятельств, являющихся основанием для отказа в допуске к государственной тайне, ее допуск к государственной тайне может быть прекращен и она будет отстранена от работы со сведениями, составляющими государственную тайну, а трудовой договор (контракт) с ней может быть расторгнут.

Заключением по результатам проверки организации обеспечения защиты государственной тайны в указанном территориальном органе федерального органа исполнительной власти установлены факты, свидетельствующие о том, что при осуществлении служебной деятельности в указанном территориальном органе сотрудниками, находившимися в подчинении руководителя этого органа П., допускались нарушения при обеспечении защиты государственной тайны, грубые нарушения требований режима секретности, в связи с чем служебная деятельность данного территориального органа по линии обеспечения защиты государственной тайны была признана неудовлетворительной.

Решением руководителя федерального органа исполнительной власти П. был прекращен допуск к сведениям, составляющим государственную тайну, и его же приказом П. освобождена от замещаемой должности и уволена с гражданской службы по п. 8 ч. 1 ст. 37 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации”.

Разрешая спор, суд пришел к выводу о том, что П., являясь лицом, допущенным к государственной тайне, приняв на себя обязательства, связанные с наличием допуска к секретным сведениям, допустила нарушение взятых на себя предусмотренных контрактом обязательств, связанных с защитой государственной тайны, выразившееся в отсутствии контроля за деятельностью подчиненных сотрудников, не соблюдавших установленные требования по защите государственной тайны, что являлось правомерным основанием для лишения П. ответчиком допуска к сведениям, составляющим государственную тайну.

Приведенный вывод суда первой инстанции соответствует требованиям Закона РФ “О государственной тайне”, Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне, а также должностному регламенту начальника (руководителя) территориального органа федерального органа исполнительной власти, утвержденному руководителем федерального органа исполнительной власти, согласно которому начальник территориального органа осуществляет руководство деятельностью территориального органа, несет персональную ответственность за ненадлежащее выполнение возложенных на территориальный орган задач и функций, реализацию предоставленных прав.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ нашла также обоснованными выводы суда первой инстанции о наличии вины П. во вменяемом ей нарушении, послужившем основанием для принятия решения о прекращении допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, поскольку она, являясь руководителем территориального органа федерального органа исполнительной власти, наделенным соответствующими контрольно-распорядительными полномочиями, обязана по контролю за соблюдением подчиненными сотрудниками действующего законодательства о защите государственной тайны не выполняла, что послужило предпосылкой для создания угрозы разглашения составляющих государственную тайну сведений.

(По материалам апелляционной практики Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ)

9. В случае прекращения допуска гражданского служащего к сведениям, составляющим государственную тайну, если исполнение должностных обязанностей требует допуска к таким сведениям, служебный контракт с ним может быть расторгнут представителем нанимателя, а гражданский служащий освобожден от замещаемой должности гражданской службы и уволен с гражданской службы. При этом закон не требует от представителя нанимателя предлагать гражданскому служащему иные должности гражданской службы.

Б. обратился в суд с иском к Федеральной налоговой службе, территориальному органу Федеральной налоговой службы о признании незаконными заключения служебной проверки, приказа о расторжении служебного контракта и увольнения с государственной гражданской службы. В обоснование своих требований Б. указал, что с ним расторгнут служебный контракт, он освобожден от замещаемой должности гражданской службы и уволен со службы по п. 8 ч. 1 ст. 37 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (прекращение допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, если исполнение должностных обязанностей требует допуска к таким сведениям). Б. полагал, что при его увольнении нарушен порядок проведения служебной проверки. Кроме того, Б. не были предложены иные должности гражданской службы, что, по его мнению, требуется при увольнении по данному основанию.

Решением суда исковые требования Б. удовлетворены, признаны незаконными заключение служебной проверки в отношении Б. и приказ о расторжении с ним служебного контракта и об увольнении с гражданской службы.

При рассмотрении дела суд пришел к выводу о том, что увольнение истца фактически явилось мерой юридической ответственности за нарушение законодательства в области защиты государственной тайны. Служебная проверка в отношении истца проведена с нарушением закона, так как имела место в период нахождения его в отпуске, от Б. не было истребовано объяснение, факт совершения истцом дисциплинарного проступка не установлен.

Определением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении иска Б. отказано. При этом суд исходил из следующего.

В соответствии с п. 8 ч. 1 ст. 37 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» служебный контракт может быть расторгнут представителем нанимателя, а гражданский служащий освобожден от замещаемой должности гражданской службы и уволен с гражданской службы в случае прекращения допуска гражданского служащего к сведениям, составляющим государственную тайну, если исполнение должностных обязанностей требует допуска к таким сведениям.

Таким образом, при рассмотрении иска о восстановлении на гражданской службе лица, служебный контракт с которым расторгнут по указанному выше основанию, обстоятельствами, имеющими значение для правильного разрешения дела и подлежащими установлению, являются, в частности, прекращение допуска гражданского служащего к сведениям, составляющим государственную тайну, установление того факта, что исполнение должностных обязанностей уволенного гражданского служащего требует допуска к таким сведениям, а также соблюдение установленного порядка увольнения.

Из служебного контракта, заключенного с Б., следует, что истец принял на себя добровольные обязательства, связанные с оформлением допуска к государственной тайне, на условиях, предусмотренных законодательством Российской Федерации по защите государст-

венной тайны. Истец был предупрежден о том, что в случае однократного нарушения взятых на себя обязательств, связанных с защитой государственной тайны, а равно возникновения обстоятельств, являющихся согласно ст. 22 Закона РФ «О государственной тайне» основанием для отказа в допуске к государственной тайне, его допуск к государственной тайне может быть прекращен и служебный контракт расторгнут.

Из п. 19 Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне следует, что перечень должностей, при назначении на которые гражданам оформляется допуск к государственной тайне, определяется номенклатурой должностей работников, подлежащих оформлению на допуск к государственной тайне, утверждаемой в установленном данной инструкцией порядке.

Судом установлено, что должность государственной гражданской службы, замещаемая Б., в такую номенклатуру включена.

Основанием освобождения Б. от замещаемой должности гражданской службы явилось прекращение допуска истца к сведениям, составляющим государственную тайну.

Согласно ч. 1 ст. 23 Закона РФ «О государственной тайне» допуск должностного лица или гражданина к государственной тайне может быть прекращен по решению руководителя органа государственной власти, предприятия, учреждения или организации, в частности в случае однократного нарушения им взятых на себя предусмотренных трудовым договором (контрактом) обязательств, связанных с защитой государственной тайны.

Так как исполнение должностных обязанностей по замещаемой Б. должности государственной гражданской службы требовало допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, а такой допуск в отношении истца был прекращен, служебный контракт с Б. обоснованно расторгнут по п. 8 ч. 1 ст. 37 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Расторжение служебного контракта по п. 8 ч. 1 ст. 37 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» производится в связи с объективной невозможностью выполнения гражданским служащим возложенных на него служебных обязанностей, вызванной прекращением действия необходимого для замещения соответствующей должности условия — допуска к сведениям, составляющим государственную тайну.

В соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 57 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» за совершение дисциплинарного проступка, т.е. за неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданским служащим по его вине возложенных на него служебных обязанностей, представитель нанимателя имеет право применить дисциплинарное взыскание, в частности, в виде увольнения с гражданской службы по основаниям, установленным п. 2, подп. «а» — «г» п. 3, пп. 5 и 6 ч. 1 ст. 37 данного Федерального закона.

Таким образом, увольнение по п. 8 ч. 1 ст. 37 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» дисциплинарным взысканием не является и поэтому не требует соблюдения установленного порядка применения дисциплинарного взыскания.

Согласно ч. 2 ст. 37 указанного Закона допускается увольнение с гражданской службы по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 1 данной статьи (несоответствие гражданского служащего замещаемой должности гражданской службы по состоянию здоровья в соответствии с медицинским заключением или вследствие недостаточной квалификации, подтвержденной результатами аттестации), если невозможно перевести граж-

данского служащего с его согласия на иную должность гражданской службы. В отношении увольнения с гражданской службы по п. 8 ч. 1 ст. 37 Федерального закона "О государственной гражданской службе Российской Федерации" такие требования не установлены.

Позицию суда апелляционной инстанции следует считать правильной.

(По материалам судебной практики Верховного Суда Республики Калмыкия)

10. Трудовой договор с муниципальным служащим в случае прекращения ему допуска к государственной тайне, если выполняемая работа требует такого допуска (п. 10 ч. 1 ст. 83 ТК РФ), подлежит прекращению при невозможности перевода работника с его письменного согласия на другую имеющуюся у работодателя работу (как вакантную должность или работу, соответствующую его квалификации, так и вакантную нижестоящую должность или нижеоплачиваемую работу), которую муниципальный служащий может выполнять с учетом его состояния здоровья.

С. обратилась в суд с иском к администрации муниципального района о признании незаконными и отмене распоряжений о прекращении допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, и об увольнении, а также о восстановлении ее в прежней должности.

В обоснование требований С. ссылалась на то, что проходила муниципальную службу в администрации муниципального района. Распоряжениями администрации муниципального района С. прекращен доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, в связи с ее выездом за пределы Российской Федерации с нарушением положений актов законодательства, регулирующих отношения, связанные с защитой государственной тайны, и она уволена по п. 10 ч. 1 ст. 83 ТК РФ (прекращение допуска к государственной тайне, если выполняемая работа требует такого допуска).

По мнению С., оснований для прекращения ей допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, не имелось. Кроме того, работодателем нарушена процедура увольнения, так как ей не были предложены все имеющиеся вакантные должности.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, исковые требования С. удовлетворены в части восстановления в прежней должности в администрации муниципального района. В остальной части иска отказано.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" гражданин Российской Федерации не может быть ограничен в праве на выезд из Российской Федерации иначе как по основаниям и в порядке, предусмотренным этим Федеральным законом.

В соответствии с подп. 1 ст. 15 названного Закона право гражданина Российской Федерации на выезд из Российской Федерации может быть временно ограничено в случае, если он при допуске к сведениям особой важности или совершенно секретным сведениям, отнесенным к государственной тайне в соответствии с Законом Российской Федерации о государственной тайне, заключил трудовой договор (контракт), предполагающий временное ограничение права на выезд из Российской Федерации.

Статьей 23 Закона РФ "О государственной тайне" предусмотрено, что доступ должностного лица или гражданина к государственной тайне может быть прекращен по решению руководителя органа государственной власти, предприятия, учреждения или организации, в частности в случае однократного нарушения

им взятых на себя предусмотренных трудовым договором (контрактом) обязательств, связанных с защитой государственной тайны.

Пунктом 19 Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне, утвержденной во исполнение Закона Российской Федерации "О государственной тайне", определено, что перечень должностей, при назначении на которые гражданам оформляется доступ к государственной тайне, определяется номенклатурой должностей работников, подлежащих оформлению на доступ к государственной тайне.

Обязанности лиц, имеющих доступ к государственной тайне, связанные с выездом за границу, установлены принятыми во исполнение Закона Российской Федерации "О государственной тайне" актами законодательства, регулирующего отношения, связанные с защитой государственной тайны.

На основании ч. 7 ст. 11 ТК РФ на государственных гражданских служащих и муниципальных служащих действие трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, распространяется с особенностями, предусмотренными федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации о государственной гражданской службе и муниципальной службе.

В соответствии с ч. 2 ст. 3 Федерального закона "О муниципальной службе в Российской Федерации" на муниципальных служащих распространяется действие трудового законодательства с особенностями, предусмотренными данным Законом.

В силу ч. 1 ст. 19 названного Закона трудовой договор с муниципальным служащим может быть расторгнут по основаниям, предусмотренным Трудовым кодексом РФ, а также по основаниям, установленным в данной статье.

В силу п. 10 ч. 1 ст. 83 ТК РФ трудовой договор подлежит прекращению по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон, в частности в случае прекращения допуска к государственной тайне, если выполняемая работа требует такого допуска.

Прекращение трудового договора по основаниям, предусмотренным пп. 2, 8, 9, 10 или 13 ч. 1 указанной статьи Кодекса, допускается, если невозможно перевести работника с его письменного согласия на другую имеющуюся у работодателя работу (как вакантную должность или работу, соответствующую квалификации работника, так и вакантную нижестоящую должность или нижеоплачиваемую работу), которую работник может выполнять с учетом его состояния здоровья. При этом работодатель обязан предлагать работнику все отвечающие указанным требованиям вакансии, имеющиеся у него в данной местности. Предлагать вакансии в других местностях работодатель обязан, если это предусмотрено коллективным договором, соглашениями, трудовым договором (ч. 2 ст. 83 ТК РФ).

Судом установлено, что должность, замещаемая С. в администрации муниципального района, включена в номенклатуру должностей работников указанной администрации, подлежащих оформлению на доступ к государственной тайне. При прохождении муниципальной службы по указанной должности С. подписано дополнительное соглашение к трудовому договору об оформлении ей допуска к государственной тайне. При этом С. приняты добровольные обязательства о соблюдении требований законодательства Российской Федерации о государственной тайне, а также она была предупреждена о том, что в случае даже однократного нарушения взятых на себя обязательств защиты государственной тайны ее доступ к государственной тайне может быть прекращен.

Распоряжениями администрации муниципального района С. прекращен допуск к сведениям, составляющим государственную тайну, в связи с нарушением С. порядка выезда за пределы Российской Федерации лиц, имеющих допуск к государственной тайне, а именно С. не были согласованы с руководителем, принявшим решение о ее допуске к государственной тайне, выезды за границу, и она уволена с муниципальной службы по п. 10 ч. 1 ст. 83 ТК РФ.

Суд первой инстанции пришел к выводу о том, что вмененные С. нарушения требований Закона РФ “О государственной тайне” и принятых в его исполнение актов законодательства являются правомерным основанием для прекращения истцу допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, и последующего увольнения со службы.

Судом также было установлено, что на момент увольнения истца у работодателя имелись вакантные должности, которые могли быть предложены С. с учетом ее квалификации, опыта работы, не требующие оформления допуска к сведениям, составляющим государственную тайну. Работодателем в нарушение положений ч. 2 ст. 83 ТК РФ вакантные должности не были предложены истцу, в связи с чем суд пришел к выводу о нарушении ответчиком порядка увольнения С. и наличии оснований для восстановления ее в прежней должности.

(По материалам апелляционной практики Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ)

11. Представитель нанимателя обязан предлагать гражданскому служащему в случае сокращения замещаемой им должности государственной гражданской службы все имеющиеся в государственном органе вакантные должности в рамках той категории и группы, в которую включалась замещаемая им должность, с учетом уровня его квалификации, профессионального образования, стажа гражданской службы или работы (службы) по специальности, направлению подготовки. Федеральным законом “О государственной гражданской службе Российской Федерации” на представителя нанимателя не возложена обязанность предлагать гражданскому служащему, должность которого сокращается, вакантные должности, относящиеся к иным категориям и группам должностей гражданской службы.

Б. обратился в суд с иском к федеральному органу исполнительной власти (Минобороны России) о признании незаконным приказа об освобождении от замещаемой должности государственной гражданской службы и увольнении с государственной гражданской службы, восстановлении в ранее замещаемой должности федеральной гражданской службы.

В обоснование своих требований истец указал на то, что являлся гражданским служащим указанного государственного органа, замещал должность заместителя директора департамента. Приказом представителя нанимателя Б. освобожден от замещаемой должности и уволен с федеральной государственной гражданской службы по п. 8² ч. 1 ст. 37 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” (сокращение должностей гражданской службы в государственном органе).

Истец полагал, что произведенное увольнение незаконно, поскольку ему не были предложены вакантные должности государственной гражданской службы с учетом категории и группы замещаемой им должности государственной гражданской службы, уровня его квалификации, профессионального образования, стажа гражданской службы или работы по специальности.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, в удовлетворении исковых требований Б. отказано.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд исходил из следующего. Должность заместителя директора департамента федерального органа исполнительной власти, замещаемая Б. к моменту увольнения с государственной гражданской службы, относилась к высшей группе должностей государственной гражданской службы Российской Федерации — категории “руководители”. В связи с проведением организационных мероприятий в целях совершенствования организационно-штатной структуры департамента, в котором Б. проходил государственную гражданскую службу, замещаемая им должность “заместитель директора департамента” сокращена, введена новая должность “заместитель руководителя департамента”, которая не относится к должностям гражданской службы, а является воинской должностью, т.е. должностью, замещаемой военнослужащими.

В силу ч. 1 ст. 31 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” при сокращении должностей гражданской службы или упразднении государственного органа государственно-служебные отношения с гражданским служащим продолжают в случае предоставления гражданскому служащему, замещающему сокращаемую должность гражданской службы в государственном органе или должность гражданской службы в упраздняемом государственном органе, с его письменного согласия иной должности гражданской службы в том же государственном органе или в государственном органе, которому переданы функции упраздненного государственного органа, либо в другом государственном органе с учетом:

1) уровня его квалификации, профессионального образования и стажа гражданской службы (государственной службы иных видов) или работы (службы) по специальности, направлению подготовки;

2) уровня его профессионального образования и стажа гражданской службы (государственной службы иных видов) или работы (службы) по специальности, направлению подготовки при условии получения им дополнительного профессионального образования, соответствующего направлению деятельности по данной должности гражданской службы.

Согласно ч. 2 ст. 31 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” о предстоящем увольнении в связи с сокращением должностей государственной гражданской службы или упразднением государственного органа гражданский служащий, замещающий сокращаемую должность государственной гражданской службы в государственном органе или должность государственной гражданской службы в упраздняемом государственном органе, предупреждается представителем нанимателя персонально и под роспись не менее чем за два месяца до увольнения.

В соответствии с ч. 5 ст. 31 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” представитель нанимателя государственного органа, в котором сокращаются должности гражданской службы, или государственного органа, которому переданы функции упраздненного государственного органа, обязан в течение двух месяцев со дня предупреждения гражданского служащего об увольнении предложить гражданскому служащему, замещающему сокращаемую должность гражданской службы в государственном органе или должность гражданской службы в упраздняемом государственном органе, все имеющиеся соответственно в том же государственном органе или в государственном органе, которому переданы функции упраздненного государственного органа, вакантные должности гражданской службы с учетом категории и группы замещаемой гражданским служащим должности гражданской службы, уровня его квалификации, профессионального образования, стажа граждан-

данской службы или работы по специальности, направлению подготовки, а в случае отсутствия таких должностей в указанных государственных органах может предложить вакантные должности гражданской службы в иных государственных органах в порядке, определяемом Правительством РФ.

Частью 6 ст. 31 этого же Федерального закона предусмотрено, что в случае отказа гражданского служащего от предложенной для замещения иной должности гражданской службы, в том числе в другом государственном органе, при сокращении должностей гражданской службы или упразднении государственного органа гражданский служащий освобождается от замещаемой должности гражданской службы и увольняется с гражданской службы. В этом случае служебный контракт прекращается при сокращении должностей государственной гражданской службы в соответствии с п. 8² ч. 1 ст. 37 данного Закона и при упразднении государственного органа в соответствии с п. 8³ ч. 1 ст. 37 этого же Закона.

Из системного толкования ч. 1 и ч. 5 ст. 31 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” следует, что представитель нанимателя обязан предлагать гражданскому служащему в случае сокращения замещаемой им должности гражданской службы все имеющиеся в государственном органе вакантные должности в рамках той категории и группы, в которую включалась замещаемая им должность, с учетом уровня его квалификации, профессионального образования, стажа гражданской службы или работы (службы) по специальности, направлению подготовки.

Таким образом, названными нормами на представителя нанимателя не возложена обязанность предлагать истцу вакантные должности, относящиеся к иным категориям и группам должностей гражданской службы.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что суд первой инстанции пришел к правильному и обоснованному выводу об отказе Б. в удовлетворении заявленных требований, поскольку у ответчика имелись основания для увольнения истца в связи с сокращением должностей государственной гражданской службы и им был соблюден установленный законом порядок увольнения по названному выше основанию.

Факт сокращения замещаемой истцом должности гражданской службы имел место. О сокращении должности гражданской службы и предстоящем увольнении истец был уведомлен под роспись в установленные законом сроки.

Судом установлено, что вакантных должностей гражданской службы с учетом категории и группы замещаемой истцом должности, относившейся к категории “руководители” высшей группы должностей государственной гражданской службы Российской Федерации, уровня его квалификации, профессионального образования, стажа гражданской службы или работы по специальности, направлению подготовки в федеральном органе исполнительной власти в юридически значимый период с даты вручения Б. под роспись уведомления о предстоящем увольнении по день увольнения со службы не имелось.

Довод апелляционной жалобы о том, что Б. как гражданскому служащему ответчик должен был предоставить вакантные должности, соответствующие его квалификации, профессиональному образованию, стажу гражданской службы и стажу работы по специальности, однако им этого не было сделано, Судебная коллегия признала основанным на ошибочном толковании положений ч. 5 ст. 31 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации”. Исходя из указанной нормы у ответчика отсутствовала обязанность предлагать Б. вакантные должности, отно-

сящиеся к иной категории и группе должностей государственной гражданской службы, чем те, которые соответствовали бы замещаемой им должности.

(По материалам апелляционной практики Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ)

12. Поступление на муниципальную службу гражданина, не отвечающего квалификационным требованиям к стажу муниципальной службы, стажу работы, необходимо для исполнения должностных обязанностей, которые установлены муниципальным правовым актом, принятым в соответствии с Федеральным законом “О муниципальной службе в Российской Федерации” и законом субъекта Российской Федерации, определяющим типовые квалификационные требования для замещения должностей муниципальной службы, является нарушением правил заключения трудового договора, исключающим возможность продолжения муниципальной службы, и влечет прекращение трудового договора с муниципальным служащим.

Прокурор обратился в суд с иском к администрации Петрозаводского городского округа о расторжении трудового договора с В. по п. 11 ч. 1 ст. 77 ТК РФ, согласно которому основанием прекращения трудового договора является нарушение установленных Трудовым кодексом РФ или иным федеральным законом правил заключения трудового договора, если это нарушение исключает возможность продолжения работы (ст. 84 ТК РФ). В обоснование заявленных требований прокурор указал, что при поступлении В. на муниципальную службу в администрацию городского округа на должность заместителя начальника управления — начальника отдела и впоследствии при его назначении на должность начальника управления и далее на должность заместителя председателя комитета — начальника управления у В. отсутствовал как требуемый стаж муниципальной службы, так и стаж работы по специальности.

Разрешая исковые требования, суд первой инстанции исходил из положений ч. 2 ст. 9 Федерального закона “О муниципальной службе в Российской Федерации”, в силу которой квалификационные требования к уровню профессионального образования, стажу муниципальной службы или стажу работы по специальности, профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей, устанавливаются муниципальными правовыми актами на основе типовых квалификационных требований для замещения должностей муниципальной службы, которые определяются законом субъекта Российской Федерации в соответствии с классификацией должностей муниципальной службы.

Согласно ч. 1 ст. 2 Закона Республики Карелия от 24 июля 2007 г. № 1107-ЗРК “О муниципальной службе в Республике Карелия” должности начальника отдела, заместителя начальника управления, начальника управления, заместителя председателя комитета в администрации муниципального образования отнесены к ведущим должностям муниципальной службы. В силу ч. 1 ст. 4 данного закона Республики Карелия для замещения указанных должностей установлены квалификационные требования: наличие высшего профессионального образования и не менее двух лет стажа муниципальной службы или не менее двух лет стажа работы по специальности. Аналогичные квалификационные требования к замещению ведущих должностей муниципальной службы администрации Петрозаводского городского округа установлены муниципальными правовыми актами (постановлениями Главы Петрозаводского городского округа).

Суд установил, что В. при наличии двух высших профессиональных образований на дату поступления на муниципальную службу не имел необходимого ста-

жа муниципальной службы или стажа работы по полученным им специальностям, как это вытекало из требований муниципальных правовых актов, регулирующих квалификационные требования к муниципальным служащим для замещения ведущей должности муниципальной службы.

Вместе с тем суд первой инстанции отказал прокурору в удовлетворении заявленных требований и указал, что в данном случае не установлены основания для прекращения трудового договора, поскольку закон не ставит в зависимость от наличия соответствующего стажа возможность нахождения на муниципальной службе, и основанием для увольнения муниципального служащего со службы может служить лишь отсутствие документа об образовании и квалификации.

Не согласившись с решением суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции отменил состоявшееся по делу решение суда и вынес новое решение об удовлетворении заявленных требований по следующим основаниям.

Пунктом 3 ст. 4 Федерального закона “О муниципальной службе в Российской Федерации” в качестве одного из основных принципов муниципальной службы закреплен принцип профессионализма и компетентности муниципальных служащих, тем самым необходимым условием нахождения на муниципальной службе признано наличие у муниципального служащего или гражданина, претендующего на замещение муниципальной должности, необходимой квалификации.

В силу данных положений Федерального закона “О муниципальной службе в Российской Федерации”, а также закона субъекта Российской Федерации и муниципального нормативного правового акта наличие стажа муниципальной службы или стажа работы по специальности является обязательным для замещения ведущих должностей муниципальной службы в администрации городского округа.

Таким образом, поступление на муниципальную службу лица, не соответствующего квалификационным требованиям, установленным для замещения должностей муниципальной службы, свидетельствует о нарушении требований Федерального закона “О муниципальной службе в Российской Федерации”, Закона Республики Карелия от 24 июля 2007 г. № 1107-ЗРК “О муниципальной службе в Республике Карелия” и муниципальных правовых актов (постановлений Главы Петрозаводского городского округа), а также прав муниципального образования и неопределенного круга лиц.

Пунктом 11 ч. 1 ст. 77 ТК РФ предусмотрено, что основанием прекращения трудового договора является нарушение установленных ТК РФ или иным федеральным законом правил заключения трудового договора, если это нарушение исключает возможность продолжения работы (ст. 84 ТК РФ).

Согласно ч. 1 ст. 84 ТК РФ трудовой договор прекращается вследствие нарушения установленных Трудовым кодексом РФ или иным федеральным законом правил его заключения, если нарушение этих правил исключает возможность продолжения работы. В частности, в соответствии с абзацами четвертым и шестым части первой этой статьи трудовой договор прекращается в случае отсутствия соответствующего документа об образовании и (или) о квалификации, если выполнение работы требует специальных знаний в соответствии с федеральным законом или иным нормативным правовым актом, а также в случае заключения трудового договора в нарушение установленных Трудовым кодексом РФ, иным федеральным законом ограничений на занятие определенными видами трудовой деятельности.

Суд апелляционной инстанции, исходя из системного толкования положений Федерального закона

“О муниципальной службе в Российской Федерации”, принятого в его развитие Закона Республики Карелия от 24 июля 2007 г. № 1107-ЗРК “О муниципальной службе в Республике Карелия”, в части установления квалификационных требований к замещению должностей муниципальной службы и положений ст.ст. 77 и 84 ТК РФ, пришел к выводу о том, что поступление на муниципальную службу граждан, не отвечающих квалификационным требованиям как по уровню профессионального образования, так и по стажу муниципальной службы, стажу работы по специальности, свидетельствует о нарушении установленных правил заключения трудового договора, исключающем возможность продолжения муниципальной службы.

В. был назначен на ведущую должность муниципальной службы в нарушение установленных нормативными положениями квалификационных требований к стажу муниципальной службы, стажу работы по специальности, необходимому для исполнения должностных обязанностей, в связи с чем такое нарушение исключает возможность продолжения муниципальной службы.

С учетом приведенных обстоятельств, а также принимая во внимание, что жители городского округа имеют право на осуществление в их интересах функций местного самоуправления компетентными и профессиональными муниципальными служащими, суд апелляционной инстанции пришел к правильному выводу об удовлетворении заявленных прокурором требований и возложил на администрацию городского округа обязанность расторгнуть трудовой договор с В. по п. 11 ч. 1 ст. 77 и ст. 84 ТК РФ (нарушение установленных ТК РФ или иным федеральным законом правил заключения трудового договора, если это нарушение исключает возможность продолжения работы).

(По материалам судебной практики Верховного Суда Республики Карелия)

13. Порядок исчисления денежного содержания федеральных гражданских служащих, в том числе на период нахождения гражданского служащего в ежегодном оплачиваемом отпуске, регламентирован входящим в систему законодательства о государственной гражданской службе специальным нормативным актом, а именно Правилами исчисления денежного содержания федеральных государственных гражданских служащих, утвержденными постановлением Правительства РФ от 6 сентября 2007 г. № 562, поэтому нормы ст. 139 ТК РФ о правилах исчисления средней заработной платы к отношениям, связанным с государственной гражданской службой, применению не подлежат.

В. обратилась в суд с иском к Министерству Российской Федерации по развитию Дальнего Востока (далее также — Минвостокразвития России) о взыскании компенсации за неиспользованный отпуск.

В обоснование предъявленных требований В. указала, что была назначена на должность начальника отдела Минвостокразвития России. Приказом представителя нанимателя заключенный с В. служебный контракт был расторгнут 25 апреля 2014 г., она освобождена от замещаемой должности и уволена с государственной гражданской службы по основанию, предусмотренному п. 8² ч. 1 ст. 37 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации”, в связи с сокращением должностей государственной гражданской службы в государственном органе.

По мнению В., при увольнении ей не в полном объеме выплачена компенсация за неиспользованный отпуск.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением суда

апелляционной инстанции, исковые требования В. удовлетворены.

Разрешая исковые требования В., суд установил, что при увольнении В. ответчиком была выплачена денежная компенсация за неиспользованный отпуск, и исходил из того, что среднемесячное число календарных дней, применяемое при исчислении денежного содержания на период нахождения государственного гражданского служащего в ежегодном оплачиваемом отпуске, со 2 апреля 2014 г. в соответствии со ст. 139 ТК РФ составляет 29,3, а не 29,4, как учитывало Минвостокразвития России.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, рассмотрев данное гражданское дело, нашла выводы судебных инстанций о наличии оснований для перерасчета истцу размера выплаченной компенсации за неиспользованный отпуск с учетом среднемесячного числа календарных дней 29,3 основанными на неправильном применении норм материального права, регулирующих спорные отношения.

Согласно п. 4 ч. 1 ст. 14 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” гражданский служащий имеет право на оплату труда и другие выплаты в соответствии с данным Законом, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и со служебным контрактом.

В соответствии с ч. 1 ст. 46 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” гражданскому служащему предоставляется ежегодный отпуск с сохранением замещаемой должности гражданской службы и денежного содержания.

Частью 13 ст. 46 названного Закона предусмотрено, что при прекращении или расторжении служебного контракта, освобождении от замещаемой должности гражданской службы и увольнении с гражданской службы гражданскому служащему выплачивается денежная компенсация за все неиспользованные отпуска.

Порядок исчисления денежного содержания федеральных государственных гражданских служащих, в том числе и для случаев увольнения с федеральной государственной гражданской службы в связи с реорганизацией или ликвидацией федерального государственного органа, изменением его структуры либо сокращением должностей федеральной государственной гражданской службы, а также на период нахождения гражданского служащего в ежегодном оплачиваемом отпуске, урегулирован специальным нормативным актом — Правилами исчисления денежного содержания федеральных государственных гражданских служащих, утвержденными постановлением Правительства РФ от 6 сентября 2007 г. № 562 (далее — Правила).

Исчисление денежного содержания на период нахождения федерального государственного гражданского служащего в ежегодном оплачиваемом отпуске и расчет денежной компенсации за неиспользованные отпуска производится в соответствии с пунктом 6 указанных выше правил.

Абзацем 2 п. 6 Правил в редакции, действовавшей на момент расторжения заключенного с В. служебного контракта — 25 апреля 2014 г., среднемесячное число календарных дней, используемое при исчислении денежного содержания на период нахождения федерального государственного гражданского служащего в ежегодном оплачиваемом отпуске, установлено 29,4.

Аналогичное среднемесячное число календарных дней, то есть 29,4, в целях исчисления среднего дневного заработка для оплаты отпусков, предоставляемых в календарных днях, и выплаты компенсации за неиспользованные отпуска было установлено в ч. 4 ст. 139 ТК РФ (в ред. Федерального закона от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ).

Федеральным законом от 2 апреля 2014 г. № 55-ФЗ “О внесении изменений в статью 10 Закона Россий-

ской Федерации “О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях” и Трудовой кодекс Российской Федерации”, вступившим в силу со 2 апреля 2014 г., в ч. 4 ст. 139 ТК РФ были внесены изменения, касающиеся порядка расчета среднего дневного заработка для оплаты отпусков и выплаты компенсации за неиспользованные отпуска. В соответствии с п. 13 ст. 2 указанного Федерального закона цифры “29,4” заменены цифрами “29,3”.

Постановлением Правительства РФ от 10 июля 2014 г. № 642, вступившим в силу 22 июля 2014 г., в п. 6 Правил исчисления денежного содержания федеральных государственных гражданских служащих внесены изменения, согласно которым среднемесячное число календарных дней 29,4 было заменено на число 29,3.

В силу ст. 73 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” федеральные законы, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, содержащие нормы трудового права, применяются к отношениям, связанным с гражданской службой, в части, не урегулированной данным Законом.

Частью 7 ст. 11 ТК РФ также установлено, что на государственных служащих и муниципальных служащих действие трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, распространяется с особенностями, предусмотренными федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации о государственной службе и муниципальной службе.

Из приведенных нормативных положений следует, что действие трудового законодательства распространяется на отношения, связанные с государственной гражданской службой, только в части, не урегулированной специальным законодательством.

Порядок исчисления денежного содержания федеральных государственных гражданских служащих, в том числе на период нахождения государственного гражданского служащего в ежегодном оплачиваемом отпуске, регламентирован входящим в систему законодательства о государственной гражданской службе специальным нормативным актом, а именно вышеуказанными Правилами.

Следовательно, суды первой и апелляционной инстанций, использовав установленное нормами трудового законодательства среднемесячное число календарных дней 29,3 при определении размера задолженности по выплате компенсации за неиспользованный отпуск при увольнении В. с государственной гражданской службы, неправильно применили к спорным отношениям положения ст. 139 ТК РФ (в ред. Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 55-ФЗ).

Поскольку В. являлась государственным гражданским служащим и была уволена 25 апреля 2014 г., то при расчете причитающейся ей денежной компенсации за неиспользованный отпуск подлежало применению для исчисления денежного содержания предусмотренное действовавшим на тот период специальным законодательством среднемесячное число календарных дней — 29,4, так как указанное число было изменено на 29,3 постановлением Правительства РФ от 10 июля 2014 г. № 642, вступившим в силу 22 июля 2014 г. и не распространившим свое действие на ранее возникшие отношения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ изменила состоявшиеся по делу судебные постановления, определив к выплате истцу сумму компенсации за неиспользованный отпуск в размере, рассчитанном исходя из установленного судом первой

инстанции месячного денежного содержания В., количества дней неиспользованного истцом отпуска и с применением среднемесячного числа календарных дней 29,4.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 8 февраля 2016 г. № 58-КГ15-25; аналогичная правовая позиция содержится в определении от 8 февраля 2016 г. № 58-КГ15-24)

14. Применение к государственному гражданскому служащему дисциплинарного взыскания за неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на него служебных обязанностей при отсутствии на момент привлечения гражданского служащего к дисциплинарной ответственности должностного регламента по занимаемой им должности гражданской службы возможно, если на эту должность он был перемещен с иной должности без изменения должностных обязанностей, установленных служебным контрактом и должностным регламентом.

Д. обратился в суд с иском к исполнительному органу государственной власти субъекта Российской Федерации об оспаривании дисциплинарного взыскания, ссылаясь на то, что, находясь на государственной гражданской службе субъекта Российской Федерации, в феврале 2014 г. был привлечен к дисциплинарной ответственности в виде выговора за ненадлежащее исполнение своих обязанностей. Привлечение к дисциплинарной ответственности Д. считал незаконным, поскольку на момент издания приказа представителя нанимателя о применении к Д. указанного дисциплинарного взыскания не имелось должностного регламента по замещаемой им должности, данный регламент был утвержден в марте 2014 г., тогда же истец был с ним ознакомлен.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ, в удовлетворении иска Д. отказано.

При разрешении спора судом первой инстанции установлено, что истец проходил государственную гражданскую службу субъекта Российской Федерации в исполнительном органе государственной власти субъекта Российской Федерации по различным должностям, в апреле 2006 г. ему был оформлен допуск к государственной тайне. В июле 2012 г. истец ознакомлен с должностным регламентом по замещаемой им в тот период должности.

В декабре 2012 г. в соответствии с ч. 4 ст. 28 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” Д. был перемещен на иную должность гражданской службы субъекта Российской Федерации в исполнительном органе государственной власти субъекта Российской Федерации.

Приказом представителя нанимателя в феврале 2014 г. Д. объявлен выговор за нарушения правил ведения секретного делопроизводства, предусмотренных должностным регламентом. Как следует из содержания данного приказа, основанием для его издания явились поступившие в исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации представление территориального органа безопасности об устранении причин и условий, способствовавших реализации угроз безопасности Российской Федерации, и акт проверки состояния режима секретности в исполнительном органе государственной власти субъекта Российской Федерации, а также заключение служебной проверки, проведенной в связи с поступлением указанных документов.

Нарушений требований ст.ст. 58, 59 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” при проведении служебной проверки и применении к истцу дисциплинарного взыскания в виде выговора судом не установлено.

Суд первой инстанции сделал обоснованный вывод о том, что со стороны Д. имело место нарушение возложенных на него должностных обязанностей, в связи с чем он был правомерно привлечен к дисциплинарной ответственности на основании оспариваемого приказа представителя нанимателя.

Согласно ч. 1 ст. 47 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” профессиональная служебная деятельность гражданского служащего осуществляется в соответствии с должностным регламентом, утверждаемым представителем нанимателя и являющимся составной частью административного регламента государственного органа.

В силу п. 2 ч. 2 ст. 47 Закона в должностной регламент в числе прочего включаются должностные обязанности, права и ответственность гражданского служащего за неисполнение (ненадлежащее исполнение) должностных обязанностей в соответствии с административным регламентом государственного органа, задачами и функциями структурного подразделения государственного органа и функциональными особенностями замещаемой в нем должности гражданской службы.

Согласно ч. 1 ст. 56 Закона служебная дисциплина на гражданской службе — обязательное для гражданских служащих соблюдение служебного распорядка государственного органа и должностного регламента, установленных в соответствии с данным Законом, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами, нормативными актами государственного органа и со служебным контрактом.

На основании ч. 1 ст. 57 указанного Закона за совершение дисциплинарного проступка, то есть за неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданским служащим по его вине возложенных на него служебных обязанностей, представитель нанимателя имеет право применить следующие дисциплинарные взыскания: замечание, выговор, предупреждение о неполном должностном соответствии, увольнение с государственной гражданской службы по основаниям, установленным п. 2, подп. “а” — “г” п. 3, пп. 5 и 6 ч. 1 ст. 37 этого же Закона.

В чч. 1—4 ст. 58 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” установлен порядок применения и снятия дисциплинарного взыскания. В силу приведенной нормы до применения дисциплинарного взыскания представитель нанимателя должен затребовать от гражданского служащего объяснение в письменной форме. В случае отказа гражданского служащего дать такое объяснение составляется соответствующий акт. Отказ гражданского служащего от дачи объяснения в письменной форме не является препятствием для применения дисциплинарного взыскания. Перед применением дисциплинарного взыскания проводится служебная проверка. При применении дисциплинарного взыскания учитываются тяжесть совершенного гражданским служащим дисциплинарного проступка, степень его вины, обстоятельства, при которых совершен дисциплинарный проступок, и предшествующие результаты исполнения гражданским служащим своих должностных обязанностей. Дисциплинарное взыскание применяется непосредственно после обнаружения дисциплинарного проступка, но не позднее одного месяца со дня его обнаружения, не считая периода временной нетрудоспособности гражданского служащего, пребывания его в отпуске, других случаев отсутствия его на службе по уважительным причинам, а также времени проведения служебной проверки.

Согласно ч. 4 ст. 59 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” проведение служебной проверки поручается подразделению государственного органа по вопросам го-

сударственной службы и кадров с участием юридического (правового) подразделения и выборного профсоюзного органа данного государственного органа.

Принимая во внимание установленные по делу обстоятельства и учитывая, что факты нарушения истцом ведения секретного делопроизводства, изложенные в акте проверки состояния режима секретности и в заключении по итогам служебной проверки, нашли свое подтверждение в ходе судебного разбирательства, истцом не оспаривались, суд первой инстанции сделал обоснованный вывод о том, что со стороны Д. имело место нарушение возложенных на него должностных обязанностей, в связи с чем он был правомерно привлечен к дисциплинарной ответственности на основании оспариваемого приказа.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что довод Д. об отсутствии на момент его привлечения к дисциплинарной ответственности должностного регламента по замещаемой им должности не является основанием для отмены решения суда, поскольку на указанную должность истец был перемещен в соответствии с ч. 4 ст. 28 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», согласно которой не является переводом на иную должность гражданской службы и не требует согласия гражданского служащего перемещение его на иную должность гражданской службы без изменения должностных обязанностей, установленных служебным контрактом и должностным регламентом.

В связи с этим суд первой инстанции правомерно указал на то, что, будучи перемещенным в декабре 2012 г. на иную должность, Д. продолжал исполнять обязанности, установленные должностным регламентом, с которым он был ознакомлен в июле 2012 г., в числе которых была и обязанность по ведению секретного делопроизводства.

(По материалам апелляционной практики Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ)

15. Процентная надбавка к должностному окладу (тарифной ставке) за стаж работы в структурных подразделениях по защите государственной тайны выплачивается только сотрудникам структурных подразделений по защите государственной тайны (то есть созданных в соответствии с законодательством Российской Федерации специальных подразделений) или замещающим отдельные должности специалистам, основной функцией которых является обеспечение защиты государственной тайны.

Р. обратился в суд с иском к органу исполнительной власти субъекта Российской Федерации о взыскании невыплаченной надбавки к должностному окладу.

В обоснование предъявленных требований Р. ссылался на то, что ответчик незаконно не выплачивает ему установленную п. 3 Правил выплаты ежемесячных процентных надбавок к должностному окладу (тарифной ставке) граждан, допущенных к государственной тайне на постоянной основе, и сотрудников структурных подразделений по защите государственной тайны, утвержденных постановлением Правительства РФ от 18 сентября 2006 г. № 573, процентную надбавку к должностному окладу (тарифной ставке) за стаж работы в структурных подразделениях по защите государственной тайны как сотруднику, на которого возложены функции режимно-секретного подразделения.

Решением суда первой инстанции иски Р. удовлетворены, с ответчика в пользу Р. взыскана ежемесячная надбавка к должностному окладу за стаж работы в подразделениях по защите государственной тайны.

Как установлено судом, Р. является гражданским служащим, на которого в соответствии с должностным регламентом возложены обязанности по организации

и обеспечению мобилизационной подготовки указанного выше государственного органа, осуществлению в пределах полномочий контроля мобилизационной подготовки в подведомственных государственном органу государственных казенных учреждениях. Кроме того, приказом представителя нанимателя на Р. возложено исполнение функций режимно-секретного подразделения с задачами по обеспечению установленного режима секретности и ведению секретного делопроизводства в государственном органе и в подведомственном ему государственном казенном учреждении.

Суд пришел к выводу об обоснованности заявленного истцом требования о взыскании в его пользу с ответчика задолженности по выплате ежемесячной надбавки к должностному окладу за стаж работы в подразделениях по защите государственной тайны за период с 1 августа 2012 г. по 28 февраля 2015 г. включительно. При этом суд отклонил доводы представителя ответчика относительно пропуска истцом срока на обращение в суд по данному требованию, признав данные спорные отношения сторон длящимися.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с выводами суда первой инстанции и приняла по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований по следующим основаниям.

Удовлетворяя требование истца о взыскании в его пользу с ответчика задолженности по выплате ежемесячной надбавки к должностному окладу за стаж работы в подразделениях по защите государственной тайны, суд первой инстанции необоснованно исходил из того, что приказом представителя нанимателя на Р. возложены функции режимно-секретного подразделения, являющегося структурным подразделением по защите государственной тайны, и эти функции являются одними из основных в деятельности истца.

Согласно п. 1 Правил выплаты ежемесячных процентных надбавок к должностному окладу (тарифной ставке) граждан, допущенных к государственной тайне на постоянной основе, и сотрудников структурных подразделений по защите государственной тайны, утвержденных постановлением Правительства РФ от 18 сентября 2006 г. № 573 (далее в примере — Правила), ежемесячная процентная надбавка к должностному окладу (тарифной ставке) граждан, допущенных к государственной тайне на постоянной основе, выплачивается в зависимости от степени секретности сведений, к которым эти граждане имеют документально подтверждаемый доступ на законных основаниях.

Пункт 3 Правил предусматривает, что сотрудникам структурных подразделений по защите государственной тайны дополнительно к ежемесячной процентной надбавке к должностному окладу (тарифной ставке), предусмотренной п. 1 данных Правил, выплачивается процентная надбавка к должностному окладу (тарифной ставке) за стаж работы в указанных структурных подразделениях.

Аналогичные положения содержит абз. 1 п. 7 разъяснений о порядке выплаты ежемесячных процентных надбавок гражданам, допущенным к государственной тайне на постоянной основе, и сотрудникам структурных подразделений по защите государственной тайны, утвержденных приказом Минздравсоцразвития России от 19 мая 2011 г. № 408н.

В соответствии с абз. 2 п. 7 указанных выше разъяснений под структурными подразделениями по защите государственной тайны понимаются созданные в соответствии с законодательством Российской Федерации специальные подразделения, а также отдельные должности, замещаемые специалистами, основной функцией которых является обеспечение защиты государственной тайны.

Между тем Р. сотрудником режимно-секретного подразделения не является, такое специальное подразделение в органе исполнительной власти субъекта Российской Федерации отсутствует. Кроме того, согласно должностному регламенту по замещаемой должности основные обязанности Р. как главного специалиста связаны с организацией и ведением мобилизационной работы в названном государственном органе. Обеспечение защиты государственной тайны основной функцией истца не является. Истцу также выплачивается установленная п. 1 Правил ежемесячная процентная надбавка к должностному окладу как лицу, допущенному к государственной тайне на постоянной основе.

Следовательно, вывод суда о том, что Р. имеет право на надбавку к должностному окладу на основании п. 3 названных выше Правил, выплачиваемую дополнительно (помимо надбавки, установленной п. 1 Правил, которую он получает) за стаж работы в подразделениях по защите государственной тайны сотрудникам таких подразделений, не основан на нормах права, подлежащих применению к спорным отношениям, и обстоятельствах дела.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ сочла ошибочным и вывод суда первой инстанции о признании длящимся нарушения прав истца, связанного с невыплатой указанной выше надбавки, поскольку спорная надбавка к выплате истцу работодателем не назначалась. Об отказе в установлении надбавки к должностному окладу за стаж работы в структурных подразделениях по защите государственной тайны Р. стало известно в конце августа 2012 г. В суд с иском о взыскании задолженности по выплате надбавки он обратился в марте 2015 г., т.е. с пропуском трехмесячного срока для обращения в суд с такими требованиями, установленного ст. 392 ТК РФ, которая исходя из положений ст. 73 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» подлежала применению к спорным отношениям сторон.

(По материалам апелляционной практики Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ)

16. Правовое регулирование дополнительного пенсионного обеспечения муниципальных служащих, осуществляемого за счет средств местного бюджета, отнесено к компетенции органов местного самоуправления, которые с учетом бюджетных возможностей вправе вводить и изменять порядок, условия и размеры выплаты такой пенсии муниципальным служащим как в отношении вновь, так и ранее назначенных пенсий.

Б. обратилась в суд с иском к администрации городского округа город Михайловка Волгоградской области о признании действий по перерасчету размера пенсии за выслугу лет незаконными, возложении обязанности по выплате пенсии в прежнем размере со дня его перерасчета.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, иски Б. удовлетворены в полном объеме.

При разрешении спора судом установлено, что Б. замещала должность муниципальной службы отдела благоустройства городского округа г. Михайловка Волгоградской области, ее стаж муниципальной службы составил 25 полных лет.

С октября 2011 г. Б. назначена пенсия по старости на основании п. 1 ст. 7 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации».

В соответствии с Положением о пенсионном обеспечении за выслугу лет депутатов, выборных должностных лиц, осуществляющих свои полномочия на постоянной основе, и муниципальных служащих городского округа город Михайловка Волгоградской области,

принятым решением Михайловской городской Думы Волгоградской области от 28 декабря 2009 г. № 479 (далее — Положение), Б. как лицу, ранее замещавшему должность муниципальной службы в администрации названного городского округа, с декабря 2012 г. назначена пенсия за выслугу лет.

Решением Михайловской городской Думы Волгоградской области от 27 февраля 2013 г. № 783 в ч. 1 ст. 6 Положения, определяющей размеры пенсии за выслугу лет и ее исчисление, были внесены изменения, с учетом которых размер пенсии за выслугу лет Б. с марта 2013 г. существенно уменьшился.

Разрешая спор и удовлетворяя иски Б., суд первой инстанции руководствовался положениями п. 12 ст. 11 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации», п. 4 ст. 7 Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», п. 1 ст. 4 ГК РФ и исходил из того, что решение Михайловской городской Думы Волгоградской области от 27 февраля 2013 г. № 783, принятое после назначения Б. пенсии за выслугу лет, не подлежит применению к спорным отношениям сторон, поскольку акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие.

Суд апелляционной инстанции поддержал позицию суда первой инстанции, дополнительно указав на то, что положения ст. 18 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», ст. 24 Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», ст. 24 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации», а также ст. 10 Закона Волгоградской области от 30 декабря 2002 г. № 778-ОД «О пенсионном обеспечении за выслугу лет лиц, замещавших государственную должность Губернатора Волгоградской области, лиц, замещавших государственные должности Волгоградской области и должности государственной гражданской службы Волгоградской области», предусматривающие исчерпывающий перечень оснований для перерасчета ранее назначенной пенсии, не содержат такого основания для перерасчета пенсии, как внесение изменений в положение о пенсионном обеспечении за выслугу лет лиц, замещавших муниципальные должности и должности муниципальной службы.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ сочла, что приведенные выводы судебных инстанций основаны на неправильном толковании и применении норм материального права к спорным отношениям.

В соответствии с пп. «ж» и «н» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации социальная защита, установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Субъекты Российской Федерации вправе осуществлять собственное правовое регулирование по предметам совместного ведения до принятия федеральных законов (п. 2 ст. 3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»).

В соответствии с Федеральным законом «О муниципальной службе в Российской Федерации» муниципальный служащий имеет право на пенсионное обеспечение в соответствии с законодательством Российской Федерации (п. 12 ч. 1 ст. 11), в области пенсионного обеспечения на него в полном объеме распространяются права государственного гражданского служащего, установленные федеральными законами и за-

конами субъектов Российской Федерации (ч. 1 ст. 24); муниципальному служащему гарантируется пенсионное обеспечение за выслугу лет (п. 5 ч. 1 ст. 23).

В силу ч. 2 ст. 24 названного Федерального закона определение размера государственной пенсии муниципального служащего осуществляется в соответствии с установленным законом субъекта Российской Федерации соотношением должностей муниципальной службы и должностей государственной гражданской службы субъекта Российской Федерации. Максимальный размер государственной пенсии муниципального служащего не может превышать максимальный размер государственной пенсии государственного гражданского служащего субъекта Российской Федерации по соответствующей должности государственной гражданской службы субъекта Российской Федерации.

Приведенные нормативные положения Федерального закона "О муниципальной службе в Российской Федерации" направлены на определение основных начал правового статуса муниципальных служащих в сфере государственных пенсионных отношений путем введения общего требования, предполагающего гарантирование пенсионных прав муниципальных служащих на уровне, сопоставимом с тем, какой установлен для государственных гражданских служащих. По существу, условия пенсионного обеспечения муниципального и государственного гражданского служащего должны быть сходными по своим основным параметрам, но не обязательно во всем тождественными (идентичными), а гарантии, устанавливаемые соответственно муниципальным служащим и государственным гражданским служащим в части дополнительного пенсионного обеспечения (каковым является пенсионное обеспечение за выслугу лет), должны быть аналогичными.

Пунктом 11 ч. 1 ст. 52 Федерального закона "О государственной гражданской службе Российской Федерации" предусмотрено, что в целях обеспечения правовой и социальной защищенности гражданских служащих (как федеральных, так и субъектов Российской Федерации) им гарантируется государственное пенсионное обеспечение в порядке и на условиях, установленных федеральным законом о государственном пенсионном обеспечении граждан Российской Федерации, проходивших государственную службу.

Такой федеральный закон до настоящего времени не принят, в связи с чем условия предоставления права на пенсию государственных служащих субъектов Российской Федерации и муниципальных служащих за счет средств субъектов Российской Федерации и средств органов местного самоуправления определяются законами и иными нормативно-правовыми актами субъектов Российской Федерации и актами органов местного самоуправления.

Согласно п. 4 ст. 7 Федерального закона "О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации" условия предоставления права на пенсию государственным гражданским служащим субъектов Российской Федерации и муниципальных служащим за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации и средств местных бюджетов определяются законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации и актами органов местного самоуправления.

Пункт 5 ст. 1 Федерального закона "О трудовых пенсиях в Российской Федерации" предусматривает, что отношения, связанные с пенсионным обеспечением граждан за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации, средств местных бюджетов и средств организаций, регулируются нормативными правовыми актами органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и актами организаций.

Особенности организации муниципальной службы в Волгоградской области и правовое положение муниципальных служащих Волгоградской области урегулированы Законом Волгоградской области от 11 февраля 2008 г. № 1626-ОД "О некоторых вопросах муниципальной службы в Волгоградской области". В соответствии со ст. 9.2 этого Закона условия предоставления права на пенсию за выслугу лет муниципальным служащим определяются нормативными правовыми актами органов местного самоуправления. Финансирование пенсий за выслугу лет муниципальным служащим осуществляется за счет средств местных бюджетов.

В соответствии с чч. 1 и 2 ст. 53 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений) расходы местных бюджетов осуществляются в соответствии с Бюджетным кодексом РФ. Органы местного самоуправления самостоятельно определяют размеры и условия оплаты труда депутатов, членов выборных органов местного самоуправления, выборных должностных лиц местного самоуправления, осуществляющих свои полномочия на постоянной основе, муниципальных служащих, работников муниципальных предприятий и учреждений, устанавливают муниципальные минимальные социальные стандарты и другие нормативы расходов местных бюджетов на решение вопросов местного значения.

Статьей 86 БК РФ установлено, что расходные обязательства муниципального образования возникают в результате принятия муниципальных правовых актов по вопросам местного значения и иным вопросам, которые в соответствии с федеральными законами вправе решать органы местного самоуправления. В таком случае расходные обязательства устанавливаются органами местного самоуправления самостоятельно и исполняются за счет собственных доходов и источников финансирования дефицита соответствующего местного бюджета.

Из приведенных законоположений следует, что правовое регулирование дополнительного пенсионного обеспечения муниципальных служащих, осуществляемого за счет средств местного бюджета, отнесено к компетенции органов местного самоуправления. Федеральными законами определены границы, в пределах которых органы местного самоуправления в соответствии с законодательством субъекта Российской Федерации определяют уровень дополнительного пенсионного обеспечения за выслугу лет для муниципальных служащих своего муниципального образования. Поскольку финансирование пенсии за выслугу лет муниципальных служащих осуществляется за счет собственных доходов соответствующих муниципальных образований, то они с учетом бюджетных возможностей вправе вводить и изменять порядок и условия выплаты такой пенсии муниципальным служащим как в отношении вновь, так и ранее назначенных пенсий.

Поскольку пенсии за выслугу лет муниципальным служащим выплачиваются дополнительно к установленным этим лицам в рамках системы обязательного пенсионного страхования трудовым пенсиям, то само по себе изменение органами местного самоуправления правил исчисления таких пенсий и их размера не может рассматриваться как нарушающее право на пенсионное обеспечение и ухудшающее положение муниципальных служащих городского округа город Михайловка Волгоградской области, в том числе и Б.

Ссылки суда первой инстанции на то, что в силу п. 1 ст. 4 ГК РФ внесенные решением Михайловской городской Думы Волгоградской области от 27 февраля 2013 г. № 783 изменения в Положение не распростра-

няются на правоотношения, возникшие между сторонами до введения в действие названных изменений, не основаны на законе.

Отношения сторон по настоящему делу, связанные с правовым положением муниципальных служащих, исходя из положений ст. 2 ГК РФ не регулируются гражданским законодательством. Более того, правоотношения по выплате пенсии за выслугу лет муниципальным служащим носят длящийся характер, порядок расчета получаемой истцом пенсии изменен на будущее время после издания органом местного самоуправления правового акта, направленного на обеспечение равенства муниципальных служащих данного муниципального образования независимо от момента назначения им указанной пенсии.

Следовательно, вывод судов первой и апелляционной инстанций о том, что размер пенсии по выслуге лет Б. как муниципального служащего городского округа город Михайловка Волгоградской области не может быть ниже ранее установленного, нельзя признать правильным.

Несостоятельным является и вывод суда апелляционной инстанции о недопустимости перерасчета ранее назначенной Б. пенсии со ссылкой на положения ст. 18 Федерального закона “О трудовых пенсиях в Российской Федерации”, ст. 24 Федерального закона “О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации”, ст. 24 Федерального закона “О муниципальной службе в Российской Федерации”, а также ст. 10 Закона Волгоградской области от 30 декабря 2002 г. № 778-ОД “О пенсионном обеспечении за выслугу лет лиц, замещавших государственную должность Губернатора Волгоградской области, лиц, замещавших государственные должности Волгоградской области и должности государственной гражданской службы Волгоградской области”, предусматривающие, в частности, перерасчет пенсии за выслугу лет при индексации должностного оклада и оклада за классный чин гражданского служащего, поскольку он основан на неправильном толковании действующего законодательства в сфере регулирования дополнительного пенсионного обеспечения муниципальных служащих.

Условия пенсионного обеспечения муниципальных служащих городского округа город Михайловка Волгоградской области по своим основным параметрам являются сходными (но не тождественными, а определенными с учетом возможностей местного бюджета) с условиями пенсионного обеспечения государственных гражданских служащих субъекта Российской Федерации — Волгоградской области. Исходя из того, что финансирование пенсии за выслугу лет муниципальных служащих осуществляется за счет собственных доходов соответствующих муниципальных образований, проведение муниципальными образованиями перерасчета размеров таких пенсий в случае изменения органами местного самоуправления правил их исчисления не противоречит названным выше положениям федерального и регионального законодательства.

Таким образом, суды первой и апелляционной инстанций неправильно применили нормы материального права, регулирующие спорные отношения сторон, и в отсутствие предусмотренных законом оснований удовлетворили исковые требования Б. о признании действий по перерасчету размера пенсии за выслугу лет незаконными, возложении обязанности по выплате пенсии в прежнем размере.

Исходя из изложенного вынесенные по данному делу судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ признаны незаконными и отменены, по делу принято новое решение об отказе в удовлетворении иска Б. к администрации го-

родского округа город Михайловка Волгоградской области о признании действий по перерасчету размера пенсии за выслугу лет незаконными, возложении обязанности по выплате пенсии в прежнем размере.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24 августа 2015 г. № 16-КГ15-17; аналогичные правовые позиции содержатся в определениях от 18 мая 2015 г. № 16-КГ15-8, от 18 мая 2015 г. № 16-КГ15-10, от 22 июня 2015 г. № 16-КГ15-9, от 22 июня 2015 г. № 16-КГ15-13)

17. Поскольку пенсия за выслугу лет муниципальным служащим выплачивается дополнительно к трудовой пенсии в рамках системы обязательного пенсионного страхования, то определение органами местного самоуправления с учетом бюджетных возможностей правил исчисления таких пенсий и их размера, отличное от правил пенсионного обеспечения государственных служащих, установленных законодательством субъекта Российской Федерации, не может рассматриваться как нарушающее право на пенсионное обеспечение и ухудшающее положение муниципальных служащих по сравнению с государственным гражданскими служащими субъекта Российской Федерации.

Б. обратился в суд с иском к администрации Поназыревского муниципального района Костромской области о взыскании недополученной пенсии за выслугу лет муниципальной службы.

В обоснование иска Б. указал, что является получателем пенсии за выслугу лет как муниципальный служащий.

Расчет пенсии за выслугу лет был произведен в соответствии с решением Собрания депутатов Поназыревского района Костромской области от 29 июня 2001 г. № 47 “О положении Поназыревского района “О некоторых социальных гарантиях лицам, замещавшим выборные муниципальные должности и муниципальные должности муниципальной службы Поназыревского района” (далее — Положение), в соответствии с которым размер денежного содержания, учитываемый для исчисления пенсии за выслугу лет, не должен превышать 2,3 должностного оклада.

Законом Костромской области от 21 октября 2010 г. № 666-4-ЗКО “О государственном пенсионном обеспечении государственных гражданских служащих Костромской области” установлено, что размер среднемесячного заработка, из которого государственному гражданскому служащему Костромской области исчисляется пенсия за выслугу лет, не может превышать 2,8 суммы оклада денежного содержания и надбавки за выслугу лет.

Б. считал, что в связи с наличием противоречий между положениями муниципальной нормативного правового акта и положениями Закона Костромской области, а также федерального законодательства (Федерального закона “О муниципальной службе в Российской Федерации”) норма определения среднемесячного денежного содержания муниципальных служащих для исчисления пенсии за выслугу лет существенно отличается от установленной нормы определения среднемесячного денежного содержания государственных гражданских служащих Костромской области.

В связи с этим Б. полагал, что имеет право на выплату пенсии за выслугу лет за спорный период исходя из оклада денежного содержания и надбавки за выслугу лет с применением коэффициента 2,8, установленных для государственных гражданских служащих Костромской области.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования Б. о взыскании недополученной пенсии за выслугу лет муниципальной службы за период с 1 января 2012 г. по 30 сентября 2014 г., суд первой инстанции, руководствуясь положениями Федерального закона “О муниципаль-

ной службе в Российской Федерации” и Закона Костромской области от 21 октября 2010 г. № 666-4-ЗКО “О государственном пенсионном обеспечении государственных гражданских служащих Костромской области”, пришел к выводу о том, что определение конкретного размера пенсии муниципального служащего за выслугу лет осуществляется органами местного самоуправления, однако они не могут действовать произвольно и устанавливаемые ими правила не могут уменьшать уровень гарантий, установленных федеральным законодательством и законами субъекта Российской Федерации.

При этом суд первой инстанции исходил из того, что нормами Положения гарантии, установленная Законом Костромской области от 21 октября 2010 г. № 666-4-ЗКО “О государственном пенсионном обеспечении государственных гражданских служащих Костромской области”, снижена, поскольку данным положением определено, что пенсия за выслугу лет исчисляется только с учетом должностного оклада с применением к нему меньшего коэффициента 2,3, а не из оклада денежного содержания и надбавки за выслугу лет и коэффициента 2,8, как установлено Законом Костромской области, то есть положением, имеющим большую юридическую силу. Вследствие этого размер среднемесячного заработка, используемый для исчисления пенсии за выслугу лет, на который муниципальный служащий мог бы рассчитывать при применении законодательства субъекта Российской Федерации, получается меньше, так как ограничивается муниципальным правовым актом.

Со ссылкой на приведенные обстоятельства суд первой инстанции пришел к выводу о том, что имеются основания для взыскания в пользу Б. недополученной пенсии за выслугу лет за спорный период исходя из оклада денежного содержания и надбавки за выслугу лет с применением коэффициента 2,8, т.е. правил, установленных для исчисления пенсии за выслугу лет государственным гражданским служащим Костромской области.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов первой и апелляционной инстанций основанными на неправильном применении и толковании норм материального права, регулирующих спорные отношения.

Особенности организации муниципальной службы в Костромской области и правовое положение муниципальных служащих Костромской области урегулированы Законом Костромской области от 9 ноября 2007 г. № 210-4-ЗКО “О муниципальной службе в Костромской области”.

Статьями 10, 12 данного Закона установлено, что финансовое обеспечение дополнительных гарантий, предоставляемых муниципальному служащему, осуществляется за счет соответствующего местного бюджета. Муниципальному служащему гарантируется пенсионное обеспечение за выслугу лет в соответствии с федеральными законами, законами Костромской области и муниципальными правовыми актами.

Из смысла приведенных положений Закона Костромской области от 9 ноября 2007 г. № 210-4-ЗКО “О муниципальной службе в Костромской области”, а также положений Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”, Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”, Федерального закона “О муниципальной службе в Российской Федерации”, Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федера-

ции”, Федерального закона “О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации”, Бюджетного кодекса РФ следует, что правовое регулирование дополнительного пенсионного обеспечения муниципальных служащих (пенсия за выслугу лет), осуществляемого за счет средств соответствующего бюджета, отнесено к компетенции органов местного самоуправления.

Федеральными законами определены границы, в пределах которых органы местного самоуправления в соответствии с законодательством субъекта Российской Федерации определяют уровень дополнительного пенсионного обеспечения за выслугу лет для муниципальных служащих своего муниципального образования. Поскольку финансирование пенсии за выслугу лет муниципальных служащих осуществляется за счет собственных доходов соответствующих муниципальных образований, то они с учетом бюджетных возможностей вправе вводить порядок и условия выплаты такой пенсии муниципальным служащим.

Вывод судебных инстанций о том, что решение Соборания депутатов Поназыревского района Костромской области от 29 июня 2001 г. № 47 “О положении Поназыревского района “О некоторых социальных гарантиях лицам, замещавшим выборные муниципальные должности и муниципальные должности муниципальной службы Поназыревского района” в части установления для муниципальных служащих Поназыревского муниципального района максимального размера среднемесячного заработка для исчисления пенсии исходя только из должностного оклада, а не оклада денежного содержания и надбавки за выслугу лет, а также применения к должностному окладу меньшего коэффициента — 2,3, а не 2,8, противоречит Закону Костромской области от 21 октября 2010 г. № 666-4-ЗКО “О государственном пенсионном обеспечении государственных гражданских служащих Костромской области”, сделан без учета положений Бюджетного кодекса РФ, Федерального закона “О муниципальной службе в Российской Федерации”, Федерального закона “О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации”, Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и основан на неправильном толковании действующего в Костромской области законодательства в сфере регулирования дополнительного пенсионного обеспечения муниципальных служащих.

Условия пенсионного обеспечения муниципальных служащих Поназыревского муниципального района Костромской области по своим основным параметрам являются сходными (но не тождественными, а определенными с учетом возможностей местного бюджета) с условиями пенсионного обеспечения государственных гражданских служащих субъекта Российской Федерации — Костромской области.

Поскольку пенсии за выслугу лет муниципальным служащим выплачиваются дополнительно к установленным этим лицам в рамках системы обязательного пенсионного страхования трудовым пенсиям, то само по себе определение с учетом бюджетных возможностей органами местного самоуправления правил исчисления таких пенсий и их размера, отличное от правил пенсионного обеспечения государственных служащих, установленных областным законодательством, не может рассматриваться как нарушающее право на пенсионное обеспечение и ухудшающее положение муниципальных служащих Поназыревского муниципального района Костромской области по сравнению с государственными гражданскими служащими Костромской области.

Следовательно, вывод судебных инстанций о том, что исчисленный Б. как муниципальному служащему

Поназыревского муниципального района Костромской области размер пенсии по выслуге лет не может быть ниже гарантированного законом субъекта Российской Федерации размера пенсии за выслугу лет государственного гражданского служащего Костромской области, нельзя признать правильным.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила вынесенные по делу судебные постановления и приняла по

делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований Б. о взыскании недополученной пенсии за выслугу лет муниципальной службы.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 4 апреля 2016 г. № 87-КГ15-10)

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
22 июня 2016 г.)*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), **Борисова Е.Е., Горшков В.В., Давыдов В.А., Журавлева Е.М.,
Момотов В.В., Нечаев В.И., Петрова Т.А., Пчелинцева Л.М., Рудаков С.В., Свириденко О.М.,
Хаменков В.Б., Харламов А.С., Хомчик В.В., Шиловост О.Ю.**

**Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации**

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

Подписано в печать 26.09.2016.
Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,51. Уч.-изд. л. 8,65. Тираж 9644 экз. Заказ 4167-2016.

Отпечатано в АО “Красная Звезда”.
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, д. 38.
Телефоны: 495-941-28-62, 495-941-34-72, 495-941-31-62.
E-mail: kr_zvezda@mail.ru
<http://www.redstarph.ru>
